

Ана Ховская

РЫЖАЯ

Книга 2

Серия «Альянс хомони»

18+

Альянс хомони

Ана Ховская

Рыжая

«Автор»

2021

Ана Ховская

Рыжая / Ана Ховская — «Автор», 2021 — (Альянс хомони)

Тоули – ее родина. Другой она не имела. Но никто не знал, что странная рыжая девчонка станет карой для сильного рода, как и сама она не ведала, что скрыто в ней и станет это подарком судьбы или наказанием... «Рыжая» – это история, в которой развиваются события повести об альянсе хомони, о силе слабых и слабости сильных. О женской душе, её метаниях и страстях. Карающая тьма станет ее оружием... Страхи, отчаяние, боль – все поглотит ледяная пустота в сердце. Но истинным источником этой силы всегда был свет любви... Что делает нас людьми? Кто создает нас такими, или мы сами становимся теми, кто есть? Сможет ли Рыжая быть той, кем ей предназначено, или выберет другой путь? «Рыжая» – это самостоятельная история, но намного яснее и интереснее она станет после прочтения первой книги из вселенной хомони – «Дари Ласо», потому что судьбы героев переплетены и взаимосвязаны.

© Ана Ховская, 2021

© Автор, 2021

Содержание

ПРОЛОГ	5
ТОУЛИ	6
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	57
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	79
Глава 16	82
Глава 17	86
Глава 18	88
Глава 19	92
Глава 20	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Ана Ховская

Рыжая

ПРОЛОГ

Я не знаю, что я такое... Не помню себя другой...

Однажды от того, что увидела в зеркале, мое детство закончилось. Какой-то бесконтрольный механизм, как нечто чужеродное внутри меня, сложил картинку будущего. Я запечатала все радужные надежды, а мысли стали темными и жестокими... Я окунулась в жизнь, сулящую бесконечные варианты решений, от выбора которых зависело, как сложится мой дальнейший путь... и жизнь тех, кто окажется на нем...

Сколько мне сейчас? Двадцать? Тридцать? Или целая вечность?

Смотрю на свое отражение и не понимаю, как я – тихая послушная девочка, как хрупкий цветок, была вырвана с корнем и брошена под ноги холодного, жестокого мира, где властвуют прихоти сильнейших...

Если кто-то скажет, что я бесстрашная, – это ложь, потому что страх – основа моего существования. Без него я не выжила бы тогда, сейчас и потом не смогу... Он питает меня... Он пробуждает во мне самые сильные стороны: я мудрее... выносливее... опаснее...

И не я прежняя сделала этот выбор, а та, кто росла внутри до тех пор, пока не вытеснила странную девочку – человека. С ее выбором пришлось согласиться: доводы сильные – либо они все, либо я...

ТОУЛИ

По дорожке в облаке золотой пылицы плыла черноволосая женщина. Подол голубого платья развивался в стороны, как и ее чудесные длинные волосы. И куда ступала ее ножка в изящной туфельке, тут же распускался бутон тиды¹. ее руку держался малыш и играючи перескакивал с одной ноги на другую, а цветы ласково касались его голеней лепестками, словно проявляя заботу и любовь к этому маленькому созданию. И я завидовала ему...

Я глубоко вдохнула и замерла, желая подольше оставить внутри себя золотистую пыльцу, поднимающуюся высоко в воздух от их поступи и долетающую до моего окна на втором этаже. И пока аромат тиды щекотал нос, а я сама окутана сияющим облаком, кажется, что все вокруг меняется, мерцает тайными посланиями, пропитано любовью и волшебством...

Дверь в комнату с шумом распахнулась, и от глухого удара мячом в затылок я едва не упала с подоконника.

– Рыжая, я ухожу, – раздался громкий голос Игната. – Дядя Иван прилетел. Смотри, чтобы еды хватило на три дня. И хватит глазеть в окно – убери в моей комнате!

Я проводила брата послушным взглядом и снова повернулась к окну. Но женщина с ребенком уже прошли. А аромат тиды остался лишь в воспоминаниях.

Тоскливо улыбнувшись, я прикрыла окно и пошла в комнату брата.

Остатки фруктовых чипсов на столе, крошки на кресле, несвежая одежда на полу в душевой и всклокоченная постель, будто в ней резвился с десятков лесных грызунов, – привычная обстановка.

Раскинув руки, я пару раз хлопнула и, дунув золотистой пылью, в считанные минуты заставила всё в комнате найти свое место, а лишнее убралось в мусорный пакет. Открыв окно для проветривания, я вернулась в свою комнату.

Сколько себя помню, дядя Иван прибывал к нам с Микеры несколько раз в год на два-три дня и, как ни странно, это были мои самые счастливые моменты, потому что я могла улизнуть из дома и заняться чем душа пожелает. Игнат тоже где-то пропадал, поэтому обо мне все забывали.

Я заплела косы, скрутила их в две аккуратные шишки на макушке, украсив шпильками с самодельными цветочками, надела желтое платье и свои старые туфельки. Платье уже становилось мало в плечах и коротко. Но оно самое красивое и почти новое, потому что я старалась надевать его по выходным и в особенных случаях.

«Может, на восемь лет древний дух Бохет снова пришлет мне красивое платьишко», – улыбнулась я в зеркало, поправила пышные рукава и пригладила воздушный подол.

Кто еще мог знать, как я люблю платья, мой размер, всегда тот цвет, который шел к моим рыжим волосам и зеленым глазам, как не дух силы у древних хомони?

Когда утром в каждый день рождения появлялся курьер с посылкой для меня, отец всегда злился, кричал, что не потерпит подарков от неизвестного, даже ходил на пост курьерской службы и выяснял, кто отправитель. Но потом остывал, потому что не нужно было тратить кредиты² на мою одежду. А с пяти лет посылку стали вручать только мне лично в руки. Выслушав крики отца и насмешки Игната, я бежала к себе и распечатывала пакет. Каждый раз это было новое платье, красивее предыдущего. Я прижимала его к груди и танцевала по комнате, а потом и засыпала с ним в обнимку. У меня было все самое необходимое для жизни, для учебы, но нарядную одежду – платья – отец считал излишеством.

¹ Тида – плетущееся растение с крупными бутонами розового цвета.

² Кредиты – электронная валюта в межпланетном альянсе хомони.

Вспомнив каждое свое платье примерно с трех лет, я снова пригладила подол, поправила воротничок и, взяв пакет с мусором, спустилась в холл.

В столовой было шумно. Дядя Иван обладал громким шипящим голосом и веселым нравом, но что-то подсказывало, что дело было в розовом вине особой крепости, которое он привозил с собой.

– Здравствуйте, дядя, – коротко поприветствовала я, остановившись у порога.

Отец и дядя сидели за столом с полными стаканами розового напитка в руках.

– Привет, Сашка. Как дела? – оглянулся дядя и широко улыбнулся, сверкнув темной щелкой между передними зубами.

Я лишь вежливо улыбнулась и взглядом спросила отца разрешения войти в столовую. Тот отмахнулся, лишь бы не отвлекала, и вернулся к разговору со своим троюродным братом.

Я оставила темный пакет у двери и прошла внутрь, чтобы проверить холодильный шкаф.

– Эх, Андрюха! Кто бы знал, что мы будем с тобой жить на разных планетах, а я буду прилетать к тебе в гости на космическом челноке... Мне кажется, я даже русский уже забыл. Работаю ведь с одними хемани и гамони... и ни одного русского в Бетаре³ нет. Вот ведь жизнь случилась, – еле ворочая языком, проговорил дядя. – Сашка, а ты русский знаешь?

Я оглянулась и покачала головой.

«Почему он задает такой глупый вопрос? Он ведь знает кодекс хомони⁴. Как я могу знать язык моих родителей, если родилась здесь? А всем людям запрещено говорить на родном языке. Наверное, вино спутало его мысли?..»

– Русская, а не знает языка! Наш великий... могучий! – усмехнулся дядя Иван и осушил стакан.

– Это всё они – хомони! – проговорил отец такую знакомую фразу. Они снова обсуждали жизнь в альянсе хомони⁵. Это традиция, ведь у отца нет друзей и других родственников. – Установили здесь свой порядок: законы, кодекс – сплошной террор. Контролируют всех, хотят нас выжить и отсюда...

Я заглянула в холодильный шкаф: обед и ужин нужно только разогреть. На завтра можно приготовить что-то свежее – продуктов хватает.

– Нет, Андрюха, ты не прав, – покачал пальцем дядя Иван.

– А зачем тогда нам вживили эти чипы контроля⁶? Чтобы контролировать и наказывать!

– Если бы они хотели нас всех поубивать, то вживили бы в наши чипы подслушивающие устройства. Уже миллионы людей были бы казнены, но они этого не сделали... У них это в законе прописано!

– Да, потому что они дали нам ощущение свободы... Но это обманка! – повысил голос отец, наверное, чтобы быть более убедительным.

«Что значит для них свобода? И что такое несвобода?» – подумала я, наливая чашку чая, и, пока тот остывал, собрала весь мусор со стола и на полке у плиты. А отец все продолжал:

– И следят за нами, как мы приживемся, как мы будем исполнять их правила, смотрят за нами своими огненными глазищами... А как только мы нарушим, бац... сразу стражей натравят... Говорю тебе, что-то не так в этом чипе. Я точно знаю. Они за всем следят!

Дядя отвел рукой поднятый вверх палец отца и покачал головой:

– Андрюха, у тебя паранойя. Нет никакого террора. Они просто хотят от нас...

³ Бетар – город на планете Микера.

⁴ Кодекс хомони – нормы и правила поведения для разных категорий граждан.

⁵ Межпланетный альянс хомони находится в двух звездных галактиках от Земли и состоит из пяти населенных планет: Гана, Микера, Зорун, Кетара и Тоули.

⁶ Чип контроля – устройство идентификации личности всех граждан межпланетного альянса, имеющее индикатор психофизиологического состояния и речевой модуль (для землян), а также содержащий всю гражданскую историю носителя.

– Вот именно, я не понимаю, что они от всех нас хотят, – непримиримо покачал головой отец. – Хорошо, что мне уже не надо брать местную жену... Игнату не повезло... До сорока обязан заключить брак с кем-то из этих уродов...

– Вот ты придира! – засмеялся дядя. – Девушки хемани и гамони тут очень симпатичные бывают... Моя вон, лучше Нинки... и послушная, и фигуристая... Нинка – глупая – на Земле осталась, да и поделом ей...

– Ненавижу всех! Хемани, гамони – всех! А хомони так и вообще поубивал бы!

– Андрюха, живи и наслаждайся. Тебе дали дом, работу – все бесплатно. И живешь ты не на помойке, которой стала Земля после их прибытия. Тебе что, плохо живется? У тебя есть дети, они сыты, одеты. Все путем, Андрюха... Жить в альянсе – это еще не беда...

От слова «сыты» я сглотнула. Сегодня Игнат насыпал в мою кашу корм для птиц. Сказал, чтобы я питалась, как птичка... Но я же не птичка! А тот жутко пахнет, я не смогла съесть ни ложки. Оставалось только выпить травяной чай и ждать обеда.

– Не просто прибытия, а нападения! – со злостью продолжил отец. – Они ударили по нам электромагнитной волной! Я все потерял на Земле: свое дело, дом, жену... А потом переселили нас на свои планеты... раскидали кого куда... Ненавижу этот хомоний порядок! – сжал губы он и ударил по столу кулаком так неожиданно, что я выронила чашку с чаем.

Но никто этого не заметил. Они лишь поморщились, переглянулись и наполнили свои стаканы розовым напитком. Я быстро собрала осколки и сложила их в мусорный пакет.

Когда проходила мимо отца, тот громко крикнул:

– Ты мусор вынесла, бестолковая девчонка?

Я подняла пакет выше, показывая, что уже выношу и, выходя из столовой, мельком посмотрела на дядю Ивана. Тот криво подмигнул и обратился к отцу:

– Она у тебя что, до сих пор не разговаривает?

– Да с рождения такая... Двух слов не выбьешь. Да и пусть молчит. Хоть лишнего не выдаст, а то еще накажут...

– А как же школа?

– Преподаватели не жалуются. Говорят, способная... Но дома – бестолковая!

Я прихватила второй пакет у порога и выбежала из дома, дошла до мусорного контейнера на углу нашей улицы, сунула пакеты в приемник и нажала на кнопку «Переработка».

Прислонив голову к белому контейнеру, услышала, как внутри засуетились сотни существ, весело застрекотали острыми зубками, чтобы превратить мусор в волшебную пыль. Когда все затихло, я улыбнулась, благодарно поклонилась невидимым существам и поспешила в парк.

В это время года там цветут все виды цветов, но их запах перебивает аромат глазированных булочек, который разносится от кулинарной лавки. Я люблю сидеть перед ней и наблюдать, как мастера выставляют свои сладкие шедевры на витрину. Это самый волшебный момент.

Карманные кредиты мне не выдают, а те, что остаются после покупки продуктов домой, накопить не удастся: моя копилка все время куда-то пропадает. У других детей есть кредиты, и они могут купить себе сладости после школы. Я же получаю сладости только дома, когда что-то остается после Игната, но он съедает почти всё.

– Ой, смотрите, опять эта странная рыжая сидит и смотрит на булочки, – раздалось со стороны дорожки, пролегающей через парк в мою школу.

Я оглянулась, перекинула руку на спинку скамьи, положила подбородок на локоть и внимательно следила за мальчишками и девчонками, которые тоже учатся в моей школе. Сегодня выходной, они играют своей компанией.

– Смотрите, у нее смешная прическа, – засмеялась одна девчонка, – похоже на рога.

– У нее вот такие огромные глаза и рыжие пятна на лице! – добавил мальчишка и состроил страшную рожицу с выпученными глазами.

«Неужели у меня такие большие глаза? Это же неправда...»

Ребята прошли мимо, а я все смотрела им вслед. Но потом весело улыбнулась и сосредоточенно прищурилась. И в тот же миг за последним, шагающим в группе, всколыхнулась густая низкая трава, а из-под земли выбрался тонкий корень дерева и обвился вокруг ноги девчонки. Она испуганно пискнула и споткнулась. Двое мальчишек стали поднимать ее за руки и испуганно кричать, но два других упругих корешка поспешили оплести и их ноги так неожиданно, что те тоже повалились на траву. Другие стояли рядом, остолбенев от удивления. Барахтающиеся на траве не знали, что им делать, а проходящие мимо взрослые ничего не замечали. Им никто не мог помочь, когда корни стали притягивать их к стволу дерева, чтобы закинуть на ветки...

– Привет, Саша Малых! Ты что здесь делаешь?– окликнул знакомый голос, и я сразу отвернулась от ребят.

Хорд Ирг Киши Намуро – мой преподаватель по истории. Он тоулиец, родился в смешанной семье гамони и японца. Это он очень интересно рассказывал о том, как люди оказались на Тоули. И он всегда ко мне добр.

Не забывая о том, что в лицо мужчины смотреть нельзя, не поднимая глаз, я кивнула ему в знак приветствия.

– Я слышал, кто-то очень любит глазированные булочки?– улыбнулся хорд Намуро.

Я бросила быстрый взгляд на витрину и вежливо улыбнулась в ответ.

– Только не убегай,– чуть склонился ко мне преподаватель, а потом широкими шагами вошел в кулинарную лавку.

Внутри задрожало от любопытства, и я подняла глаза на витрину. За ней хорд Намуро перекинулся приветствиями с торговцем, что-то взял из рук того и сразу направился к выходу. Снова опустив глаза, я послушно исполняла его пожелание «не убежать».

– Такую умную девочку обязательно надо баловать сладостями,– произнес преподаватель уже рядом и протянул прозрачный пакет, в котором лежала та самая глазированная булочка.

Я удивленно раскрыла глаза, а рот наполнился слюной. Я робко вжалась в спинку скамьи и сглотнула.

– Бери же, Саша... Не бойся... Это подарок,– мягко проговорил хорд Намуро.

Я не могла проявить неуважение к преподавателю, поэтому протянула руку и приняла пакет.

– Спасибо, хорд Намуро,– четко выговорила я, посчитав, что благодарной улыбки или кивка не достаточно: нужны слова.

– Саша, у тебя чудесный голос,– ласково проговорил преподаватель.– Жаль, что ты так мало говоришь. Приятного аппетита! Увидимся завтра на занятии.

Не сдержав радостной улыбки, я кивнула и прижала пакет с булочкой к груди. Краем зрения заметила, что хорд Намуро довольно улыбнулся и пошел восвояси. А я тут же оглянулась назад и разочарованно заморгала, потому что все ребята как ни в чем не бывало удалялись по дорожке вглубь парка. А трава, как и прежде, стелилась ровным ковром вдоль...

Домой можно было не возвращаться еще долго. Я гуляла по парку, по площади, на которой иногда устраивали ярмарки, а потом остановилась у витрины с детской обувью. Красивые белые туфельки подошли бы к любому моему платью, даже к тем, что мне еще не подарили.

«Как жаль, что туфли нельзя купить надолго. Я берегла бы их, и у меня всегда была бы красивая обувь...»

Потом взгляд привлек звонкий щебет из клумбы напротив. Я осторожно подкралась и устроилась на ее бортике. В ней резвились птички с яркими хохолками, но на самом деле это не хохолки, а короны, которые разделяют их по статусам.

«Вот этот главный, а это – его помощник, а эти весельчаки – его верные служащие... И как же их зовут?..»

Я смотрела то на птиц, то любовалась своей булочкой, ее ровной сверкающей глазурью и вдыхала сладкий аромат. И когда рот наполнился слюной в предвкушении нежного кусочка на языке, откуда ни возьмись появился Игнат с одноклассником Маратом.

– А ты что здесь делаешь, рыжая?

Я медленно сползла с бортика и, не поднимая глаз, завела руки за спину. Внутри задрожало от нехорошего предчувствия.

– Что молчишь, малявка? Кто тебе разрешал булочку покупать?

– Я не покупала, – произнесла тихо, уже зная, что булочку попробовать не удастся.

Игнат посмотрел на одноклассника и, наклонившись ко мне, прямо в лицо прошипел:

– Так ты опять ворует?

Я испуганно округлила глаза и отрицательно покачала головой.

«Я никогда не беру чужое!..»

– Дай сюда булочку и молись, чтобы я не рассказал отцу!

Вокруг меня начало рушиться всё: борт клумбы, дерево лопнуло пополам, дорожка пошла глубокими трещинами, птицы превратились в черных ос и закружились над головой...

Не успела и рот открыть, как Игнат схватил меня за руку и вырвал пакет с булочкой. Подкинув добычу в воздух, брат самодовольно выпрямился, но на его лице почему-то появился испуг. Он смотрел на мою раскрытую ладонь. И я посмотрела тоже.

На дорожку падали красные капли. Ладонь была глубоко рассечена пакетом. Мне не больно, но цветы внутри задрожали. Им стало страшно...

– Эй, ты что, Игнат! – испуганно закричал Марат. – Ее срочно нужно в медцентр!

Но брат затряс головой. Кожа на его лице стала бледной, губы задрожали, а булочка выпала из пакета прямо на дорожку.

Я с жалостью посмотрела на нее, на свою ладонь и не верила в то, что вижу.

«Моя сладкая булочка!..»

– Зажми пальцы в кулак! – затараторил Марат.

Я выполнила и продолжила молча смотреть на булочку.

– Тут недалеко медцентр. Давай отведем туда? – предложил Марат.

– Угу, – выдавил из себя Игнат, наступил на булочку и отвернулся вслед за одноклассником.

Я шла за ними с вытянутой вперед рукой, а вокруг нее плавно вращался стебель тиды, то полностью обволакивая ее, то обнажая. И цветы... красивые розовые лепестки ласкали кожу, забирая боль...

Игнат и Марат оставили меня в холле медцентра и вызвали врача. А когда тот появился, то Игнат наклонился ко мне и угрожающе прошептал на ухо:

– И лучше тебе помалкивать, рыжая. Сама виновата!

Я серьезно посмотрела в его бледно-голубые глаза и коротко кивнула.

– Кто это у нас такой маленький и симпатичный? – появился передо мной мужчина в белом костюме. – Как зовут?

«Со мной не нужно сюсюкать. Мне просто семь лет», – чуть нахмурилась я, не поднимая головы.

– Ее зовут Саша Малых, – косясь на меня, сказал Игнат. – Играла в парке и порезалась.

– А вы кто?

– Я ее брат... это мой друг...

– Оставайтесь здесь. А мы быстро пойдем в мой кабинет, – заторопился врач, заметив мой кулачок в крови, и протянул руку, чтобы я за нее взялась.

Я недоуменно посмотрела на его широкую ладонь, а потом на прозрачные двери коридора, в которые, очевидно, нужно войти.

– Взрослая, – усмехнулся мужчина и кивнул, – ну хорошо, не будем тратить время...

Он ловко подхватил меня на руки и почти побежал по коридору.

В кабинете мы оказались не одни. Ассистентка врача уже приготовила для меня кресло и притянула подвесной столик с инструментами.

– Не бойся, малыш. Это всего лишь игрушки, они не страшные,– сказала девушка с пухлыми щеками, а врач усадил меня в кресло и стал что-то вписывать в свой визор⁷.

«Это не игрушки. Я давно знаю, что это за инструменты»,– снова нахмурилась я. Не они пугали меня, а то, что расскажет Игнат отцу, когда тот спросит, где я была и почему порезалась.

– Меня зовут Джон Саманти,– представился врач и сел передо мной, но я смотрела лишь на то, как ассистентка берет какие-то капсулы и раскрывает их.– Больно не будет. Сейчас Меда обработает тебе ладонь, а потом я прижгу лазером ранку, чтобы перестала идти кровь. Хорошо? Ты готова раскрыть ладонь?

Я спокойно разжала пальцы и протянула руку врачу.

– Молодец, смелая девочка,– сказал он и принялся за работу.

Я отвернула голову и закрыла глаза.

«Что делала бы моя мама?»– эта мысль крутилась и крутилась в голове, пока не услышала собственное имя.

– Саша...

Открыв глаза, увидела перед собой только врача. Ассистентки уже не было. На руке тонкая повязка в виде белой перчатки.

– Рука скоро заживет. Завтра нужно прийти на осмотр.

Сжав губы, я пошевелила пальцами и лишь сдвинула брови от легкого покалывания в ладони.

– Как ты порезалась, Саша?

Я неопределенно пожала плечами.

– Саша, посмотри, пожалуйста, на меня. Ты не нарушишь кодекс: я разрешаю тебе,– настойчиво произнес врач.

Я подняла голову и посмотрела сначала на его подбородок, потом на нос и, наконец, в глаза. Они были обычные, темные, внимательные... Расслабив плечи, я выпрямилась и продолжала просто смотреть.

– Ты сама порезалась?

Кивок.

– Или тебя кто-то обидел?

«Нет»,– молча покачала головой.

Тогда врач опустил кресло и помог мне встать на ноги.

– А кто-нибудь тебя обижает?

«Нет».

Он прищурился и присел на корточки передо мной. Взял за руку и держал ее перед собой на весу.

– Может, к тебе строги дома?

Я снова молча качнула головой. Врач Саманти замолчал, рассматривая то мое лицо, то руку.

– То есть ты случайно порезалась?

«Почему он не понимает с одного раза?»– снова утвердительно кивнула я.

Врач задумчиво посмотрел в сторону двери, потом поднялся и вздохнул:

– Хорошо. Позову твоего брата.

Но Игната в коридоре не оказалось. И в холле медцентра тоже.

⁷ Визор – плоский портативный экран, на котором пишут, рисуют или просматривают видео.

– Сколько лет твоему брату, что он так себя ведет?– спросил врач. По его лицу стало заметно, что он расстроен.

На пальцах я показала «пятнадцать». Врач нахмурился.

– Ты всегда так общаешься? В медбазе нет сведений, что ты немая...

Я лишь опустила глаза, не понимая, зачем что-то объяснять незнакомому человеку, если я ответила на все его вопросы и без слов.

– Ладно,– выпрямился врач и осмотрел меня с головы до ног.– Вижу, что коммуникатора у тебя нет?

«Не под платьем же он, глупый!»– не смогла сдержать улыбки я.

– Посиди здесь, я свяжусь с твоим отцом.

– Я могу дойти сама,– тут же произнесла я.

Врач даже оглянулся, будто удивился, что у меня есть голос.

– Дойти? Отсюда до твоего дома полтора часа пешком взрослому человеку,– сел рядом он.

«Всего лишь час семь минут, если посчитать размер моего шага»,– пожала плечом я.

Снова этот странный изучающий взгляд, будто он пытался что-то во мне рассмотреть. А потом врач Саманти уверенно сказал:

– Давай-ка, я перенесу один свой прием и отвезу тебя. Посиди несколько минут...

Я послушно села в белое кресло в холле и утонула в нем. Ноги не доставали до пола. И глядя то на свою руку, то на часы, стала ждать этого странного врача. Все равно идти пешком не хотелось, а отца лучше не сердить...

...Первый свой подзатыльник я получила в три с половиной года, когда брат привел меня из школы первого года в гости к своему однокласснику и оставил одну в столовой. Я была голодной и без спроса съела все печенье, что лежало на столе. А когда захотела пить, не нашла, где раздобыть воды или чаю, залезла на стол, раскрыла шкафы, вскарабкалась на одну из полок и выпила весь запас древесного молочка. Все три баночки. Маленькие такие, с мою ладошку высотой.

– И как ты только туда забралась?!– кричал брат на меня, снимая с полки шкафа. А я удивленно хлопала ресницами и не понимала, почему он ударил меня, что даже язык прикусила, и теперь так громко кричит. Неужели из-за того, что не знает, как я забралась на полку?

Затылок ныл, волосы выбились из хвоста на макушке, Игнат косился на меня всю дорогу домой и резко дергал за руку, когда я не успевала бежать за ним. А я не могла сообразить, как же ему рассказать, что это было просто: ведь у меня есть маленькие крылышки...

Обескрылили меня уже дома, когда брат рассказал папе, что я воровка. Тот поставил перед собой, грубо сдернул платье и несколько раз ударил по спине чем-то ужасно горячим... И сказал:

– Вот тебе за то, как свои «крылья» распускать... Не смей больше трогать ничего чужого!

– Мамочка!– дернулась от боли я, за что получила еще несколько обжигающих ударов.

– Не смей даже вспоминать о ней!– крикнул он и дал первую пощечину.

Я пошатнулась и упала. Это был самый первый раз, когда потемнело в глазах, и я потерялась в пустоте. Но щека начала гореть, я очнулась и заплакала.

– Ох, Сашка, да кто ж тебя послал на мою голову?– морщась, произнес папа, будто ему тоже было больно, и поднял меня на ноги.– Ну что ты смотришь на меня своими зелеными глазюками? Точная копия!

Я не понимала, о чем он, хлопала носом и дрожала от его колючего взгляда. Спине было больно. Я уже знала, что моих крылышек больше нет. Их сожгли...

Позже узнала, почему не следовало пить то молочко: оказывается, оно стоит очень дорого, а в концентрированном виде токсично. Игнату пришлось возместить ущерб родите-

лям одноклассника карманными кредитами за целый фазис⁸, папе отдать половину заработка, чтобы те не пожаловались в службу контроля соблюдения кодекса, а потом еще отвести меня в медцентр для осмотра, ведь я сильно отравилась, по его словам. Но у меня ничего не болело, кроме обожженной спины.

Большой мужчина – врач – спросил:

– Как ты себя чувствуешь, малышка? Тебя не тошнит?

Медленно моргнув несколько раз, я широко улыбнулась и, погладив животик, ответила правду:

– Моим цветам очень понравилось молочко...

Врач очень удивился, наверное, хотел посмотреть на цветы, но я не показала – цветы не хотели этого...

Дома я узнала, что так обожгло мою спину, – папин ремень. И хоть плакала я во весь голос и просила простить меня, папа не останавливался и приговаривал:

– Ты хочешь, чтобы тебя увезли в центр для сумасшедших, а нас всех оштрафовали? Когда ты перестанешь нести эту чушь?! И прекрати реветь!

А Игнат стоял в стороне и посмеивался.

Слезы текли по щекам, кожа горела огнем, но мои цветы остались живы. Ведь они внутри, и до них никому не добраться...

Почему-то после этого случая меня оставили на несколько дней дома. Ко мне стала приходить одна старая женщина, итальянка Роза. Она проводила со мной большую часть дня, пока папа работал, а Игнат учился, и рассказывала странные истории: о далеких планетах, людях – мужчинах, у которых светились глаза, и о том, что стоит мне еще раз заговорить о тех самых цветах или о крыльях, что-то взять без спроса или солгать, как меня сожжет пламя их глаз. Но не только мне самой стоило опасаться, ведь за мои ошибки жестоко накажут всех родных. Поэтому Роза учила, что нельзя делать никогда любой девочке: смотреть в лица мужчинам без их на то специального разрешения; заговаривать с незнакомцами, пока тебя не спросили; обманывать – это бесполезно, так как у всех у нас есть маленький чип на шее, который следит за этим... и много чего еще.

– Но я смотрю на папу и брата?– удивилась я и поежилась, представив, что они могли жечь меня не только ремнем, но и глазами.– Их глаза могут гореть?

– У людей глаза не горят. Но всем девочкам, женщинам можно смотреть только на родителей, родственников и своих будущих мужей,– улыбнулась Роза.– А на чужих мужчин, и особенно не из нашего рода, – запрещено! Сгоришь! И лучше совсем ни с кем не говорить, пока тебя не спросят...

И это очень напугало. Но мне и самой не хотелось смотреть ни на женщин, ни на мужчин: в их поведении столько странного, иногда неприятного и страшного. И говорила я только по необходимости...

А перед тем, как уйти, Роза заплетала мои длинные волосы в красивые косы и восхищалась их редким цветом. У порога она отпускала мою руку, а затем садилась, клала свою большую морщинистую ладонь мне на грудь и шептала:

– Вот здесь у тебя самые красивые цветы. Тебе надо их беречь, любить. Ухаживай за ними, но никогда не рассказывай о них другим... От этого они завянут и погибнут...

«Я обещаю»,– клятвенно кивала я в ответ и целовала эту старую женщину в щеку.

Однажды Роза больше не пришла. От папы я услышала странную фразу: «Сдохла старуха», а потом меня снова отправили в школу.

Однако о тех самых людях, которыми ими вовсе и не являлись, и о правилах поведения с ними, я узнала уже в школе второго года, когда начался предмет «Кодекс и закон хомони».

⁸ Фазис – единица исчисления времени, равная 1/10 года звездной системы хомони и 48 дням.

Это были хомони. Раса, которая переселила нас – людей – на свои пять планет, потому что Земля больше не была пригодна для жизни. Вот у мужчин из этого рода и были глаза с огненно-красным свечением. Преподаватель Ирг Киши Намуро рассказывал и о самих хомони, чем они отличались от нас и двух родственных им рас – гамони и хемани – и какое имели значение. Что их почитали все и безоговорочно исполняли установленные высшим советом правила и законы. Даже они сами.

В шесть лет мне захотелось узнать о той планете, где жили мои родители и брат, – Земле. Ведь я родилась на Тоули и ничего не знала о том месте, где жила моя мама. Я и ее никогда не знала, и видела только на снимке, когда ежегодно перед днем рождения папа отводил меня в службу контроля населения, чтобы обновить снимок и биометрию для истории гражданина⁹. Папа обещал рассказать, но потом вдруг рассердился и запер меня в комнате, чтобы больше не отвлекала глупыми вопросами. Я колотила в дверь, пока не пришел Игнат и снова не дал мне такой подзатыльник, что в голове зазвенело. С того момента, как я опозорила его своим поступком перед родителями одноклассника, он мстил по любому поводу. Я заплакала.

– Что, хочешь узнать про мать?– скривился брат.– Ее никогда не было в нашей жизни! Она была такой же сумасшедшей, как ты...

Появился папа и крикнул ему на неизвестном мне языке:

– *Игнат, не смей бить сестру! Если кто-то заметит синяки, нас всех накажут!*

– *Но сам ты колотишь ее ремнем, а мне нельзя? Она тупая уродина!*– ответил он на том же языке.

– *Это было заслуженно. Прекрати!*

Из всего я поняла только имя брата и что говорят обо мне. Они часто так общаются между собой. Но обычно, когда захожу в комнату, переходят на общий язык альянса.

Игнат ушел к себе, а папа повернулся и сверху строго посмотрел на меня.

– Папа, ты же обещал?– захныкала я, но тут же получила подзатыльник.

– Обещанного три года ждут! А если ты еще раз заговоришь об этом, я так разукрашу ремнем твой зад, что сидеть долго не сможешь! Усекла?

Щеки обожгло слезами, я снова заплакала.

– Умерла твоя мать!– резко бросил папа, а потом неожиданно схватил за подбородок, сжал его с такой силой, что я замерла с широко раскрытыми глазами, и сквозь зубы произнес:– Никогда не смей показывать своих слез! И только попробуй раскрыть рот!

Я сжала губы так сильно, что челюсти онемели. Но слезы продолжали литься. И я поняла, что должна прятать не только свои цветы...

С тех пор я больше не плачу. А слово «папа» умерло так же, как и моя мама...

⁹ История гражданина – основополагающие события в жизни гражданина и регистрация мест его передвижения в альянсе хомони, записанные на чип контроля.

Глава 1

Неожиданно и очень болезненно волшебный мир, скрытый от всех глаз, начал меняться и внутри меня. Это началось, когда мне исполнилось одиннадцать. Тогда же я узнала кое-что о маме и о многом другом...

Мой день рождения выпал на третий выходной фазиса. С самого утра я выполнила все обязанности по дому, предусмотрела все поручения отца и брата, чтобы забраться на любимый подоконник – границу огромного мира и маленького, внешне ограниченного стенами моей комнаты, и ждать курьера. Само ожидание было приятно так же, как и получить подарок, ведь он был единственным в году.

Курьер позвонил в дверь, когда я уже сбегала по лестнице.

– Кто там?– спросил отец из гостиной, где чинил коммуникатор, который не успел закончить в мастерской по ремонту устройств связи. Он часто брал работу на дом.

– Курьер,– ответила я, благодарно кивая парню, который недавно окончил мою школу, но не прошел тест в колледж.

Закрыв дверь, я бережно прижала большую белую коробку к груди и бесшумно поднялась к себе.

От нетерпения чесались ладошки. Прикрыв и свою дверь, я поставила коробку на кровать, опустилась на колени и с тайным восторгом раскрыла ее...

В воздух поднялась золотая пыльца, и аромат тиды наполнил комнату. А из коробки передо мной взлетело невероятного цвета платье. Светло-зеленый микерский шелк играл на свету, вышивка расцветала на подоле потрясающими узорами. Маленькие аккуратные пуговички вдоль каждого рукава и от пояса к горловине пели нежным звоном... Оно было живое и приветствовало меня!

Это его я видела в витрине торгового центра Тоусэла, когда была там с одноклассниками на выставке в прошлом фазисе. Я улыбнулась от счастья и едва коснулась нежной ткани подушечками пальцев, боясь развеять магию. Платье отзывчиво заиграло подолом, а рукава потянулись ко мне...

«Кто бы это ни прислал, он подарил новое волшебство...»

Я потянулась к платью, чтобы вдохнуть его новый аромат...

– Откуда это?– спросил сонным голосом Игнат, просунув голову в дверь.

Я затихла, внутри напрягся каждый стебелек, поднялась с колен и прикрыла платье спиной.

– И кто тебе присылает эти подарки?– пройдя к кровати, недовольно проворчал он.

Потом еще что-то... А я опустила глаза и смотрела на маленькую букашку в крохотном радужном платье, которая переползала через порог комнаты, стремясь успеть вылететь в открытое окно к своим деткам.

«Она почувствовала золотую пыльцу и хочет украсить платья своих деток... И я с ней поделюсь, как только мы останемся одни...»

– Я с кем разговариваю?!– прозвенел голос брата над ухом.

– Я не знаю. Мы каждый год говорим об этом,– вздрогнула я и настороженно повернулась к нему.

– Дай его сюда,– резко наклонился он и схватил платье.

– Это мне прислали, ты не можешь его забрать!– громко взмолилась я и ухватила нежную ткань за край подола. Оно погибнет в его руках!

– А ну дай сюда!– разозлился Игнат и дернул платье на себя.

Я вцепилась в материю и просто не могла разжать пальцы. Игнат протащил меня за собой на несколько шагов, а размахнувшись другой рукой, грубо отпихнул назад. Потеряв равно-

весие, я выпустила платье и, не удержавшись на ногах, изо всей силы села на подлокотник кресла. Острая боль в паху на мгновение ослепила, и я потерялась. Кресло покачнулось и стало валиться набок вместе со мной. Размахивая руками, чтобы ухватиться хоть за что-нибудь, я не нашла опоры, а зацепившись ногой за что-то, поскользнулась и налетела лицом на угол стола. Вокруг и внутри послышался такой треск...

От удара в глазах потемнело, а лицо на мгновение онемело, а потом словно кто-то въехал в меня со всей скорости на аэромобиле и раздавил... Боль взорвалась в каждой клеточке тела. Я закричала, но сразу замолкла, потому что дышать стало трудно... даже почти невозможно... Я испуганно раскрыла рот и стала делать резкие вдохи, а с подбородка что-то закапало...

– Эй, что там за шум?– послышался голос отца из коридора.

Игнат схватил меня за руку, дернул к себе и испуганно отшатнулся.

– Кому-нибудь расскажешь, и я тебя побью!– прошипел он и бросил платье на кровать.– Да ничего, она тут от радости упала...

– Сашка?!– вскричал отец, когда увидел меня. А я, кроме боли, ничего не могла понять. Все вокруг кружилось. И я задыхалась...

– А ну быстро вызывай аэротакси!– велел отец брату, и тот убежал.

Я, наконец, дотронулась до лица рукой, потому что казалось, что оно у меня исчезло, и ощутила что-то теплое, мокрое и липкое... А нос и вовсе не чувствовала...

Примерно через пятнадцать минут я оказалась в медицинском кабинете. Уже знакомая ассистентка врача Меда суежилась вокруг. А в мыслях крутилось одно: «Мое платье убили... Оно треснуло, когда Игнат оттолкнул меня... И ничего уже не исправить... Неужели так будет всегда? Я верила своим цветам, а они обещали защищать меня...»

И я хотела кричать на всю Вселенную: «Так не может быть!», но молча смотрела, как бордовые капли, словно слезы, падают мне в ладони...

– Привет, Саша Малых,– вошел врач Джон Саманти, просматривая свой визор.

Я лишь подняла глаза и снова опустила: трудно было смотреть вверх.

– Давай-ка посмотрим на твое лицо... Саша, посмотри на меня...

Я нерешительно подняла голову и закашлялась, оттого что кровь потекла в горло.

– Тише, тише,– тут же Саманти аккуратно опустил мою голову рукой и ощупал переносицу.– Так... Все ясно... Меда, переодень Сашу и подготовь к операции. Я подойду через минуту...

Услышав «операция», я закрыла глаза и беззвучно глубоко вдохнула ртом. Внутри дрожало и холодело...

Врач вернулся через минуту, как и обещал. Меня положили в длинное кресло и пристегнули прозрачными ремнями.

– Я сделаю тебе обезболивающую инъекцию. Ты не будешь мне мешать, отворачиваться, дергаться?

«Не буду»,– как могла, покачала головой я.

– А ты все такая же молчунья?– мягко улыбнулся он.– Хорошо. Но перед тем, как сделать инъекцию, спрошу: у тебя еще что-то болит?

Я не решалась ответить и напряглась, но, ощутив пульсирующую боль внизу живота, кивнула и провела рукой от живота к бедрам. Не могла показать точнее: болел живот, копчик, пах... А больше всего внутри, там, куда никому не добраться...

– Не возражаешь, если я осмотрю тебя, пока начнет действовать релаксант?

После легкого укола с двух сторон от носа я ощутила легкую слабость и закрыла глаза...

Проснулась оттого, что услышала громкий голос отца. Я огляделась и обнаружила себя все еще пристегнутой к креслу и с чем-то огромным перед глазами – это что-то было на носу. Голова тяжелая. Поморщиться не удалось – лицо онемело. Но чуть повернула голову к двери приемной врача и прислушалась.

– Андрей, расскажите, как это случилось?

– Я не знаю, меня не было дома. Сын сказал, что она упала.

«Зачем он лжет? Это ведь не он сделал?» – не поняла я.

– У девочки сломана переносица, хрящ раздроблен, есть смещение лицевой кости и множественные повреждения крупных сосудов и нервов. От простого падения такого не бывает... А еще у нее нарушена целостность слизистой складки влагалища...

Я поняла только про нос, все остальное даже представить себе не могла, что это такое. Но внутри похолодело еще больше.

– Это что еще? – недоуменно спросил отец.

– Разрыв девственной плевы – так понятнее?

«Мне – нет!»

– Ну... ну и что это... чем это грозит?

– Ей нужна как пластика носа, так и гименопластика¹⁰, – сказал Джон Саманти.

– Так делайте. Зачем меня спрашивать? Я ничего не понимаю в этом...

– Я сделал все возможное с носом. Необходимо выдержать восстановительный период. Но с пластикой лица и гименопластикой не помогу. Я работаю только шесть лет. У меня пока нет разрешения на применение специальных препаратов и проведение операций такого рода. Но в Тазире есть специалист, который может помочь.

– Это очень далеко! Будет время, отвезу, – нетерпеливо ответил отец.

– Девочка останется изуродована, если не провести вовремя правильную операцию...

– Вы уже сделали, что могли, что еще надо?! – возмутился отец.

– Пластику нужно делать как можно раньше, иначе могут возникнуть осложнения.

– Я же сказал: я отвезу ее! Я один зарабатываю на семью, у меня нет времени...

– Хорошо, – терпеливо продолжил Саманти. – Хотите, я сам отвезу? У вас есть пять тысяч кредитов?

– Что? Зачем?

– Столько будет стоить пластика. Это не стандартная медицинская услуга, поэтому платная.

– Вы меня разорить хотите? – повысил голос отец. – Я потратил столько кредитов, чтобы купить ей форму в школу на следующий год и сын в этом году оканчивает колледж, я еще не знаю, сколько придется заплатить за повторные экзамены, если он не сдаст... У меня нет кредитов, чтобы красоту наводить. Нос на месте – этого достаточно для жизни!

– Разве вы не хотите, чтобы ваша дочь успешно прошла комиссию и торги? – удивленно спросил врач.

– Ну вы же дадите заключение, что у нее травма?

– Да, но...

– Она никогда не была красивой. Не выберут на торгах после двадцати, так в сорок лет автоматически назначат мужа. Нет у меня свободных кредитов! – категорично выдал отец.

Я вжала голову в плечи, а в груди зазвенело так сильно, что все бутоны тиды захлопнулись и спрятались.

– Я говорю с вами откровенно только потому, что понимаю всю сложность ситуации и хочу помочь. Почему вы сопротивляетесь? Она же ваша дочь! – уже возмутился Джон Саманти. – Вы можете сделать в долг – это вполне возможно.

– Нет! – отрезал отец. – Не собираюсь ходить в должниках. Делайте то, что следует сейчас, и хватит на этом.

¹⁰ Гименопластика – операция по восстановлению девственной плевы.

Потом в приемной долго молчали. А я почувствовала, как внутри вянут цветы... Они становятся тусклыми, лепестки опадают, аромат превращается в запах металла... Я сглотнула и медленно отвернулась к окну.

– Когда я могу ее забрать?– снова послышался голос отца.

– Она под действием релаксанта, хотите, ждите в общем холле еще пару часов или приезжайте за ней позже,– недовольным тоном ответил врач.

– Нет у меня времени расслаиваться. Я что, не могу забрать ее спящей?

– Не можете,– уверенно сказал врач, и я почему-то обрадовалась. Хоть и не люблю мед-центр, но сейчас здесь так спокойно и мирно... в этом кресле, в этом кабинете... рядом с Джоном Саманти...

– Тогда сообщите мне,– сказал отец и, похоже, вышел.

Когда слышались шаги, я прикрыла глаза и лежала неподвижно, ровно вдыхая и выдыхая воздух ртом. Потом кто-то осторожно коснулся моего запястья.

– Саша, ты уже проснулась?– тихо произнес Джон Саманти.

Я приоткрыла глаза, но голову не повернула.

Врач обошел кресло и встал с другой стороны. Я подняла на него глаза и заметила, что он смотрит как-то странно, никто так раньше на меня не смотрел, и произнес:

– У тебя очень быстрый метаболизм, раз уже пришла в себя. Ты помнишь, как меня зовут? Я кивнула.

– Я хочу спросить тебя, но кивков мне недостаточно. Мне нужны объяснения...

Спокойный кивок.

– Как это произошло с тобой?

– Я споткнулась о кресло и, кажется, ударилась об угол стола,– слабо проговорила я.– А то, что вы сказали моему отцу, это очень страшно?

Врач опустил глаза и как-то грустно вздохнул.

– Ты все слышала... Для жизни это несколько не опасно.

Я почувствовала, что он что-то не договаривает. Про какие-то торги, про комиссию... Я слышала, что все это как-то связано с будущим женщин и мужчин, но нам никто не рассказывал этого в школе. Это касалось взрослых... А для всех я еще ребенок...

– Но ведь это заживет?– спросила я.– Кожа всегда заживает...

Врач выпрямился и прищурился.

– И часто твоей коже приходится заживать?

– А разве у вас не так?– сделала удивленные глаза. Но намек поняла. Однако не могу рассказать ему правду: если он заявит на брата, тот будет мстить мне с еще большей яростью.

Врач прищурился, некоторое время смотрел на меня неотрывно, я – на него, а потом сказал:

– Ты права, это всего лишь кожа. Заживет. Постарайся быть осторожнее...

Но ему было грустно. Я благодарно кивнула.

– Я еще немного понаблюдаю за тобой, а потом отпущу. Придешь завтра на осмотр, хорошо?

Кивок.

– Ты не любишь говорить, да?– грустно улыбнулся он.

– Когда это важно и есть о чем,– ответила я и мельком взглянула на него. Он снова внимательно рассматривал меня.

– У нас с тобой еще пара часов, можем поговорить о чем-нибудь важном,– предложил врач.

«Зачем он хочет со мной говорить?»– недоуменно сдвинула брови я.

– Разве вам не надо работать?

– На эти два часа – ты моя работа, – развел руками он, а потом вдруг вскинул указательный палец вверх и сказал: – Дай мне минутку... – и вышел из кабинета.

Я поерзала под ремнями, посмотрела на руки, легонько коснулась того, что было на носу, и снова посмотрела на дверь.

– С днем рождения, Саша!

Врач вошел в кабинет и протянул мне яркий зеленый пакетик с фруктовым пюре.

И вдруг я ощутила, как внутри вспыхнул свет, и бутоны распустились красными, желтыми, розовыми лепестками, будто и не умирали. Он – первый, кто сегодня поздравил меня с днем рождения. И похоже, единственный...

Я облизнула сухие губы и с досадой проговорила:

– Но я не могу есть, у меня нос болит...

– А ты ешь ртом, – засмеялся Джон Саманти. – Вот тебе трубочка. Ты ничем себе не навредишь.

Я потянулась и приняла пакетик. Попыталась улыбнуться в благодарность, но губы не слушались, поэтому просто кивнула.

– Может, тебе что-то нужно, чего ты не можешь получить в другом месте? – неожиданно спросил врач.

Я подняла голову и замерла взглядом на этом необычном человеке.

Он снова смотрел на меня странно. Но мне нравился его взгляд. От него шло тепло, оранжевые лучи света, а вокруг все расцветало... Как странно, что он этого не замечал...

Я не знала, как назвать то нужное, в чем нуждалась. Оно слишком большое и кажется абсолютно невозможным... И названия ему нет... Поэтому просто покачала головой.

Врач сел рядом и коснулся моего плеча.

– Саша, жизнь очень длинная и сложная. Сейчас ты маленькая, но тебе придется научиться общаться. Без этого не обойтись...

И сама от себя не ожидая, я произнесла:

– Я хочу узнать все, что есть в медбазе о моей маме. Она ведь умерла здесь?

И вот что узнала, когда Джон Саманти нашел врача – человека, который принимал роды у Марии Малых...

Мама прибыла на Тоули на последнем сроке беременности и еще на Земле заразилась смертельным вирусом – ЧВ. Она не выжила после родов, даже не успела взять меня на руки. Я едва появилась на свет, и отцу сообщили, что ребенок тоже не выживет. Но мне удалось выжить лишь из-за высокого уровня медицинских технологий в альянсе. Я довольно долго была слабым, болезненным ребенком и вызывала опасения у врачей, что не проживу и года: практически не питалась самостоятельно, все время спала, а если бодрствовала, то беззвучно лежала в колыбели, словно мертвая, ни с кем не контактировала, даже ни на что не реагировала. И вдруг в полтора года резко пошла на поправку...

Уже прошло много лет, как я перестала быть хилым младенцем, но до сих пор меня раз в полгода вызывают на медицинский осмотр. Меня обследует всегда один и тот же врач, хотя даже не знаю, как его зовут: кладет в большую капсулу для полного сканирования, берет кровь на анализ, а потом вписывает что-то в свой визор и отпускает...

Поэтому не люблю бывать в медцентре. Но сегодня я впервые взглянула на него с другой стороны. И в этом была заслуга Джона Саманти.

Глава 2

Мама даже не успела взять меня на руки. Но я часто вижу ее... во снах... и когда думаю о ней. Я ведь вся в нее: рыжая и зеленоглазая, с крупными веснушками по всему телу... А она всегда предстает передо мной в зеленом платье с пышной копной рыжих волос, с такой светлой кожей, что через нее просвечиваются голубые венки. Она тянет ко мне свою хрупкую руку и так ласково улыбается... Лучики света отражаются на ее белоснежных зубах... А когда я касаюсь ее, картинка меркнет, и в глазах темнеет...

Я открыла глаза и перевернулась набок. Что-то не дало повернуть голову нормально, и резкая боль вонзилась прямо в мозг. От испуга я широко раскрыла глаза и вскочила с постели. Все лицо ужасно болело.

«Что со мной?!»

Постепенно вспомнила, что случилось. Вчера днем отец привел меня из медцентра и по велению врача зарегистрировал разрешение не появляться в школе несколько дней.

Морщась от боли, я прошла к зеркалу и взглянула на себя. И чуть не села на пол от ужаса. Это было не лицо, а нечто сине-фиолетовое, местами жутко желтое. Толком и глаз не видно. Нос, рот и щеки – все сравнялось.

Джон Саманти упоминал о сильном отеке, но я не думала, что буду выглядеть настолько уродливо. Я даже не узнала себя.

– Сашка, просыпайся, одевайся... Отнесешь готовые коммуникаторы в Торго, – услышала голос отца и резкий хлопок в дверь.

«Как же я выйду на улицу в таком виде?!» – оглянулась я.

Он спустился вниз, а я села на пол перед зеркалом и с неверием смотрела в две маленькие щелки, когда-то бывшими большими зелеными глазами. Так сидела в комнате до тех пор, пока не распахнулась дверь и не вошел отец.

– Долго тебя ждать?... зарычал он, а потом замер. – *Ох, мать божья!*

Я так и не поняла: ругался он или что это за слова такие?

Позади отца возник Игнат.

– Ого, ну и страшилище! – громко хохотнул тот.

А внутри меня будто огонь вспыхнул и опалил нежные лепестки драгоценных цветов...

– Так она мне всех заказчиков перепугает, – сказал отец и отвернулся к Игнату. – Тогда ты отвезешь коммуникаторы, а она пойдет за продуктами и займется обедом и ужином... Готовой еды совсем не осталось, а сегодня прилетит Иван.

– Но у меня занятия! – возмутился Игнат и злобно покосился на меня. – А она дома сидит... По своей вине, между прочим!

Перед глазами пронеслось: зеленое платье, толчок, кресло, угол стола... Я содрогнулась, вспомнив тот ужасный хруст где-то в черепе, но не опустила глаз, заставив себя смотреть прямо перед собой.

– У меня работа и куча заказов, – недовольно сказал отец. – Кто кормит всю семью? Ты пока еще не зарабатываешь!

Игнат, недовольно сжал губы и сквозь зубы процедил:

– Отнесу после колледжа.

– Все, я в мастерскую, – проворчал отец и мельком глянул на меня. – И как ты только смогла себя так покалечить? Одни проблемы с тобой! Смотри, не наклоняйся. Врач сказал, что кровотечение может открыться... Не выходи из дома и занимайся, чтобы не отстала потом в школе.

Я молча смотрела на обоих и чувствовала, что огонь внутри не остановится, пока не выжжет мой мир дотла. Он становился хрупким с каждым днем моей жизни. Я всеми силами

держалась за последние лепестки, накрывая их защитными сферами из золотой пыли, но огонь – безжалостная стихия, говорил мой преподаватель по естественным наукам. Но кое-что пугало еще больше: откуда-то я чувствовала, что огонь не последняя стихия, которая нагрянула в мой мир цветов...

Отец уже вышел, а Игнат стоял на пороге комнаты и с ненавистью смотрел на меня. Я уже знала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Заказы отнесешь сама, а потом заберешь продукты. Я оплачу по дороге в колледж. Но готовить не смей... Я не хочу ужин с кровью...

– У меня нет кредитов на аэробус, – тихо сказала я.

– Пешком дойдешь! Не маленькая, – прошипел брат и вышел.

Я понимала, что и пешком едва дойду, потому что все внизу живота болело, а каждый шаг отдавался резью где-то ниже пояса. Но, зажмурившись и собравшись с силами, осторожно оделась, распустила волосы, чтобы немного прикрыть лицо и, не позавтракав, вышла из дома...

* * *

Я вернулась только после обеда. Игнат уже был дома, и не один.

В столовой слышалось несколько голосов. Я тяжело опустила пакет с продуктами на пол и уставилась перед собой в мертвую точку. В груди жгло, а в мыслях, не переставая, крутилось: «Эс карра ниен эхь!»

– Кажется, рыжая притащилась...

Из столовой вышел Игнат и оглядел меня с ног до головы. Долго молчал, а потом фыркнул:

– Ну и жалкое же зрелище...

Стиснув зубы, я медленно перевела взгляд на него и за него. Ужасно мешали смотреть вспухшие веки: глаза словно выпирали наружу, приходилось делать усилие, чтобы моргать.

– Фу-у-у! Какой ужас! – вскрикнула девушка за плечом Игната (кажется, его однокурсница) и скривила лицо, будто от отвращения.

– Да что там такое? – удивленно спросил дядя Иван и тоже показался в дверном проеме столовой. – Ох ты ж!..

Но я больше не отвернулась, а, напротив, повернулась ко всем и склонила голову набок, глядя им в лица.

– Что уставилась? Ты не могла раньше прийти? До Торго час ходьбы. В холодильнике шкафу пусто. Дядю Ивана нечем накормить! – возмутился Игнат, отводя глаза: ему противно смотреть на меня.

Но я молчала.

– Да не ворчи ты на сестру, и без того вон... не повезло, – проговорил дядя.

Игнат, недовольный упреком, выхватил пакет с продуктами и ушел в столовую. Незвестная девушка, переминаясь с ноги на ногу, смотрела на меня все с тем же отвращением и жалостью.

– Ты говорил, что она сломала нос, но не думал, что ее раздует, как жабу... Помнишь таких уродливых гадов на Земле, Игнат? – хмыкнул дядя Иван, и моя надежда на чистое сочувствие хотя бы одного человека испарилась.

– Они такие мерзкие? – поинтересовалась девушка, отвернувшись от меня, видимо, тоже родилась здесь.

– Да, жуть: уродливые, скользкие, мерзкие, вонючие и абсолютно бесполезные твари, только всем мешали, – стал перечислять дядя, а я чувствовала, что все это обо мне. Потом он подошел, потрепал меня по плечу и усмехнулся: – Надеюсь, ты не останешься с таким лицом? А то кто ж тебя выберет в жены?

– Да ее и не выберут,– отмахнулся Игнат, выходя из столовой.– Кому нужна рыжая уро-дина, да еще и больная на всю голову? Что ни скажи, уставится в пол или в окно и молчит. Как ее еще в центр для умственно отсталых не забрали...

– Пойдемте в чайную, угощу вас обедом,– решил дядя и взялся за дверную ручку.

– Пойдем. Смотреть на это невозможно,– согласился Игнат и указал мне пальцем на лестницу.– А ты – марш к себе!

Я отступила к стене. Все вышли. Дверь медленно закрылась за ними. И в последнюю секунду послышался голос девушки:

– Твоя сестра теперь никому не будет нужна. Она и не девственница, судя по тому заключению, которое дал врач...

– Неудачница,– засмеялся Игнат.– Если и поступит в колледж, то после него будет при-служивать кому-то из высшего сословия, если повезет. А нет, всегда будет на посылках... Курьером у отца...

Дверь захлопнулась. Все шумы с улицы стихли. Я сглотнула и, только сейчас ощутив, что больше не могу стоять на ногах, прислонилась к стене, на которой висело зеркало. И тут же отшатнулась, испугавшись своего отражения. Я резко попятилась и остановилась, увидев себя в полный рост.

«Жалкое зрелище... Маленькая, тощая, вся синяя...»

В глазах стало темнеть. Я испугалась от неожиданности и странного озноба. Я смотрела, но уже не различала контуров себя или предметов вокруг, а какое-то темное облако заволаки-вало все передо мной. Оставалось маленькое окошко, которое все сужалось и сужалось, пока не превратилось в белую точку, а потом и та вспыхнула синим огнем и разлетелась ледяными искрами внутри меня.

Не знаю, как долго пробыла в этом темном облаке, покрываясь инеем изнутри, но когда моргнула, то обнаружила, что стою у пустой стены, а вокруг на полу лежат осколки зеркала. Я машинально сделала шаг назад. Онемев, долго стояла и смотрела себе под ноги и вокруг, пытаясь понять, что произошло, но в памяти – пусто. И не мысли о неминуемом наказании оглушали меня, а такой звон в голове, что все внутри дрожало. Я ощутила, как сильно бьется сердце, как меня раскачивает от этого и как ненормально дрожат руки...

Подняв голову, посмотрела на столовую. А потом молча перешагнула осколки и вошла в нее. Взяла пакет с мусором, перчатки и пошла в холл. Раскрыв пакет, я увидела светло-зеленый шелк...

«Мое платье... Мертвое платье...»

В эту минуту ощутила, что меня будто выпотрошили, как птицу перед готовкой. Цветов больше не было, вообще больше ничего... Холод и сильное... давящее... темное чувство опу-стошало изнутри...

Глава 3

Я вбежала в медцентр и бросилась к стойке регистрации. Администратор испуганно отпрянула, когда я положила дрожащие руки на столешницу, а потом, как и все сегодня по пути в Торго, там и обратно, посмотрела на меня со смесью жалости и брезгливости.

– Я к врачу Джону Саманти,– глухо выговорила я.

– Сейчас узнаю, свободен ли он... Ты Саша Малых, да? Вчера была на операции?

Я кивнула и нетерпеливо посмотрела на прозрачные двери, за которыми в конце коридора был кабинет моего врача.

– Посиди в холле ожидания. У него сейчас прием.

Но я не села, а подошла к двери и смотрела сквозь нее... Дрожь все еще окатывала ледяными волнами, но, стиснув зубы и едва дыша, я изо всех сил держалась за надежду, что меня спасет этот человек...

...– Эй, кто тебя из дома выпустил в таком виде?!– ужаснулся торговец, когда увидел меня у своей витрины с глазированными булочками.

Я уже отнесла коммуникаторы клиентам отца и теперь собиралась забрать пакет с продуктами. Но сладостей в нем не было.

– Вот... забирай,– подал продукты он и поморщился.

Но я, обняв тяжелый пакет, продолжала смотреть на булочки.

– Булочки не оплачены. Так что иди, рыжая, не пугай покупателей,– с жалостью прошептал торговец и указал на дверь.

«Но ведь в лавке пусто...»– подавленно огляделась я и отвернулась к выходу. Но, когда послышались удаляющиеся шаги, оглянулась и замерла...

Не знаю, что в этот момент толкнуло меня сделать это. Я просто подошла к открытой витрине, взяла блестящую булочку, сунула ее в пакет, отвернулась и вышла из лавки. Никто не окликнул, даже не заметил... А мне было все равно: поймают ли, накажут ли... Может, именно этого и ждала?

Раньше я слюной давилась, когда видела эту сладость, она всегда была для меня недоступной... А потом, сидя в парке у всех на виду и глядя на глазированную булочку в руках, не возникло даже и мысли попробовать ее. Мне лишь хотелось почувствовать, что я хоть что-то могу сама, хоть что-то подчинить своей воле... даже таким способом. И ничего другого в тот момент не придумалось, как украсть. Я только повиновалась порыву и исчезла...

Лицо Джона Саманти возникло перед глазами, и я вернулась из воспоминаний. Он смотрел на меня так, будто со мной все в порядке: ни синего опухшего лица, ни уродливого каркаса на носу, ни рыжих спутанных волос на голове...

– Саша, здравствуй. Я рад, что ты пришла. Ты одна?– беспокойно произнес он.

Я кивнула и взяла его за руку. Он все понял без слов.

– Помогите мне, пожалуйста,– выговорила ровно, как только дверь в кабинет врача закрылась за спиной.

– Конечно,– охотно согласился он и рукой показал на кресло.– Не возражаешь, если я начну осмотр?

Я села, сложила ладони на колени. Врач снял каркас с носа и, начав обработку чем-то резко пахнущим, спросил:

– Тебе ведь нужна другая помощь, верно?

Внутри все дрожало от нетерпения и страха, а лицо ныло от тупой боли, но я спокойно подняла глаза и сказала:

– Вы еще хотите поговорить со мной о важном?

Саманти закончил обработку, нанес какой-то гель на все лицо, а затем откинулся на спинку кресла и задумчиво прищурился.

– Конечно, Саша... О чем ты хочешь поговорить?

– У кого я могу узнать, что означает «Эс карра ниен эхь»?

Уголки его глаз дрогнули. Он удивленно поднял брови, а потом придвинулся, наклонился и внимательно осмотрел мое лицо.

– Очень сильный отек. Надеюсь, ты не была в школе?

«Почему он не отвечает на вопрос?»

– Есть разрешение на отсутствие на три дня, – снова ровно выговорила я.

– Хорошо. Я дам гель, которым надо смазывать все лицо до пяти раз в день, чтобы гематома сошла...

– Мне нужен ответ на вопрос, – настойчиво сказала я.

Саманти отклонился назад и долго молчал. Только брови на его лице подрагивали, когда он переводил взгляд с меня на окно и обратно.

– Это ведь древний язык хомони, – наконец заговорил он, но я не отвела глаз от него. – Разве ты не знаешь, что на нем говорят только хомони? Он запрещен для людей и любого, кто не входит в специальный перечень профессий и управленческий состав. И его обычно учат на последнем курсе колледжа, если есть назначение.

– Тогда, кто мне может помочь? – настаивала я.

– Почему это так важно для тебя?

Я отстранилась от спинки кресла, упрямо глядя на врача, а внутри ворочалось что-то тягучее и холодное...

Я выжила после рождения. Прошла болезненная худоба, вялость, я стала есть и, как все, пошла в школу в три года. Вполне хорошо училась до сих пор, не отставала ни по одному предмету, хотя некоторые мне абсолютно не нравились. Но по каждому я могла получить сто баллов – высший результат, однако с некоторых пор сознательно не добирала их, чтобы не спровоцировать месть Игната. Никогда не понимала, почему его так задевают мои успехи...

Я не была неудачницей, но общаться с миром так и не научилась. Говорила ровно столько, сколько этого требовали обстоятельства: школа, врачи, другие взрослые. Мне не нужны были слова, чтобы что-то объяснять другим, как и самой понимать их: хватало мельком взглянуть в их сторону, и я уже понимала, что они чувствуют. Мне было уютно внутри себя, достаточно своих чувств, ощущений и мыслей... Я защищала свой мир, прячась ото всех. Мне никто не был нужен, даже одноклассники, отношения с которыми не то чтобы не складывались, их совсем не было. Говорила я только дома, потому что Игната злило молчание, и слова были спасением от неожиданных подзатыльников. Отец со мной почти не разговаривал, и от меня не ждал излияний. Я никогда не перечила ни ему, ни брату. Все было, как всегда, и я не знала, как это – по-другому...

С рождения я жила в маленьком замкнутом мире, в который никого не пускала, но сегодня ясно осознала, что этот мир замкнут и снаружи, и меня не выпустят, если не выберусь сама...

– Потому что больше не хочу молчать, – наконец ответила я, а после этого рассказала всё, что случилось со мной за эти пару дней. – И так каждый день... Сегодня я впервые так близко увидела мужчину хомони. Я испугала его жену... Но разве, когда бояться, смеются? Она посмотрела на меня, как на что-то мерзкое, и сказала: «Эс карра ниен эхь!»...

Саманти выслушал очень внимательно. В его взгляде были и волнение, и злость, и гнев, и еще что-то, но не жалость – сочувствие, и понимание, и забота... Так много чувств, которые я смогла различить. Никогда не чувствовала такого искреннего желания помочь. Но сейчас именно оно пропитывало все пространство вокруг меня и согревало от того холода в груди, с которым я вошла сюда.

– Вот что мы сделаем,– сказал врач, когда я опустила голову.– Я свяжусь с твоим отцом и скажу, что при осмотре выявил у тебя осложнение, поэтому везу тебя в Тазир на дополнительную процедуру... Посиди немного, я внесу кое-какие изменения в твою историю болезни, и мы поедем.

«Тазир? Это же так далеко!»– но я кивнула и отвернулась к окну.

– Ты голодная?– спросил он через несколько минут.

«Нет,– покачала головой.– Еда подождет...»

– Тогда едем...

* * *

– Джон, как ты здесь оказался?– услышала звонкий женский голос.– О-о, что случилось с этой малышкой?– тут же посерьезнела молодая женщина и присела передо мной.

Я взглянула на нее и напряженно выпрямилась, стараясь найти на ее лице те же чувства, которые испытывали многие при виде меня.

– Привет,– с теплым сочувствием проговорила она, и я поверила ей.

– Сара, это Саша. Нужно срочно организовать операцию по пластике носа... Саша, это Сара Басил Лефар – моя сестра.

Та строго посмотрела на Саманти и тихо сказала:

– Мы можем это обсудить у меня в кабинете?

– Нужно кое-что еще...

– Саша, посиди на скамье, мы сейчас подойдем,– улыбнулась Сара и отвела меня к скамье у дерева, а сама вернулась к Саманти.

Я не слышала, о чем они говорили, но по жестам и лицу заметила, что Сара что-то настойчиво доказывает брату, а тот упрямо стоит на своем.

Как только они договорились, я перевела глаза на цветущий куст, будто и не наблюдала за ними.

– Пойдем, Саша, приведем твой носик в порядок,– сказала Сара.

Я нахмурилась, а Саманти сразу сел передо мной и взял за руку.

– Сара будет оперировать тебя со своим мужем. Надо спешить, пока он не ушел.

– Ваш муж – хемани?– спросила я. Сара кивнула.– А он знает, что такое «Эс карра ниен эхь»?

Ее брови сошлись на переносице. Она мельком переглянулась с братом и настороженно покачала головой.

– Пойдем, сделаем все, что нужно, а после поговорим,– ответил Саманти.

Меня прооперировали очень быстро. Я даже не заметила, как оказалась в палате. Мое лицо не изменилось, но хорд Басил Нером Лефар – муж Сары – сказал, что потребуется немного времени, чтобы все зажило. Однако останется небольшой горбик на носу, потому что у меня, на удивление, оказалась очень быстрая регенерация тканей: хрящ успел срастись над поврежденными нервными окончаниями и, чтобы не повредить нерв, его не тронули.

Джон Саманти вошел сразу после ухода хорда Лефара.

– Врач Саманти,– хрипло произнесла я.

– Саша, можешь называть меня Джоном, пожалуйста?– улыбнулся он, садясь рядом с кроватью. Получив в ответ кивок, продолжил:– Я сообщил твоему отцу, что ты останешься здесь на пару дней для восстановления. Он не возражал, когда узнал, что это бесплатно,– с осуждением и горечью усмехнулся Джон.

– Значит, у меня не будет проблем с комиссией и торгами?– спросила я, сама не понимая, что это означает. Но ведь это волновало Джона вчера, значит, это что-то серьезное.

Джон как-то неуверенно кивнул, но сказал:

– Однозначно. Если ты будешь беречь себя.

Я засомневалась, что он говорит всё, и вдруг выдала:

– Тогда мне нужно выучить русский язык.

Джон нахмурился. Но я смотрела на него так долго и не мигала, что он лукаво прищурился и сказал:

– Зачем тебе это?

– Я не смогу себя защищать, когда от меня что-то скрывают... Отец и брат часто говорят на нем... обо мне.

– Я выйду на минутку, – задумчиво сказал Джон.

Чуть позже он вернулся уже с Сарой. Она осталась у двери, а Джон сел рядом с каким-то неизвестным устройством в руках.

– Саша, ты знаешь, что это такое? – спросил он.

«Нет», – покачала головой я, рассматривая небольшой экран на предмете.

– Это сканер чипа контроля. Его используют службы контроля, отделы расследования, стражи¹¹ и военные, чтобы считывать историю гражданина, фиксировать все нарушения носителя чипа и... распознавать ложь.

Я перевела взгляд на Джона и снова посмотрела на устройство.

– Могу я кое-что попробовать... ради интереса? – продолжил он.

Я согласно кивнула.

– Я задам тебе ряд вопросов, а ты дашь такие ответы, чтобы половина из них были правдой, а другая – ложью. С чего начнешь, решать тебе... Да, и отвечать нужно вслух, – улыбнулся Джон.

Я взглянула на Сару, та смотрела на меня без единой эмоции.

– Ты готова?

– Это первый вопрос? – вернувшись к Джону, спросила я.

Он усмехнулся и оглянулся на сестру.

– Какая серьезная девочка... Итак, Саша, ты когда-нибудь нарушала известные тебе на сегодня положения кодекса хомони?

Я поводила глазами по кабинету и, вспомнив об украденной булочке, ответила:

– Нет.

Джон посмотрел на сканер и продолжил:

– Тебя сегодня бил брат?

– Да, ударил по руке, когда брала печенье к завтраку... – Сара с сочувствием нахмурилась, и Джон на секунду задержал дыхание.

– У тебя есть подруга?

Я улыбнулась и тут же погрузилась.

– Она живет по соседству, но отец запрещает мне с ней дружить. Мы видимся в школе. Я по ней скучаю...

– Кроме отца и брата, у тебя еще есть родственники?

– Нет. После перелета с Земли, отец никого не нашел в А-сети¹².

Джон задал еще несколько вопросов, а когда закончил, с серьезной задумчивостью откинулся на спинку кресла.

– Саша, можешь сказать, на сколько вопросов ты ответила ложью?

Я моргнула и опустила глаза.

– На все.

Когда я ответила, Сара удивленно придвинулась к Джону, в ее взгляде появилось любопытство, а я не поняла: что изменилось? Тот растерянно переглянулся с сестрой.

– Теперь вы поможете мне? – спросила тихо.

¹¹ Стражи – категория служащих, обеспечивающих защиту порядка, установленного в альянсе (законы и кодекс хомони).

¹² А-сеть – информационная сеть межпланетного альянса хомони.

– А с чего ты взяла, что мы можем тебе помочь?– поинтересовалась Сара.

– Потому что вы – нарушители,– уверенно ответила я.

Джон и Сара снова переглянулись. Лица оставались прежними, но в глазах мелькнула тревога. А когда они вновь посмотрели на меня, я спокойно ровным тоном проговорила:

– Вы оба говорите на неизвестном языке, скорее всего, на английском, так как вы англичане,– удивление в их глазах заставило пояснить:– Вы разговаривали, пока я сидела на скамье, а ваши губы двигались по-другому. Это не общий язык, не русский, но и не древний хомони... Я предположила, что это ваш родной...

– Мы родились на Тоули. Наш родной язык – общий,– улыбнулась Сара, но я точно поняла, что она лжет. Не по глазам, не по улыбке – по интонации, будто сама хотела себя выдать...

Но я так же спокойно продолжила:

– А еще, вы знаете древний. И пока будете искать того, кто научит меня русскому языку, хочу, чтобы вы научили меня и древнему хомони.

– Мы не знаем древнего хомони!– оглянулась Сара на брата.

Я невозмутимо поправила одеяло на груди и ответила:

– Вы оба поняли, что значит «Эс карра ниен эхь», и почему-то не хотите мне об этом сказать. Я ведь все равно узнаю...

Сара сжала губы и прищурилась, а Джон задумчиво опустил голову. Моя уверенность в них начала таять, и от этого становилось холодно, но я все же добавила:

– Вам обоим нельзя было делать мне эту операцию без оплаты, но вы как-то смогли обойти это правило. Вы, Джон, не заявили стражам о том, что сделал мой брат, потому что знаете, что накажут не только его, но и отца, и меня за то, что не выдала их.

– Саша, это шантаж,– беззлобно улыбнулся Джон, а я вздохнула с облегчением: по его лицу вдруг поняла, что он со мной, и холод отступил.

– Я говорю правду,– протянула руку я и коснулась его пальцев.– В конце концов, вы люди. А как я успела заметить, люди вовсе не почитают порядок, установленный хомони, даже если они рождены в альянсе.

Молчание нарушила Сара.

– Джон, пойдем со мной...

Они вышли в общий коридор, и я услышала, что к ним кто-то подошел. Они тихо, но напряженно переговаривались. А я не могла усидеть на месте, не зная, о чем идет речь, поднялась с постели и подкралась к двери.

– Джон, где ты ее нашел? Она – ребенок! Ты понимаешь, чем это всем нам грозит?– узнала я голос хорда Лефара.

– Мне ее жаль, но я ни в чем не уверена,– прошептала Сара.

– Эта девочка вызывает у меня какое-то странное чувство,– настойчиво вмешался Джон.– Я хочу ей помочь. Она особенная! Не знаю, может, потому что так странно говорит, реагирует, но она абсолютно считывает наши эмоции... буквально видит, что мы лжем, сама, как сканер. При этом она безумно боится, но владеет собой. А сканер очень сложно обмануть. Нам пришлось учиться этому и, похоже, нужно усилить тренировки. Ее же чип не показывает положительной реакции. Она проявляет эмоции, но будто контролирует их на каком-то химическом уровне. В ее возрасте это очень необычно. Уверен, нельзя бросать ее на произвол судьбы...

– Если ты хочешь, я научу ее. Но сколько это займет времени, даже не знаю,– ответила Сара.

– Почему-то уверен, что она очень быстро научится... Басил, ты мог бы назначить ей физиопроцедуры после этих двух дней? Она будет появляться здесь через день... Вот и время...

– Это вполне возможно, если вы настаиваете,– ответил хорд Лефар.

– Поймите же, отцу на нее наплевать. Он даже не поймет ничего, для него главное, что бесплатно. Давайте дадим ей шанс?

Я открыла дверь, и все беспокойно оглянулись. Но я смотрела только на хорда Басила Нером Лефара. Хемани был на стороне людей.

– Вы можете говорить в моей палате. Я умру, но никому не выдам правды,– произнесла ровно.– И я буду помогать вам, когда вырасту.

Все быстро вошли в палату и закрыли дверь. Я села на край кровати и положила руки на колени. Джон сел на корточки передо мной и спросил:

– Ты уверена в том, что настолько хочешь изменить свою жизнь, Саша? Ты нарушишь очень много правил...

– Я не хочу, чтобы она была прежней. И если для этого нужно нарушить кодекс и законы хомони, – я готова. Знаю, мне нужно научиться слишком многому... И быстрее я это сделаю с вами, чем сама,– уверенно выдала я.

– Но ты понимаешь, что придется много общаться,– улыбнулся Джон, намекая на мое «странное» молчание.

– Я умею говорить,– вскинула подбородок я.

Он смущенно прикусил губу.

– Я не это имел в виду... Не сердись,– погладил по руке Джон.

– Вряд ли злость мне поможет,– ответила я и внимательно посмотрела на Сару.

– Что ж, я готова учить тебя. Первое занятие завтра с утра,– уверенно проговорила та и взяла мужа под руку.– А сегодня, пока не уснешь, выучишь алфавит и произношение. А ты, братец, проследишь.

Сара ткнула брата пальцем в плечо, а потом подмигнула мне и коротко улыбнулась.

– Саша, возможно, этому языку тебе рановато учиться,– засомневался хорд Лефар.– Вдруг случайно выдашь себя...

– Сколько должно исполниться человеку, чтобы его восприняли всерьез?– не отводя непримиримого взгляда от его лица, произнесла я.

– Она просто шокирует, да, Басил?!– беззвучно рассмеялся Джон.

Глава 4

В медцентре Тазира я провела еще два дня. После волшебного геля мое лицо стало заметно лучше. Джон и сам удивился, что моя кожа так быстро регенерирует. Отек сошел довольно скоро, но вот желто-фиолетовые круги под глазами не спешили исчезать. Однако Сара поделилась своей косметикой, и в школе я могла появиться уже с менее заметными синяками.

В последний вечер в Тазире я все-таки спросила Джона, что он имел в виду, говоря отцу об успехе на комиссии и торгах. Кто кем будет торговать? И узнала о том, о чем не говорят на прогулках в парке и дома просто так, ведь обсуждать некоторые события раньше времени не велит кодекс. Об этом официально, но довольно кратко, рассказывают на первом курсе колледжа. В двадцатый день рождения в дом девушки является специальная комиссия. После собеседования в течение пятнадцати дней изучают ее историю, репутацию в обществе, успехи в учебе, окружение и направляют на медицинское обследование, где выясняют состояние здоровья и не имела ли она близких отношений с мужчиной, ведь таковые разрешены только с двадцати одного года. И если все правила соблюдены и девушка не имеет нарушений, ее определяют в базу невест и допускают до торгов.

Любая семья, где сын пожелал бы взять жену, может подать заявку на понравившуюся кандидатуру и, в зависимости от статуса или наличия кредитов, побороться за нее. Кто станет мужем, девушка узнает лишь на процедуре нанесения фамильной печати и подписания брачного соглашения, если семья жениха не пригласит ее к себе раньше для официального знакомства. В двадцать один год после брачной церемонии девушку забирают в семью жениха, а это может быть любая из пяти планет альянса.

– Значит, из-за моей травмы могут возникнуть проблемы на медицинском обследовании?– уточнила я.– Но ведь у меня будет ваше заключение, что это случайность?

– Очень надеюсь, что комиссия будет к тебе благосклонна. Брак с хемани или гамони дал бы шанс тебе стать свободной...

– Свободной?– с сомнением спросила я.

– Да, Саша. У тебя был бы муж, свой дом...

– А это свобода?

– В твоём случае, да.

Осмыслив сказанное, я задумчиво спросила:

– Сара свободна?

– У Сары уникальный случай. Они с Басилом знакомы с детства. У них много общего, несмотря на то, что он хемани. И так получилось, что на торгах он выиграл ее, хотя такая удача – редкость: комиссия не допускает спланированных браков. Он любит ее и пошел за ней, зная, чем она занимается.

– Помогает таким, как я?– Джон кивнул, а я нахмурилась и спросила:– И это только из-за любви?

– Думаю, что дело не только в любви, но и в том, что Басил – разумный мужчина. Он понимает, что не всё в этом мире нужно подчинять порядку хомони. Однако хочу тебя попросить, чтобы ты обсуждала все свои вопросы только со мной или Сарой и ни с кем другим...

– Она не во всё его посвящает, потому что это опасно?

– Ты не по годам сообразительная,– улыбнулся Джон и погладил меня по макушке.– Но у тебя есть и запасной вариант, если вдруг не выберут на торгах в двадцать, то нужно добиться успеха в профессии и завоевать уважение, чтобы за тебя поборолось несколько больших организаций, а там уж выбрать планету и исчезнуть с Тоули. Если где-то хорошенько закрепиться до следующих торгов, то даже муж не сможет запретить тебе работать и быть самостоятельной.

- А он может запретить?
 - По решению семьи или своему собственному – да. Но обычно все хорошо...
 - Вы меня подбадриваете?– прищурилась я.– Но вы сами не уверены.
 - Потому что нет ничего одинакового в этом мире...
 - «Только нелюбовь,– прошептал кто-то внутри меня.– Она у всех одинакова...»
- * * *

После того, как я вернулась из Тазира с поправленным носом, меня больше не били. Но не обязательно бить ремнем, давать подзатыльники или толкать на угол стола, чтобы дать понять, что ты по-прежнему никто в этом мире и в своей семье. Брат хоть и не бил, но продолжал унижать, а слова иногда больнее и звонче хруста в черепе. Во всем остальном все было, как прежде.

Я понимала, что мне никуда не деться... Я еще маленькая, до торгов далеко, как и до получения профессии, у меня нет других родственников, и мне не на что будет жить, а нарушить кодекс – уйти самовольно из дома... Куда? Но после частых бесед с Джоном и Сарой о будущем, которое ждало всех девочек в альянсе, я поняла, что хоть и нет особого выбора, но есть несколько шансов изменить жизнь к лучшему... И у меня уже родился план...

Я «Эс карра ниен эхь» – «убивающая красоту», а в более древнем значении «душу» – больше не имела права быть слабой.

С этого момента я по крупице начала собирать свою жизнь, чтобы понять, какое место занимаю в ней. Если я существую, значит, у меня есть право на это. Какие есть перспективы? Если я мыслю, значит, имею право стать кем-то большим, чем дано? Для этого нужно знать гораздо больше, чем позволяла школьная программа, где информацию преподносили дозированно, в свое время, но так для меня больше не годилось...

Глава 5

– Добрый день, Борис!– с улыбкой прошептала я мужчине, присев за столик в чайной.

С Борисом Хворостовым меня познакомил Джон еще в двенадцать лет, чтобы тот научил русскому языку. Я освоила язык за два фазиса и теперь виделась с Хворостовым нечасто. Но иногда мы встречались в чайной недалеко от школы, куда он специально заходил пообедать. И это значило, что нам есть, о чем поговорить.

Хворостов отвлекся от своего коммуникатора, нахмурился, бегло осмотрел полупустой зал и беззвучно проговорил одними губами:

– В который раз я прошу тебя не говорить со мной на этом языке!– и уже в голос добавил:– Добрый день, Саша!

– Ну простите-простите,– с просящей улыбкой и бровками домиком ответила я и взяла с его блюда хрустящую хлебную палочку.– Извините, что опоздала. Сегодня объявили, что через два дня итоговые экзамены. Хорд Торано задержал, чтобы поговорить о выборе колледжа. Он рекомендовал меня в колледж Тазира. Я уже выбрала специальность «Программная инженерия».

Хворостов внимательно выслушал и улыбнулся.

– Когда профессия выбрана осознанно, это приносит удачу. А ты очень способная девушка.

– Я знаю,– захрустев хлебной палочкой, ответила я и кокетливо провела пальцами по густым прядям волос от висков до пояса.

– Ты собираешься в Тазир?

– Да, поеду сегодня. Хотите передать Саре «привет»?– подмигнула, мельком указывая на небольшой пакет с кексами на столе.

– Да, а она пусть передаст мне «привет» вечером,– растянул губы в намекающей улыбке Хворостов.

Обычно после чайной он провожал меня до аэробуса в Тазир и передавал пакет для Сары.

– Пообедаешь со мной?

– Вы угощаете?– хитро улыбнулась я.

– Что будешь?– традиционно согласился он.

– Чай и глазированную булочку,– облизнулась я и довольно положила ладошки на стол.

– Всего-то? Сладкоежка!– умиляясь, покачал головой Хворостов.

Борис мне понравился с первого взгляда, несмотря на то что я не доверяла никому. Может, потому что он такой же рыжий, как и я, правда, темнее, и веснушки не такие заметные, может, потому что он давний знакомый Джона и Сары. Но потом поняла, что уважаю его за отношение ко мне. Ему около сорока. Он строг как преподаватель, но беседы с ним всегда очень увлекательны. Но ничего не могла поделать со своей привычкой кокетничать с ним и получать что-нибудь приятное: Борис всегда угощал сладостями или полноценным обедом.

Наевшись булочек с чаем, я сунула пакет с кексами в школьный рюкзак и посмотрела на свой старенький коммуникатор.

– Скоро отъезжает аэробус в Тазир. Мне пора.

– Если Сара передаст «привет» через тебя, то оставь его под тем же кустом у своего дома.

– Опять пришлете свою дочь?– шепотом усмехнулась я.– В прошлый раз она так шумно там возилась, что даже Игнат выглянул в окно.

– Лада умеет навести шороху,– беззвучно рассмеялся Хворостов.

Мы прошли до остановки аэробуса, тихо поболтав по-русски, и я уехала в Тазир.

На соседних креслах через проход сидели двое гамони – парень и девушка, наверное, старше меня. Они весело переговаривались, не обращая внимания ни на кого, а из сумки парня

торчал уголок коммуникатора новой модели. Такого я еще в руках не держала. Интересно было бы в нем повозиться...

В школе я наслаждалась творческими предметами: литературой, художественным искусством, танцами, всегда любила историю, но тайной страстью было программирование. Такого предмета нам не преподавали, но были физика и математика. И я кое-что знала и умела. Моими наставниками были Джон и, как ни странно, сам того не зная, отец. Ведь единственными игрушками в детстве были детали устройств связи.

Джон заметил мой интерес к разным устройствам в процессе изучения древнего хомони. Я обожала возиться с коммуникаторами, визорами, изучая их, придумывая маленькие программы, совершенствуя их и используя не по прямому назначению. Видимо, это передалось от отца, потому что он часто чинил коммуникаторы дома. Когда не было Игната, отец просил помочь с заказами: разобрать корпуса, включить лазер, подать новую деталь... Собирать, скреплять и прочее не трудно, но не так интересно, как перенастроить и запустить устройство – это вызывало восторг. Я не только наблюдала за отцом, но и сама скрытно – по ночам или пока доставляла заказы (отец, как и прежде, экономил на курьерской доставке) – изучала таинственный мир электронных устройств. Поэтому преподаватель физики хорд Манул Сард Торано прочил меня в колледж на специальность «Программная инженерия»...

Я бегло осмотрела салон аэробуса, заметила позади себя нескольких постоянных путешественников в Тазир, улыбнулась уголком рта и поставила свой рюкзак на пол рядом с креслом. А когда аэробус прибыл на место и на первой остановке пассажиры стали двигаться на выход, я поднялась, споткнувшись о рюкзак, выдавила извиняющуюся улыбку шедшему сзади и вышла.

Мне давно с легкостью удавалось стащить любую вещь, когда за ней не было присмотра, даже не помню, когда это началось. Наверное, на Земле я была бы превосходной воровкой. Непревзойденной! Слышала разговоры отца и дяди Ивана когда-то, что там была не такая совершенная система безопасности, как в альянсе хомони. Но я и здесь умела «заметать следы».

Чаще это была еда или мелочи: визоры, коммуникаторы и прочее. В общем-то, мне и не нужны были те вещи, которые я крада. Даже с обнулением и перепрограммированием на нового владельца пользоваться ими я не могла, ведь своих кредитов у меня по-прежнему не было: откуда бы тогда взяться такой дорогой вещи? Поэтому электронные устройства я изучала на предмет программных обновлений, выуживала интересные коды для написания своих программ, а потом возвращала владельцам разными способами или выкидывала... Все, кроме сладостей.

Но во всем этом меня увлекал сам процесс. Я ощущала себя всемогущей. А иногда просто так веселилась.

* * *

Сара была занята пациентом: пришлось ожидать ее в холле. Я закончила возиться с коммуникатором за несколько секунд до того, как Сара выглянула из кабинета, успев спрятать тот в рюкзак. Даже досадно, что в нем не оказалось ничего особо интересного. Мои идеи заходили дальше, и с каждым разом я убеждалась в том, что инженеры устройств связи, впрочем, вероятно, и всех других электронных устройств, намеренно скрывают более продвинутые разработки. Ведь не могло быть так, что я сообразительнее хомони. Возможно, кто-то не хочет двигать цивилизацию вперед или, чтобы такие, как я, Сара или Джон, имея в своем арсенале «крутые» технологии, устроили революцию. И ясно, кто был этим «кто-то» – высший совет хомони.

– Привет, Саша. Что у тебя? – торопливо спросила Сара, проводив меня в свой кабинет.

– Привет от Бориса, – улыбнулась я, вынимая из рюкзака маленький пакет с кексами.

– Странно, он не говорил, – озадаченно нахмурилась Сара и взяла пакет. – Ты извини, у меня много работы. Не смогу уделить тебе времени...

– Я только пришла сказать, что меня направят в колледж Тазира. Так что через фазис мы уже будем видаться чаще,– радостно сообщила я.

– Как замечательно!– искренне обняла Сара.– Я знала, что ты умница! Джон знает?

– Пока нет. Зайду к нему по пути домой... Да-а, Борис сказал, что это,– и я скосила глаза на пакет с кексами,– нужно съесть до вечера: несвежие будут невкусными. Так что, можем выпить чаю на улице...

– Что?– возмущенно округлила глаза Сара.– Я что – Санта-Клаус?

– Кто?

– А-а, не важно. Пойдем, выпьем чаю.

С термокружками мы вышли во внутренний дворик медцентра, обычно пустующий в это время, и сели на скамью под деревом с пышной кроной.

– Я просто не успею! У меня еще несколько приемов, я не могу их отменить. А Борис даже не предупредил,– проворчала Сара, разворачивая пакет с кексами.– И что теперь делать?

Она достала кекс, разломила его, одну половину отдала мне, а на вторую – задумчиво прищурилась.

На самом деле, кексы служили прикрытием для микрочипов или карт памяти. Я знала об этом давно, хотя Джон и Сара неохотно посвящали меня в свою тайную деятельность, чтобы не подвергать напрасному риску. Но я уже не ребенок и давно изучила все их секретные дела. Просто помалкивала, чтобы лишний раз не слышать заботливые увещания.

– А что там делать-то надо?– непринужденно спросила я, придвинувшись к Саре.

– Ты знаешь, Джон против,– предупредительно сморщила лоб она.

– Если в моих силах тебе помочь, я готова,– хитро подмигнула я, ласково потерлась носом о ее плечо.– Кто-то же может пострадать...

– Ты маленький манипулятор!– щелкнула меня пальцем по носу Сара.

– Что там может быть секретного, чего я еще не знаю?– фыркнула притворно обиженно.– Между прочим, я скоро в колледже учиться буду, а все маленькая.

– То, что тебе почти семнадцать, не дает тебе права так себя вести,– беззлобно пожурела Сара и наклонила свою половинку кекса ко мне.

На этот раз Борис Хворостов спрятал в сладости нечто необычное. Я таких штук еще не видела: две крохотных горошины в каких-то прозрачных гелевых оболочках с торчащими из них небольшими усиками.

– А что это?– приглядываясь к шарикам, спросила я.

Сара посмотрела на меня серьезным взглядом и как-то беспокойно вздохнула.

– Это чип контроля...

Я удивленно распахнула глаза и невольно коснулась пальцами своей шеи ниже затылка.

– Тот самый?!– отчего-то перешла на шепот я, хотя мы были одни.

Сара едва кивнула и указала мизинцем на небольшие прозрачные отростки.

– Видишь эти усики? Они из органики и являются проводниками от чипа к нервной системе носителя и обратно. А это оболочка – гибрид органики и наночастиц, которые не дают телу носителя отторгнуть чужеродный элемент и защищают сам чип.

– Вот это да!– восхищенно выдохнула и склонилась над ладонью Сары.– И что же ты с ними должна сделать? Если нужно затереть историю гражданина, нужно поработать с самим носителем... Вы же не вживляете новые чипы?! Это же невозможно? Ведь там сложная система вживления, подключения и программирования. Процесс болезненный...

– Откуда ты это знаешь?– поразились Сара.

– Ну... с миру по нитке,– усмехнулась я.– Еще одно новенькое выражение на русском услышала от семейства на днях.

– По-моему, ты слишком много знаешь!– с беспокойством покачала головой Сара.– Да, ты права. Процесс болезненный. Поэтому младенцы и кричат первые несколько дней, не упо-

коишь. Это нулевые чипы. Они еще не подключены к общей системе, а значит, и не защищены... Обычно в них загружают первичные данные: родителей, статус и потом вживляют младенцу при рождении. Очевидно, у кого-то только что родились дети. Эти чипы вживят завтра. Сейчас надо посмотреть первичные данные и по возможности скорректировать. Даже не знаю, сколько уйдет времени на это и возможно ли вообще...

– Можно я посмотрю, что там?– внутри так и горело от любопытства.– У тебя же есть устройство подключения к ним?

– Раз уж увидела, то посмотри,– усмехнулась Сара.– А то ведь не дашь покоя... Здесь еще карта памяти. Борис прописывает всё, что нужно делать. Поэтому давай так: сейчас едешь ко мне домой, изучаешь информацию на чипах и на карте. А я отдам своих пациентов Басилу и подъеду позже. Где находятся все мои устройства, ты знаешь.

От удовольствия заглянуть туда, куда еще не проникало сознание, я счастливо улыбнулась и подпрыгнула на месте.

– Тише,– взглянув на свой коммуникатор, сказала Сара и поднялась.– Вперед!

– А-а, Сара... Можешь это куда-нибудь деть?– закопалась в рюкзаке я, а затем вынула украденный коммуникатор.

Сара мгновение задумчиво смотрела на устройство, а потом подозрительно прищурилась, как было не раз.

– Откуда это, Саша?

– Нашла в аэробусе,– спокойно ответила я.

– Ты опять?– прошептала она.– На этот раз я расскажу Джону!

– У вас свои секреты, у меня свои,– нисколько не испугавшись, заявила я и спрятала пакет с «кексами» в карман форменной юбки.– И ты обещала не выдавать мои тайны брату. Тебя никто не заставлял давать мне слово... Ты же можешь подкинуть это в пункт находок через Басила?

– Это нечестно и опасно. Ты понимаешь, Саша?– подошла ближе Сара и взяла меня за локоть.

– Не опаснее того, что я каждый день появляюсь дома,– посерьезнела я и тоже прищурилась.

Мы несколько секунд мерились упрямыми взглядами, и Сара отступила. Мы доверяли друг другу и всегда держали слово.

– Дай мне слово, что ты больше этого не сделаешь?– потребовала Сара.

– Я постараюсь,– улыбнулась я, отошла и, коснувшись губ двумя пальцами, послала Саре воздушный поцелуй.– Привет Басилу!

Сара лишь осуждающим взглядом проводила меня к выходу.

Но она зря беспокоилась. Я умела просчитывать каждый свой шаг. Я очень внимательная и наблюдательная. Цепкая память и умение сосредоточиться на цели, глубокие знания кодекса и свода законов хомони, которые дал Джон, всегда хорошо служили мне.

Я отправилась в дом Лефаров. Даже если бы меня не послала Сара, то я сама заглянула бы к ним, чтобы кое-что проделать. Поскольку чип контроля фиксировал все наши передвижения во всех общественных местах, в том числе и в аэробусах, то мне было необходимо слегка скорректировать свою сегодняшнюю историю.

Сара и не знает, что я пользуюсь ее оборудованием для того, чтобы подчистить за собой. Ненадолго замедлив поток передачи сигнала чипа в базу службы контроля соблюдения кодекса, я затираю данные или слегка корректирую их: меняю дату или время посещения того или иного места. Ведь при жалобе на нарушение всех граждан, зафиксированных в это время в обозначенных заявителем местах, сразу же вызывали на допрос в отдел расследования нарушений. Жаль, что полностью удалить какое-то событие не могла, для этого требовалось встроиться в общую систему контроля и безопасности, чтобы защитные алгоритмы не воспринимали это

как вторжение, но это по силам только самим разработчикам. Однако обойти уровень защиты к временным данным и заменить несколько цифр получалось неплохо.

С каждым разом это труднее делать, уровни защиты регулярно обновляются, и я понимаю, что когда-нибудь придется закончить с шалостями, но, игнорируя благоразумие, продолжаю находить новые пути обхода ловушек. Конечно, я знаю, что всё это очень рискованно, но, когда возникает определенная цель, остановиться не могу, будто становлюсь кем-то другим, пока не выполню задуманное. Да и не краду я в крупных торговых центрах или там, где меня явно могут заметить.

Глава 6

Пакет с «кексами» был доставлен Борису Хворостову вовремя. Мне не пришлось прятать его в кустах у своего дома: Хворостов ужинал в доме Джона Саманти. У меня были ключи доступа как от дома Лефаров, так и от дома Саманти, поэтому я спокойно вошла в холл, тихо опустила рюкзак на пол и на носочках прошла к гостиной.

– Тебе она нравится?– улыбался Борис.

– Ты знаешь, брак – это риск для меня и Сары. Я не хотел бы посвящать в наши дела ни одну хемани или гамони. Достаточно Басила в нашей семье,– задумчиво произнес Джон.– Но до сорока лет все равно нужно заключить брак, так почему не с той, которая понравилась, и пока есть шанс ее выиграть?

– Вы хорошо знакомы?

– Она моя пациентка...

Джон подумывал о подаче заявки на торги. Его с Сарой родители умерли, поэтому разрешения на брак спрашивать было не у кого. Заявку он мог подать на любую: база невест всегда полна.

Мне стало грустно. Не оттого, что мой Джон обретет жену, ведь он давно уже живет один, а потому, что тогда мы станем меньше видеться. И неизвестно, как сложатся его отношения с женой, будет ли он доверять не человеку. И буду ли доверять ей я... Но это событие все равно настанет, а мне придется примириться.

Я с тоской улыбнулась, вспомнив наш с Джоном разговор несколько лет назад, когда он вез меня из медцентра Тазира домой...

...– А вы заключите со мной брачное соглашение, когда я вырасту?

– Нет, Саша. Я не смогу,– улыбнулся он.

– Не хотите иметь жену – уродину?– расстроилась я, скосив глаза на горбинку своего носа.

– Саша,– ласково коснулся моей щеки Джон,– ты вовсе не уродина. Твой носик хорошо заживает. Лицо скоро станет обычного цвета...

– Но я страшная, так все говорят... и эти пятна на коже...

– Милые веснушки,– любясь, ответил он.

Я смотрела на себя в отражение окна и не могла поверить, что когда-нибудь смогу быть хоть чуточку красивее.

– И люди не заключают брачные соглашения друг с другом,– проговорил Джон.

– Никогда-никогда?

– Только если это повторный брак или после сорока, и то с разрешения высшего совета. Это один из законов хомони.

– Но ведь я знаю много таких семей из Кана...

– Тех, кто прилетел с Земли?– улыбнулся Джон.– Законы хомони строги, но уже сложившиеся семьи никто не разбивал. Хомони проповедуют ценность семьи. А вот новые браки люди могут заключать только с местными народами. Помнишь, я рассказывал о мутации, об обновлении крови, новой здоровой наследственности...

Я кивнула. Ничего страшного в хемани и гамони не видела. Никто из их мальчиков не называл меня уродиней, по крайней мере, они молчали, но внимание обращали совсем на других девочек.

– И все же вы мне нравитесь больше остальных,– заметила я.

– Но я гораздо старше тебя,– признательно улыбнулся Джон.– А тебя еще выберет достойный мужчина, может, даже твоего возраста.

– Но я не хочу мужчину своего возраста,– задумчиво сказала я.

– Это уж как получится, тут мы не вольны выбирать...

– И разве это свобода? Если мы не можем выбрать того, с кем нам жить?

– Резонный вопрос, но у меня нет ответа.

– Я отвечу: выбор есть, но только у сильных. И больше всего у мужчин. Даже вы можете выбрать себе жену...

– Но не из хомони... А они такие красотки, – улыбнулся Джон...

Я мельком взглянула на себя в зеркало напротив входа в гостиную и улыбнулась воспоминаниям о своей наивности. Да, я уже не страшенькая девчонка со смешными «рожками» на голове. Мне почти семнадцать. Кто бы что ни говорил о моей внешности раньше и сейчас, мои истинные задатки уже неплохо проявлялись. Я не высокая, но стройная. Длинная шея, высокая грудь, тонкая талия, округлые бедра, подтянутые ягодицы, стройные ноги, тонкие пальцы рук... Длинные прямые рыжие волосы, большие зеленые глаза – цвета редкие в альянсе. Потому что все рыжие и светловолосые люди, объединяясь в браки с местными, давали темноволосое потомство: от темно-русого, каштанового, темно-коричневого до черного. Поэтому молодых женщин с рыжими волосами можно было пересчитать по пальцам. И все же я не была красавицей хомони.

– Привет, – тихо вошла в гостиную я.

– Саша, ты как привидение, – заметил Борис на русском.

– А что, бывают рыжие привидения? – улыбнулась я, вынимая пакет с кексами из кармана. – Я думала, они бесцветные...

– Наше, безусловно, самое чудесное, – подмигнул Джон, и все мы говорили на русском.

– Что ж, мне надо спешить, – торопливо забирая пакет, сказал Борис, благодарно кивнул мне и Джону и удалился.

– Сара сказала, что ты ей сегодня очень помогла? – повернулся ко мне Джон и внимательно посмотрел в глаза.

– Сегодня я стала вашим официальным сообщником. Я была на высоте, – довольно ответила и накрутила на палец прядь волос. – Надеюсь, младенцам это очень поможет.

Джон посерьезнел, подошел ко мне и взял за плечи.

– Саша, ты же понимаешь, что это очень ответственно и опасно?

– Делов-то было всего по часу на каждый чип...

Джон и не знал, что я давно копаюсь в своей истории, о многих других моих секретах тоже. Он хоть и научил меня общаться, но я все еще оберегала свой мир. Слишком много там темного... Я не хотела, чтобы он волновался и за это.

– Только не делай ничего самостоятельно, хорошо?

– Ты все еще считаешь меня маленькой, – улыбнулась я и обняла его за шею. А он обнял меня.

«Пока еще он мой Джон. Только мой. Может быть, ему повезет с женой, и у нас все будет хорошо...»

* * *

Темнота мой друг. Я люблю ночь, как и день. Днем я наблюдаю и впитываю информацию, а ночью она превращается в новое знание и силу.

Задержавшись из Тазира и у Джона, я шла пешком по Кану в свете ночных фонарей и не слишком-то спешила в дом, в котором меня не ждали. Перед дверью глубоко вдохнула, с тоской взглянула в ночное небо и вошла внутрь.

– Где она все время шляется? – услышала я отца на русском.

Из гостиной выглянул Игнат и криво усмехнулся:

– Опять была у своего врача? Что он там тебе лечит? Мозги вправляет?

«И откуда он все знает?»

– Я относил заказы. А с врачом мы просто хорошие знакомые, – тихо ответила я, снимая рюкзак с плеча.

– Тебе шестнадцать, что за дружба может быть со взрослым мужиком?

Я молча посмотрела на лестницу и, прикусив щеку изнутри, шагнула к ней, но Игнат так резко преградил дорогу, что отшатнулась, а внутри оборвалось от страха. Я выпрямилась, но, не слишком высоко поднимая голову, настороженно посмотрела на брата. Такой взгляд его успокаивал – признание сильного.

– Тебе что-то нужно?

– Отцу уведомление пришло, что тебя рассматривают на место в колледже Тазира.

Это и обрадовало, и напугало. Игнату разрешение учиться в колледже пришлось оплачивать: он слабо сдал школьные экзамены. А меня уже направляли, нужно лишь сдать экзамены, в результате которых я не сомневалась. И как обычно, мой успех злил брата.

– Ты что, и правда собралась учиться в Тазире? – вышел отец из гостиной, снимая рабочие очки-линзы. – Ты еще экзамены не сдала. А если и не сдашь, то и не мечтай, что я оплачу разрешение.

Руки стали холодными, а ноги – ватными.

– Это лишь предварительные рекомендации наставников, – солгала я, хотя прекрасно знала, сколько пришлось потрудиться, чтобы заслужить это место.

– А кто будет оплачивать твои поездки туда-обратно? – прищурился брат.

Я слотнула и опустила глаза.

– Буду экономить на своих обедах.

– Ага, начинай уже сейчас. Ужина на тебя не осталось, – усмехнулся он и уже почти собрался уйти.

– Ты так говоришь, будто мы бедствуем и нам не на что есть, – не сдержалась я.

Игнат резко вытянул руку, и я на мгновение испугалась, что он ударит прямо по лицу, выронила рюкзак и замерла с широко раскрытыми глазами, но тот со смешком отвел ладонь и оперся на стену, а потом наклонился ко мне и прошептал:

– Разговорчивая стала слишком...

– Хватит, Игнат, – равнодушно произнес отец, а уходя назад в гостиную, проворчал уже на русском: – *Не нарывайся, сын, а то все может случиться. Взбрыкнет и заявит на нас стражам, что мы ее голодом морим.*

Ноздри Игната вздулись, но он лишь отстранился и, уходя в гостиную, хмыкнул:

– *Не взбрыкнет. Ты хорошо ремнем поработал. А если надумает – упечем ее в психушку! И почему она не умерла, как мать?*

– *Не говори! Если поступит в колледж, придется форму покупать пару раз в год и кредиты выдавать на поездки. Лишние расходы.*

– Тебе никто не говорил, что ты скряга? – рассмеялся брат.

– *Я хочу расширить мастерскую. Надоело возиться с мелочью... Надо укрупнять дело. Но если Сашка не поступит в колледж, придется ее всю жизнь кормить, пока не отдадут какому-нибудь ублюдку из местных. Да и то, что с нее взять? Если бы в детстве не повредила себя, хоть годный товар был бы, а то кому нужна испорченная девица, да еще на шее...*

Не русский язык был жесток, а те, из кого он изливался ядовитым потоком. Желчь разлилась по всему телу. Я закрыла глаза, сжала ледяные пальцы в кулаки и на негнущихся ногах прошла к лестнице...

Но вспышка ярости, ненависти, обиды и жалости к самой себе заставила вернуться и войти в гостиную.

Оба зверя оглянулись на меня.

– Что тебе еще? – бросил Игнат.

Опустив голову и глядя на него исподлобья, я медленно подошла к рабочему столу отца, взяла лазерное перо¹³ с подставки и вытянула его перед собой, а затем медленно пошла на брата.

– Ты с ума сошла?!– возмущенно закричал он и сделал шаг вперед, чтобы схватить за руку. Он не боялся меня. И зря...

Отец злобно нахмурился и надулся, чтобы выдать грозную тираду. Но в тот момент, когда рука Игната почти дотронулась до меня, я включила лазер и мгновенно прожгла его ладонь насквозь, а потом и воткнула перо прямо в живот.

Оно вошло мягко, легко, как нож в вареный овощ. Вздых облегчения вырвался из моих легких, будто из груди вынули камень... И наконец, в глазах Игната появился ужас... Как я ждала этого момента!

Дикий испуганный вопль раздался со стороны отца. А я оглянулась на него и не смогла сдержать улыбки...

– Что-нибудь еще хочешь сказать напоследок, папочка?– сладко прошептала я, когда тело Игната упало к моим ногам...

– Осторожно, Игнат. Сколько раз говорил!– раздалось за спиной, и я быстро заморгала.– Эти детали очень дорогие. Сам будешь платить, если они окажутся негодными.

Я вдохнула с невероятной тяжестью и огляделась. Пальцы крепко сжимали поручень лестницы, а сама я стояла на третьей ступени лицом к своей комнате, и тело било крупной дрожью.

«Что произошло?!– тряхнула головой, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди.– Этого же не было?»

Голос отца и смешки Игната, раздавшиеся снизу, подтвердили, что на короткий миг я потеряла связь с реальностью.

«Я не могу такое сотворить! Что со мной происходит?– испугалась я.– Может, я и правда сумасшедшая?»

Отойдя от шока и слишком явных ощущений реального убийства брата, я вошла в свою комнату и прислонилась к двери. Отдышавшись, а потом умыв лицо, села на подоконник и, глядя на вечерние фонари за окном, обняла себя. Дрожь все еще прокатывалась по телу ледяными волнами, но уже не так жаростно.

– Я просто разозлилась... Очень разозлилась,– приговаривала, покачиваясь из стороны в сторону, и рассматривала в стекле свои широкие зрачки, закрывшие радужки. Никогда не видела таких черных глаз.

«Джон, ты здесь?»– спустя время написала в чат Саманти.

«Что случилось, малышка?»– он ответил не сразу, но этого хватило, чтобы, наконец, прийти в себя и осознать, что это был короткий миг помутнения рассудка.

«Спасибо...»– ответила я и отключилась.

Нам, как и всегда, не нужно было много слов, чтобы понять друг друга. Его теплое, родное «малышка» всегда согревало. Никто не называл меня так. Вежливую похвалу я слышала только от преподавателей, но они мне не родители и не друзья. Может быть, Сара и Джон – единственные, кому я хоть сколько-нибудь дорога...

¹³ Лазерное перо – тонкий продолговатый прибор, используется для выжигания чего-либо на твердых материалах, снятия слоев или разрезания любого материала.

Глава 7

Есть в порядке хомони один существенный недостаток: из системы нельзя выйти без последствий. Общество – это система. Семья – это система. Нет вариантов покинуть ни то, ни другое, живя по законам хомони. Все завязано на том, что, если провинился один член семьи, – накажут всех. Если тебя оставят дальше служить обществу, это не значит, что это спасет от того, что будет происходить дальше внутри семьи. А проблемы семьи не принято выносить за порог дома. Ты не можешь объявить о жестокости в семье, если нет конкретных доказательств. Мои предъявлять поздно – нос зажил.

Мне шестнадцать лет, я еще на попечении родителя и не могу открыто сопротивляться его воле. Мне нужно поступить в колледж, получить специальность и освободиться от семьи. И мне приходится терпеть нападки брата, равнодушие и жестокость отца. Я выучила русский язык, но уже жалела об этом, потому что слышать то, что обсуждают за моей спиной, больнее ремня на коже. Но все же я собираюсь это вытерпеть. Мне нужно продержаться еще три года...

Два дня я не выходила из дома, готовясь к экзаменам. Лишь раз отец велел отнести заказ в соседний городок и тут же вернуться обратно. Игната не было. С тех пор, как он устроился в службу формирования грузов в орбитальном порту Тоули, его часто не было дома допоздна, а иногда и ночью. Работа не престижная, но в отсутствии назначения от наставников при окончании колледжа – большая удача для отстающего.

Однако Игнат буквально на пороге встретил меня после экзамена. Я уже знала свой результат: хорд Торано прислал мне его на коммуникатор практически сразу после тестирования.

Я задержала дыхание, увидев выражение лица Игната. От нехорошего предчувствия пульс забился в горле горячими толчками.

– Покажи результаты, – протянул руку он, даже не впустив меня в дом.

– Могу я войти? – спросила ровно.

Игнат отступил, но проводил меня в холл таким взглядом, что затылок немел от напряжения.

– Можно я переоденусь? – тихо спросила я.

– Покажи свои результаты! – крикнул Игнат.

Я вздрогнула и ощутила горячий ком в животе, грозящий разорваться и сжечь изнутри.

– Почему ты не оставишь меня в покое? – с досадой спросила я.

– Хочешь, чтобы я заявил в службу контроля, что ты спишь со своим врачом? Как его...

Саманти, кажется? Ты ведь не девственница! Забыла? – перешел в наступление он, резко наклонился и больно ущипнул за бедро с внутренней стороны, так, что чуть слезы не брызнули из глаз.

Похолодев, я попятилась. Это было унижительно. Но больше оскорбилась за Джона. Он бы никогда не посмел тронуть меня.

Та травма всегда была поводом для шантажа. И я ничего не могла противопоставить брату. И ведь он мог заявить о нарушении: его неприязнь ко мне пересиливала все разумные доводы. За что можно так ненавидеть меня? Иногда возникало стойкое ощущение, что он, зная сумму штрафа на семью, уже копил ее на будущее. А последствия для меня будут еще хуже: дурная репутация в обществе, изгой среди девушек, а это скажется и на учебе, и при назначении на работу или на ее полном отсутствии. Никаких традиционных торгов. А после двадцати одного выставят, как подпорченный товар, который никому не годен. Я не могла так рисковать будущим, надеждой на свободу...

Обида жгла изнутри. Место щипка на бедре горело. А кровь леденела, и под ногтями ныло от желания расцарапать ему лицо. Но я сдержанно сглотнула и медленно протянула коммуникатор брату.

– Посмотри, если хочешь, – сказала как можно ровнее, а хотелось выплюнуть: «На – подавись!»

Губы Игната скривились, как только он увидел отличные результаты итоговых экзаменов. Но не ожидала, что он рассвирепеет настолько, что изо всей силы швырнет коммуникатор в стену. Я сжалась, зажмурилась, а когда Игнат молча вышел из дома, приоткрыла глаза и посмотрела на осколки от корпуса и разлетевшиеся по полу микросхемы.

Судорожно вдыхая ледяной воздух, я собрала все детали в ладонку и унесла в свою комнату. Посидев над коммуникатором больше часа, я восстановила его. Устройство оказалось крепче ярости Игната. Но пострадала микросхема, без которой не работали основные функции. А коммуникатор мне очень нужен: это единственное средство связи со светлым миром.

В рабочем запасе у отца ничего нужного не оказалось. Я могла найти недостающую микросхему в его мастерской, но тогда бы пришлось признаться, что разбила коммуникатор (жалоба на брата – угроза, а не решение). Вариант достать детали бесплатно показался самым выгодным.

* * *

На следующий день я пошла к наставнику за получением разрешения на обучение в колледже Тазира. Но мне сообщили, что его внезапно вызвали на научный совет на Зорун и заверили, что уведомление о разрешении, как и положено, пришлют родителям.

Это не очень обрадовало. Но, с другой стороны, отец должен быть удовлетворен, что я бесплатно поступила в колледж.

Я попрощалась со всеми преподавателями, которые были ко мне добры, и вышла в общий холл школы.

– Довольна результатами экзаменов, рыжая? – окликнули меня за спиной.

Я оглянулась и заметила трех девчонок из разных групп – закадычных подруг. В мою сторону насмешливо смотрела Кьени Бер Хезсо – моя одноклассница – гамони.

Мы вовсе не дружны. С детства она меня недолюбливала, от нее пришло прозвище «странная рыжая», и она же часто смеялась над моим носом с горбинкой. Кьени всегда завидовала моим длинным прямым волосам, ведь у самой были короткие пушистые недолокны, которые трудно укладывались, и, конечно, моим баллам. И я откровенно радовалась, что больше не буду видеть ее каждый учебный день, потому что она получила разрешение на обучение в Кане.

– И куда же тебя такую взяли? – ехидно поинтересовалась она.

– Я еще не выбрала, Кьени, – солгала я, чтобы не дразнить зверя.

– Может, тебе поступить на «Психиатрию»? – непринужденно вертя в руке коммуникатор новой модели, проговорила она и подмигнула подругам. Те спрятали улыбки, отвернувшись к окну. – Там любят странных...

– Спасибо за вариант, я подумаю, – улыбнулась благодарно.

– Я так всем и передам: странная рыжая ушла в психиатрию, – рассмеялась она.

Я лишь молча опустила глаза на ее коммуникатор, а затем взглянула в окно на угол чайной через дорогу.

– Может, выпьем чаю на прощание? Там вкусные кексы, – кивнула на чайную и вежливо улыбнулась двум другим девчонкам.

– Ты угощаешь! – хмыкнула Кьени.

Кредитов у меня было на то, чтобы купить рыбное филе, которое заказал отец сегодня утром. Но я знала, как уговорить торговца Чин Ли дать мне в долг: он хороший парень.

Конечно же, Къени постаралась и тут мне досадить и, кроме кексов, заказала фруктовые чипсы, дорогие коктейли с древесным молочком и булочки. Я обошлась чаем и... заменой нескольких микросхем в коммуникаторе гамони.

Как бы я не любила говорить, а о пустом – тем более, но Джон был великолепным наставником по части обучения ведению светских бесед, которые, по сути, сводились к манипуляции вниманием и ложной заинтересованностью на основе хорошей эрудиции. Я поддержала все обсуждаемые девчонками темы, они даже удивились, что я интересная собеседница, и пригласили на прогулку как-нибудь в выходной. Но Къени это взбесило. Она быстро завершила чаепитие и увела подруг прочь.

Я еще немного посидела в чайной, доедая брошенные девчонками сладости и мечтая о первом дне обучения в колледже Тазира, а потом отправилась в лавку известного семейства китайцев Ли, которая славилась свежими морепродуктами с качественной обработкой.

Рассказав несколько веселых историй приветливому молодому торговцу Чин Ли и спросив его об успехах, я договорилась о покупке филе в долг. А уже прощаясь, заметила у витрины снаружи Къени, которая жаловалась своей старшей сестре Джаде, что ее коммуникатор неожиданно сломался. Сестра успокаивала ее и обещала, что если тот не починят, то родители купят ей новый. Конечно, они могли себе это позволить, в отличие от меня.

– Кто там?– приподнялся на носках Чин Ли, разглядывая девушек у витрины.

– Сестры Хезсо,– ответила я, заметив нескромный интерес парня к одной из них.

Къени была малолеткой для двадцатитрехлетнего Чин Ли, да и, откровенно, страшненькой. А вот к Джаде – высокой, вполне сформировавшейся девушке, которую в этом году впервые разместят в базе невест, – он испытывал явную симпатию, если не сказать больше.

Но я лишь пожала плечами и вышла из лавки, вежливо кивнула сестрам Хезсо и направилась домой.

Уже в комнате я починила свой коммуникатор и прочитала пропущенные сообщения от Джона и Сары о том, что им нужна моя помощь. Я ответила обоим, что успешно сдала экзамены, а с Джоном могу увидеться вечером.

Когда переодевалась, чтобы уйти из дома, пока не вернулся Игнат, услышала его шаги на лестнице. Дверь за спиной распахнулась. Я прикрыла грудь платьем и замерла.

– Что ты там прикрываешь?– фыркнул Игнат.– Смотреть не на что!

Как жаль, что замок на двери работал только снаружи: Игнат часто запирали меня в комнате. Отец настроил, сам бы не додумался.

Игнат прошелся по комнате и посмотрел на мой стол. Я поняла, на что он так недовольно щурится, и вжалась плечом в дверцу шкафа.

– Ты починила коммуникатор?– насмешливо спросил он.

– Он мне нужен для колледжа, ты же знаешь...– ответила тихо.

– Где ты взяла кредиты на детали?

– Какие детали?

– Я видел, что он разлетелся на части! Не морочь мне голову, уродка!– крикнул Игнат и шагнул мне навстречу.

– Что там опять у вас?– вошел отец, и брат замер в полушаге от меня.– Сашка, а ты чего голая перед братом красуешься? Совсем стыд потеряла?– возмутился он и глянул на Игната.– Что случилось, спрашиваю?

Скользя спиной по шкафу, я прошла в душевую и быстро надела платье через голову. А Игнат в это время красочно расписывал, как я разбила коммуникатор. Не сомневалась, что именно так он все и представит. Поражало его неотступное упорство – унижить и задавить меня, но такая жалкая трусость – признаться отцу в своих проступках. Отец был помешан на экономии и запрещал любые необоснованные траты.

– Сашка, а ну сюда!– грозно позвал отец. Я вышла.– Что натворила?

– Это случайность,– мельком бросив взгляд на Игната, ответила я.– Но я починила...

– Неужели?! Кто в этом доме мастер?– усмехнулся отец.

– Не могла она его починить, он разлетелся вдребезги. Я сам видел,– заявил Игнат, очевидно, для убедительности выпучив глаза.

Отец перевел суровый взгляд на меня, ожидая объяснений. Не пряча глаз, я с обидой в голосе произнесла:

– Я взяла твои старые микросхемы, объединила их в одно звено и изменила цепочку передачи сигнала. Все остальное не пострадало, всего лишь отлетело от корпуса.

Опустив голову, увидела, как отец подошел к столу, взял коммуникатор, раскрыл корпус и заглянул внутрь. Он мало обращал внимания на быт, но в своих микросхемах разбирался и действительно увидел внутри знакомые детали. Намеренно криво слепленные между собой микросхемы слегка выпирали из общей структуры устройства (они прикрывали микросхему из коммуникатора Кьени). Он озадаченно хмыкнул что-то себе под нос и покосился на меня.

– И что, работает?

Я скромно кивнула.

– А ума аккуратно склеить не хватило?– проворчал он и вышел из комнаты.

Игнат едва не заскрипел зубами и вышел вслед за ним. Наконец, я могла выдохнуть с облегчением. Надев матерчатые тапочки и спускаясь вниз, я громко проговорила:

– Я отнесу последний заказ, а то Хардов не было днем,– и выбежала из дома.

* * *

Завтра было для меня самым счастливым днем. Хоть разрешения о поступлении еще и не видела, но отец получил его полфазиса назад, о чем и сообщил мне как-то за ужином. Игнат тогда еще странно спокойно отреагировал, даже не съязвил. Наверное, был занят мыслями о переводе. Они обсуждали это как-то с отцом. Но я почему-то была уверена, что брат провалит конкурс на то место. Или мне так хотелось?..

Когда я убирала посуду после завтрака, выходя из столовой, отец бросил на стол кредитную карту и проговорил:

– Завтра начинается учеба. Тебе велено прийти в центр распределения в Тоусэле и получить форму. Я уже оплатил. Это кредиты на поездку туда и обратно.

– Спасибо!– кивнула я, и улыбка сама собой растянула губы.

Впервые за долгое время я испытала благодарность отцу за то, что он без единого упрека понес необходимые расходы. Конечно, странно, что не сообщили мне лично, но в радостном возбуждении я приняла это за мелочь и поспешила в центральный город Тоули – Тоусэл.

Дождавшись вызова к администратору центра распределения, я глубоко вдохнула, чтобы подавить слишком радостное возбуждение оттого, что скоро получу пропуск в колледж и голубую форму, и вошла в небольшой кабинет.

Мельком взглянув на молодого гамони, я подошла к столу и представилась. Боковым зрением успела заметить, как его строгое выражение лица сменила заинтересованная улыбка. Он мягко подвинул ко мне небольшой пакет и сказал:

– Дай свой коммуникатор, привяжу электронный пропуск.

Молодые мужчины гамони и хемани редко церемонятся и сразу переходят на «ты». Мы такого себе не позволяем.

– У тебя высокие баллы, молодец!– заигрывающим тоном похвалил тот, протягивая коммуникатор обратно и пристально разглядывая меня.– Будь умницей и дальше...

– Спасибо,– улыбнулась вежливо, внутренне содрогнувшись от буквально ошупывающего взгляда мужчины, взяла пакет и быстро направилась к двери.

– Тебе на второй этаж, наставники из Кана проведут ознакомительную беседу,– вслед крикнул гамони.

Поднимаясь в указанный кабинет, я не совсем понимала, почему направлена к наставникам из Кана, а не Тазира, но не могла сложить целостной картины, пока не оказалась в холле, полным такими же будущими учащимися. Я встала у окна и, ожидая начала мероприятия, теребила кончик пакета с формой. И одновременно с появлением куратора из научного совета, который почему-то начал представлять наставников по естественным наукам, я опустила глаза на трещину в пакете и с неверием замерла. Из пакета выглядывал кусочек зеленой ткани. Это была форма колледжа Кана.

«Это какая-то ошибка!» – похолодела я и стала оглядываться по сторонам.

Но выйти из холла не удалось: с появлением куратора двери закрылись автоматически. Я не верила в произошедшее, но пугающие мысли уже заполнили сознание. И я не могла найти им логического оправдания.

Совершенно не слыша, что говорят куратор и наставники, едва дотерпев до конца мероприятия, я бегом вернулась в кабинет администратора, который выдал мне пропуск и форму.

– Простите, что без разрешения, – запыхавшись, быстро проговорила я, стараясь не смотреть на гамони, – но не могли бы вы проверить мой пропуск. Я должна была поступить в колледж Тазира, а не Кана...

Администратор взглянул на свой интерактивный стол–экран и покачал головой.

– Все верно. Саша Малых зачислена в колледж Кана на специальность «Микробиология космоса. Медицинское направление».

Я чуть не села на пол: в ногах задрожала каждая жилка.

– На какую специальность?! – беззвучно выдохнула я и схватилась за край стола.

Гамони недоуменно выпрямился и выключил экран.

– Твой преподаватель подал заявку на эту специальность.

– Кто?!

– А ты не знаешь своего преподавателя? – усмехнулся мужчина.

Я сжала края столешницы так, что пальцы загло от напряжения, и ощутила, как немеет затылок, а мысли становятся мутными.

«Почему?! Что я сделала не так? Почему он отказал мне?!»

Пытаясь взять себя в руки, я проговорила дрожащим голосом:

– Я имела направление в колледж Тазира. Могу ли я заявить об этом и поменять колледж? Хорд Торано не мог направить меня на эту специальность...

– Не кажется ли тебе, что преподаватель лучше знает, куда направлять своих учеников? – возмутился администратор.

– А если обратиться к высшему совету с прошением? – с отчаянием спросила я.

– Ты не имеешь оснований на это. Не все получают разрешение на обучение. Будь и за это благодарна...

– Благодарна? – беспомощно выдохнула я. Но за что?

Я отняла руки от стола и выпрямилась. Подняла голову и долго молча смотрела на плечи гамони. Мыслей в голове больше не осталось, и пошевелиться тоже не могла.

Мужчина строго вскинул подбородок и вышел из-за стола.

– Хочешь поспорить со мной и заработать нарушение? – с усмешкой спросил он.

В эту секунду в животе будто что-то лопнуло. Ледяная волна дрожи накрыла меня. Руки похолодели. В глазах потемнело, а внутри будто разверзлась пропасть, в которую стало засасывать тепло, звуки, свет и... надежду... По телу разлилась пульсирующая пустота, но не та, что безмолвствует и обессиливает, а яростное темное нечто, что властвует над разумом и просится наружу, чтобы поглотить все живое вокруг.

Я подняла глаза на гамони и, изо всей силы выбросив руки вперед, толкнула того в грудь. От неожиданности тот споткнулся и упал на спину. Попытался подняться и даже закричать, но я в два шага оказалась рядом и нависла над ним, яростно вдавливая носок туфли в его кадык.

Мужчина выпучил глаза от испуга и недоумения и дернулся, чтобы схватить меня за ногу, но я резко присела и приковала его запястья к полу. Его губы скривились от боли, лицо покраснело, он стал дергать ногами и хрипеть, как жалкое беспомощное животное. Сначала я упивалась своей властью над ним и мстью, но в какой-то момент пустота сожрала все внутри меня и потребовала крови... Я стремительно поднялась, схватила со стола электронное перо и без раздумий вонзила в горло парня. Из его легких раздалось сначала хлюпанье, потом шипение, а глаза закатились...

Через минуту он лежал распластанный на полу и не двигался. Я поднялась и отступила на шаг, глядя, как лужица крови становится все шире...

Дыхание замедлилось и стало почти незаметным. Ничего вокруг разглядеть не могла. Только мертвое тело и кровь на своих руках... Но я видела все это, словно со стороны, будто кто-то поместил меня в стеклянную колбу. Вслушиваясь в себя, не понимала, почему не испытываю страха, ужаса или вины... Пустота, холод – ничего... И медленно захлопывающаяся пропасть внутри меня...

«Что же со мной происходит?» – пролетела мысль, словно чужая.

Когда звуки стали медленно возвращаться, я взглянула на коммуникатор и поняла, что простояла над телом больше десяти минут.

«Я убийца?» – снова кто-то чужой спросил меня.

Резко выдохнув и тряхнув головой, я умыла лицо ладонями.

– Саша, тебе плохо? – тряс меня за плечо тот самый гамони.

Я испуганно раскрыла глаза и рот, а потом уставилась на пол, где только что лежало тело. Но этот мужчина стоял передо мной живой и здоровый.

– Ты такая бледная. Не стану на тебя заявлять... Иди-ка домой...

Дрожа от ужаса, я отшатнулась и выбежала из кабинета.

Около часа я пряталась в туалетной комнате центра, приходя в себя и не веря в то, что со мной произошло. Я разглядывала лицо в зеркало, смотрела на ладони и на свои туфли – лодочки – ничто не подтверждало то, что я кого-то убила, только нервное возбуждение и яркие картинки произошедшего в мыслях.

По дороге из Тоусэла напряжение отпустило, и я вернулась к причине, которая так подействовала на меня. Хотелось поехать к Саре или Джону и разрыдаться на их плечах. Однако это была сиюминутная слабость, эмоции уже стихали, но я ощущала, как усилилось во мне чувство, копившееся годами, – холодная ярость – нечто упругое, не поддающееся напору извне. И оно не давало раскиснуть, мобилизуя весь внутренний мир.

Я давно поняла: свободы нет. С самого детства меня зажимали в угол, ограничивали даже в том, на что имела полное право, и это делали не хомони, а мои собственные отец и брат. Что уж говорить о том, что на уровне общественного порядка у меня тоже не было особого выбора. Я даже не смогла попасть в колледж на ту специальность, на которую хотела и заслужила. Выяснять правду и жаловаться – бессмысленно: ошибки исключены, правила хомони требовали беспрекословного принятия, а говорить о своих проблемах я не привыкла с детства.

Уже у входа в неродной дом я получила сообщение от отца, что их с Игнатом не будет несколько дней. И мне было все равно, где они. Раньше я бы вздохнула от облегчения и устроила танцы на кровати брата в обуви, смоченной соком теслины¹⁴: он потом чихал всю ночь, но сейчас ничто не радовало. Я закуталась в одеяло, забралась на подоконник со своим стареньким визором и с головой погрузилась в программные алгоритмы.

¹⁴ Теслина – дикая белая ягода, сильный возбудитель аллергии.

Глава 8

Прошло несколько учебных дней. И с каждым разом я с огромным усилием заставляла себя просыпаться, одеваться в новую форму и идти в колледж. Сопротивление было настолько сильным, что не могла сосредоточиться на занятиях: многое проплывало мимо ушей. Стало очевидно, что микробиология не просто скучный предмет – я ее ненавижу!

Ко всему добавилось новое испытание. Я надеялась, что больше не встречу на своем пути Кьени Бер Хезсо, но теперь мы – однокурсницы. Хотелось удавить мерзавку за то, что она портила и без того дурное настроение в самый худший период моей жизни. Остальные однокурсники были из разных городов Тоули, но я не желала ни с кем знакомиться, заводить разговоров и отсаживалась от всех подальше.

В один из дней последним занятием шла история альянса. Я была не выспавшейся и раздраженной: готовила дом к приезду отца и брата, и меня все еще угнетала мысль о провале карьеры в области программной инженерии.

Новый преподаватель рассказывал не так увлекательно, как хорд Намуро в школе, но все же слух выхватывал какие-то факты из его рассказа, а мысли сами собой копошились в утомленном сознании. Речь шла о вирусе, который чуть не погубил расу хомони, но они выжили, установили новый порядок для жизни. И все было гармонично и правильно в новом созданном мире: и законы первого и второго порядка, и кодекс одинаковы для всех... Но гладкая ткань истории, написанной высшим советом хомони, прерывалась истинными фактами, о которых законопослушные граждане вслух не рассуждали.

Общество альянса делилось на высшее, среднее и негласно низшее сословия. Люди, разумеется, занимали последнее. Закон заключения только смешанных браков, чтобы обновить кровь и в итоге сделать расу хомони здоровой и сильной, нисколько не менял положения людей в альянсе.

«Поражает, как можно быть такими лицемерными? Сами хомони – чистокровные – никогда не заключали браки с людьми. Они даже жили подальше от всех, на своей индивидуальной планете – Гане. Сколько за семьдесят лет было таких браков? Уверена, можно по пальцам пересчитать и то, вероятно, уже с потомками от хемани или гамони...»

– А почему хомони не берут в жены человеческих девушек?– вдруг вырвалось у меня, но я не смутилась: стало интересно, как выкрутится преподаватель – гамони.

Тот строго сдвинул брови, но не высказал недовольства и все же выдал ложное оправдание:

– Вкусы у всех разные, либо на торгах они проигрывают другим кандидатам.

«Не убедил! Высшее сословие всегда в приоритете, даже если сто заявок от гамони и хемани на одну кандидатуру...»

– Ни разу за все время?– искренне удивилась и дополнила маской откровенного сожаления, ведь нельзя сомневаться в «правде».

– Люди здесь не так давно...

– Около семидесяти лет,– напомнила я, продолжая строить святую невинность.

Преподаватель сдержанно подмял губы, но я видела, как ему хотелось поставить меня на место.

– Саша Малых, ты очень любопытна. Но этот вопрос не является предметом истории альянса.

– Просто все мечтают о красавцах хомони, особенно человеческие девушки,– усмехнулась Кьени Бер Хезсо, и вся группа зашептала. И вроде бы всё безвинно и лишь добавляет популярности хомони, но я-то знала, что кроется за ее словами: яд выплескивался между

строк. А она повернулась ко мне и прошептала:– Мечтай, рыжая. С таким носом, как у тебя, очередь на торгах выстроится аж до Ганы.

Рядом сидящие парни и девчонки сдержанно отвели глаза, кто-то осуждающе покачал головой. Но ни один не поставил гамони на место. Я разочарованно опустила глаза.

«И как так вышло, что я в группе одна – человек?»

– Тишина!– строго проговорил преподаватель.– У всех в альянсе равные шансы. Заслужите, и вы подниметесь выше. Поэтому я всегда твержу: занимайтесь саморазвитием и будьте безукоризненны в соблюдении кодекса,– и при этих словах он предупреждающе взглянул на меня.

«Да, да, да... Если уж меня каким-то образом сунули в этот колледж, на эту дурацкую специальность, то каковы мои шансы занять нормального мужа? У женщины нет выбора на торгах, но неужели и там меня тоже ждет гадкий сюрприз?– продолжила размышлять, забыв обо всех.– Возможно, что хомони намеренно играют судьбами людей? А какова их цель? Хоть хомони и победили вирус, но он привел к мутации, которая и по сей день доставляет им большие неприятности: кроме того, что поговаривают об их жестокости, у них практически не рождаются девочки... Сколько? Пять на сотню? Вот это прирост!– усмехнулась я.– А ведь они до сих пор желают брать в жены только чистокровных. Если бы не было браков с хемани и гамони, то хомони исчислялись бы лишь мужским полом. Дочерей от смешанного брака снова отдают чистокровным, чтобы усилить кровь. Какое самолюбие и тщеславие! Высшее сословие! Их все почитают, но за что? Они презирают всех, кто не является ими...»

* * *

Проведя в колледже еще один бесполезный день, я была разочарована и обессилена злостью.

«За что это мне?»– задавалась вопросом, вглядываясь в серое грозовое небо из окна аэробуса.

Скоро начнется сезонный ливень¹⁵, и я хотела попасть к Саре в Тазир до него, иначе новую форму можно будет выкинуть: она покроется желтыми пятнами.

После той работы с чипами у Сары появилось для меня задание. И только оно вдохновило не потратить кредиты на обед, а скорее оказаться в доме Лефаров.

К ним прилетел давний друг семьи и однокурсник Сары – Тадеско Дворжак, учился на параллельном курсе медицинского техника. Я его хорошо знаю: в детстве он учил меня словацкому и немецкому языкам. Ему нужно было разобраться в закодированном визоре новой модели, в котором находились ценные данные. Мы просидели ровно до ужина, как я и предсказала, взглянув на объем работы. Когда вернулся муж Сары, мы уже мирно ели запеченные овощи и говорили на общем языке.

– Рышавка¹⁶, скоро ты будешь совсем умной,– улыбнулся Тадеско на прощание, а я недовольно покосилась на него за это прозвище.

Но злилась не поэтому: никто еще не знал, что я не учусь в Тазире. От этого настроение снова упало. Защитные алгоритмы системы все сложнее. Скоро мне не будет хватать знаний, чтобы их преодолеть, а учиться самостоятельно – трудно без опытных наставников.

Я попрощалась со всеми и побрела на центральную остановку, обходя желтые лужи. Колледж Тазира стоял в стороне, и на секунду я остановилась взглядом на его крыше, сжав кулаки в бессильной злости.

– Саша?– неожиданно окликнули за спиной, и я узнала по голосу своего преподавателя физики – хорда Манула Сард Торано.

¹⁵ Сезонный ливень – короткий период, когда осадки содержат вещество, органически разлагающееся в почве, но устойчивое при попадании на кожу и одежду.

¹⁶ Рышавка – рыжая (от словац. – gušavka).

Я глубоко вдохнула и выдавила вежливую улыбку, только потом обернулась.

– Хорд Торано.

– Рад тебя видеть. Что ты здесь делаешь?– как ни в чем не бывало спросил он.

– Была у друзей,– ответила я, рассматривая пожелтевшие носки своих новых конверсов.

– Как ты учишься?– продолжил церемонии гамони, а мне захотелось разорвать ему плотку за такое лицемерие.

– Хорд Торано, могу я спросить вас?.. Я что-то нарушила и поэтому не получила разрешения на обучение в колледже Тазира?– произнесла сдержанно.

В позе Торано отразилось замешательство, и я настороженно подняла глаза на уровень его плеч.

– Я расстроен, что ты отказалась поступать на специальность «Программная инженерия». Я думал, из тебя выйдет замечательный специалист. Но ты изменила выбор. А он окончательный.

Я удивленно вскинула голову, но тут же остановила себя, чтобы не посмотреть в глаза гамони, и, замерев непонимающим взглядом на его подбородке, спросила:

– Почему вы так говорите?

– Ты же ответила отказом центру распределения после того, как я прислал твоему отцу разрешение на обучение в колледже Тазира. Я даже связывался с ним, но он сказал, что ты передумала и выбрала другую специальность. Если честно, я был разочарован...

Я сжала челюсти так, что десны заныли. В этот момент в глазах начало темнеть, и я готова была взорвать то место, в котором сейчас находился отец, но уцепив себя за бедро, собрала и ровно произнесла:

– Мне жаль, что я вас разочаровала, хорд Торано.

Правду я узнала, но ничего уже не изменить. А официальное разбирательство с отцом обернется против меня.

– Как в колледже Кана? Мне казалось, что микробиология совсем не твой предмет, если ты, конечно, не собираешься программировать медицинские установки,– улыбнулся хорд Торано.

– Это возможно,– едва смогла растянуть губы в учтивой улыбке.

– Что ж, тогда тебе удачи! Ты была бы талантлива в инженерии...

«Была бы...»

– Благодарю, хорд Торано.

Преподаватель кивнул и пошел восвояси, а я провожала его спину стремительно темнеющим взглядом.

* * *

Когда я пришла к дому, на его месте было пепелище. Я даже удивилась, что мне несколько не жаль своего скудного гардероба из нескольких старых платьев и выцветших пижам...

– Ну как в колледже?– спросил брат, выглянув из гостиной, и я увидела злорадство в его улыбке, как и в ухмылке отца. Но я никогда не покажу им своего поражения.

– Мне нравится. Главное, что смогу себя содержать,– проговорила я и, выждав несколько секунд, отвернулась и стала подниматься в свою комнату, но, услышав русский, замерла в пролете.

– *Выдрессировали, даже не пикнула о Тазире,*– не очень довольный моим ответом, хмыкнул Игнат.

– *А на кого ей пенять?*– поддержал тон отец. – *Думала, я ей позволю занять мое место в мастерской после колледжа? Да я ни на шаг не подпущу ее к инженерии – мозгов не хватит. Пусть попробует найти себе место в микробиологии, если и там не опозорится...*

«Оскорбило, что дочь может превзойти тебя? Так уже превзошла...»— сжав дрожащие губы, вздохнула я и взглянула на мигнувший коммуникатор.

«Саша, от тебя давно нет вестей,— написал Джон.— А у меня есть новости, встретимся завтра после учебы?»

«Ты придумал, как взорвать Гану?»— подумала я, но в ответ написала короткое «Да».

«Я могу встретить тебя у колледжа Тазира и привезти в Кан?»

Я лишь сильнее сжала челюсти и ответила:

«Я приду к тебе сама».

* * *

За стенами колледжа всегда становилось легче дышать. Но сегодня я не завтракала и не обедала: аппетит совсем пропал, поэтому меня подташнивало и дышала с трудом.

Глубоко вдыхая и задерживая дыхание, я шла в направлении дома Джона Саманти и набирала сообщение:

«Ты дома?»

«На Фруктовой площади».

«Встретимся там»,— ответила я и ощутила фруктовый привкус во рту.

Я знаю Фруктовую площадь с детства и иногда краду там фрукты. Джон сидел на скамье недалеко от одной из фруктовой лавки и просматривал что-то на визоре. Я бегло огляделась и с вежливой улыбкой подошла к торговцу. Наклонившись над горкой ярко-оранжевых плодов, я дотянулась до контейнера с синими ягодами. Но вот беда: локтем задела идеальную пирамиду из фруктов и те рассыпались по витрине, перемешавшись с остальными.

— Ой,— испуганно прикрыла рот ладонкой.— Извините, я не хотела... А ягоды спелые?

— Конечно спелые, иначе я бы их не выставил,— терпеливо проговорил торговец и стал обходить витрину.

— Я всегда чувствую запах незрелых. У меня на них аллергия. Извините, но я не возьму...

— Тогда не трогай больше ничего. Лучше спроси, подам...

На нас оглянулся Джон и с легким укором покачал головой на мою неловкость.

— Я другого не хочу. Спасибо,— печально улыбнулась я и, чуть отклонившись в сторону и прикрыв часть витрины заранее распущенными волосами, стянула фруктовую палочку и сунула в карман.— Хорошего дня...

Торговец только что-то буркнул и стал перебирать и укладывать фрукты в новую пирамиду. Я мотнула головой, отбрасывая волосы назад, и направилась к Джону.

— Саша?!— широко раскрытыми глазами смотрел на меня тот и, медленно оглядываясь по сторонам, поднялся.— Зачем ты это сделала?!

— Я голодная,— невозмутимо повела плечом и, достав палочку из кармана, откусила кусочек.— М-м, как вкусно! Хочешь?

— Быстро в аэромобиль!— прошипел Джон и подтолкнул в плечо.

Я неторопливо пошла за ним, спокойным взглядом сканируя площадь на присутствие стражей. Они всегда среди нас, могли появиться буквально из воздуха, но сейчас, похоже, их не было рядом, и никто даже и головой не повел в мою сторону. А торговцы из других лавок были заняты своими покупателями.

— Что на тебя нашло?!— воскликнул Джон, когда аэромобиль тронулся с места.

— Что ты разволновался? Все под контролем. Экономлю кредиты,— усмехнулась я, чувствуя, как немного отлегло после ужасного учебного дня.

— Ты могла бы попросить у меня!— еще больше возмутился Джон.

И меня это задело. Я и так без настроения от всего того, что происходит, еще и он со своей моралью.

— Я не прошу!— огрызнулась я.— Я беру сама!

Джон плотно сомкнул губы и до самого дома смотрел на меня испытующим взглядом. А у меня уже пропало желание вообще о чем-то с ним говорить. Хотелось исчезнуть куда-нибудь, но подальше отсюда, от Тоули, от альянса...

Как только мы вошли в дом и я удобно устроилась на широком подоконнике столовой, Джон с шумом поставил пакет с продуктами на стол и грозно повернулся ко мне.

– И давно ты так экономишь?– спросил он, продолжая сверлить меня сердитым взглядом, будто мог этим пристыдить.

– Когда захочется,– бесстыже выдала я.

– Коммуникаторы – тоже твоя работа?– прищурился он.

– Что, Сара нажаловалась?– недовольно отстранилась от окна.

Джон вытянулся и, скривив губы, осуждающе покачал головой. И вдруг поняла, что это не Сара выдала, это он только что подловил меня, а я сама себя выдала. Сам догадался, что я не могла из воздуха выкачать знания о новых ловушках системы безопасности в устройствах связи, и знал, что я не обращаюсь за этим ни к кому другому...

Потеря контроля разозлила. Я вызывающе прищурилась в ответ, и несколько минут мы смотрели друг на друга в молчаливом поединке.

– Что с тобой происходит, Саша?– разочарованно выдохнул он.– Ты делаешь такие вещи, за которые можешь поплатиться жизнью и рискуешь всеми нами.

– Ничего подобного! Все просчитано!– оскорбилась я.

– Пока тебя не поймали, но, Саша, всегда наступает момент, когда все заканчивается. Это закон равновесия!

– Приятно, когда в тебя верят!– фыркнула я.

– Это не предмет гордости, Саша!– повысил голос Джон. Он злился.– Ты переоцениваешь свои способности... Такая самонадеянность всегда подводит...

– Самонадеянность?! Ты так это называешь? Тогда больше не зовите меня с Сарой, чтобы придумывать, как нарушить законы первого порядка и кого-то там спасти. Ведь меня ждет смерть! Как и тебя, если поймают!– обиженно выкрикнула я и спрыгнула с подоконника.

Джон посерьезнел. Брови сошлись на переносице. Но я не смягчилась.

– Джон, не я себя переоцениваю, это ты меня недооцениваешь. Хватит считать меня никем! Я устала от этого!

– Саша... Я не узнаю тебя...

– Отстань, Джон!– огрызнулась я и повернулась к выходу.

– Саша, я волнуюсь за тебя!– неожиданно преградил дорогу он.– Что с тобой происходит?

Мне все равно, что Джон беспокоится. Я ощущала, как лед течет по венам, а безграничная пустота пожирает все человеческие чувства. Я и без того не любила говорить о своих проблемах. Никогда не жаловалась ни ему, ни Саре, ни кому бы то ни было после того единственного раза, когда пришла со сломанным носом. И они научили, и многому другому, только это никак не помогало, все становилось только хуже! И от всех этих разговоров по душам и надежды, что кто-то есть рядом и поможет, я только слабела.

– Поговори со мной, Саша,– настойчиво просил Джон.– Я научил тебя общаться, но ты по-прежнему держишь все внутри себя...

Я подняла глаза и непримиримо посмотрела на него.

– Если в детстве я рассказала тебе о том, что со мной случилось, это не значит, что я буду рассказывать всё о своей жизни сейчас!

Мое заявление не просто удивило Джона, но и разочаровало. Он отошел на шаг и сунул руки в карманы брюк.

– Я думал, мы друзья...

– Не смеши! Ты взрослый мужчина, а я девчонка, которую ты когда-то пожалел, потому что брат сломал ей нос!

– Значит, так ты расцениваешь наши отношения?– ровно произнес Джон, но обида была в том, как он отвел глаза. Но мне все равно!

– Отношения? А скажи-ка мне, Джон, зачем ты позвал меня? У тебя ведь очередное дело? Я только для этого тебе нужна?– с вызовом спросила я.

Джон нахмурился.

– Вот и все наши отношения!– заключила я.

– Ты не справедлива,– вздохнул он и вернулся к столу, а затем стал аккуратно выкладывать продукты из пакета.– Я хотел узнать о твоей учебе... Ты мне небезразлична, мне всегда интересно, как ты и что происходит в твоей жизни... Но я не только поэтому позвал тебя, хотел поделиться, что выиграл торги, а через пару фазисов у меня брачная церемония... Это большие изменения...

Дыхание прервалось. Я даже не слышала, что Джон говорил дальше. Меня словно кто-то вышиб из тела и подвесил в воздухе. У меня не было места, где бы я могла найти приют и телу, и душе. В доме, где жила, я вздрагивала от каждого появления брата или отца, подскакивала ночью от любого шороха. В доме Лефаров, как и в доме Саманти, мне запрещали бывать и тем более оставаться. Меня швыряли из угла в угол... Я снова и снова оказывалась на задворках жизни и ничего не могла изменить. И сейчас было ощущение, что меня предали не только те, кто должен был защищать...

Я закрыла глаза и сжала леденеющие пальцы.

«Хочешь знать, что происходит в моей жизни, значит?»

– Сара сказала, что за несколько дней учебы ты ни разу не зашла к ней на обед,– услышала я Джона.

– Потому что я не учусь в Тазире!– бросила я и, сложив руки на груди, с силой впечатала спину в дверной косяк.

Брови Джона взлетели от удивления и снова сомкнулись на переносице.

– И где же?– взволнованно выдохнул он.

– Кан, специальность «Медицинская микробиология»,– с притворным восторгом развела руки в стороны я.– Весело, да?!

Джон сначала попытался что-то сказать, даже рот приоткрыл, но озадаченно опустил голову и медленно провел по столешнице ладонью. А потом сел на стул и поднял на меня глаза, полные вопросов.

– Хочешь поговорить?– фыркнула я, все больше распаляясь от злости.– Хорошо, давай поговорим. Как оказалось, мой драгоценный отец испугался, что я отберу у него мастерскую после окончания колледжа, или он так жаден, что решил сэкономить на моих поездках в Тазир... и, ничего не сказав, внес изменения в разрешение на обучение, выбрав умопомрачительную микробиологию! Хотя... я скажу тебе, что это – еще один способ унижить, наказать меня и не оставить следов на теле... Вот так обо мне заботятся!

Джон медленно опустил плечи и выдохнул только после последнего моего слова.

– А теперь мне совсем некуда будет прийти...

– С чего ты взяла?– возразил он.– Я всегда буду о тебе заботиться... Ты мне дорога...

– Ха,– холодно усмехнулась я.– Теперь заботься о своей дорогой жене... Кстати, кто она? Хемани, гамони? Кто из этих выроdkов? Надеюсь, торги удались и ты не выложил за нее ни кредита?

– Саша, не надо так,– оскорбился Джон.– Ты озлобилась, но ты не одна...

Я подошла к Джону близко-близко и, глядя ему в глаза, с болью проговорила:

– Ты даже не знаешь, о чем говоришь... Когда ты с детства приходишь домой и получаешь если не подзатыльник или ремень, то подножку... Когда хочется кричать, а нельзя, потому что меня услышат совсем не те, кто должен... Я изо дня в день чувствую, как утекает время, и ничего не меняется... Я, как тень, меня не существует, у меня даже имени нет... Странная

рыжая, уродина, сумасшедшая... И я ничего не могу сделать с той пустотой, что пожирает меня. Иногда я вижу такие страшные картины, которые происходят будто в реальности. Я даже боюсь однажды открыть глаза и увидеть горы трупов вокруг... И знаешь, что меня спасает? Только в те моменты, когда я рискую, на короткий миг чувствую, что живу, как сила разливается по венам и обновляет меня... Мне кажется, что я становлюсь сильнее даже физически... Но когда возвращаюсь в тот дом, чувствую, что он высасывает все силы. И ты говоришь, что я просто озлобилась? Ты знаешь, каково это, Джон?

Он сочувственно сжал губы и, протянув руки, взял меня за плечи.

– Я понимаю, что жестокость отца подавляет тебя. Но ты ведь умница! Ты сильная! Я увидел это в малышке тогда и сейчас вижу... Ты отчаялась, разозлилась, но если ты не будешь говорить об этом хоть с кем-то, это уничтожит тебя изнутри... Разве тебе сейчас не стало хоть чуточку легче?

– Легче?– отшатнулась я.– Джон, легче?! Это все, что ты можешь сказать?

– Да что с тобой?– замер Джон, словно с состраданием на лице.

Я скрестила руки на груди и смотрела на него с неверием.

«Кто вы – люди? И что вам всем от меня надо?!»

– Знаешь, я больше не хочу никому помогать. Люди не достойны, чтобы их защищать...

– Но мы помогаем тем, чья жизнь и репутация под угрозой,– вздохнул Джон.

– Я помогаю другим, а мне никто помочь не может,– усмехнулась я иронии жизни и взмахнула руками.– А кому я помогаю? Может, таким же ублюдкам, как мой отец или брат? Чтобы скрыть их нарушения? А, Джон?

У него не было ответа. Он просто смотрел на меня, как на чужую.

– Какой смысл во всем этом, если моя жизнь не меняется?– холодно сказала я.

От тоски и, наверное, сочувствия во взгляде Джона мне вдруг стало противно.

– Не смей на меня так смотреть!

– Ты права, я не знаю, что тебе сказать... Я не чувствовал того, что ты. Мне отчаянно хочется найти слова, чтобы как-то помочь или ободрить... Но я не нахожу их...

– Гоу ту хэлл, Джон!¹⁷– в отчаяние вспыхнула я на его языке.– Мне не нужны слова, просто не лезь в мою жизнь. Мне не нужны пустые надежды! Я построю свой мир! И в нем не будет угнетения, слабости и пустых сантиментов!

– Мне жаль, я только хочу сказать, что всегда буду рядом, всегда буду твоим другом...

– У меня никогда не было друзей!– выпалила я, не успев и подумать о сказанном.

Теперь отшатнулся Джон и, выпрямившись, разочарованно посмотрел на меня.

– Саре это будет больно слышать.

Чувство вины полыхнуло во мне, но его тут же погасила злость. Я отвернулась и зажмурилась, потому что в глазах начало темнеть.

«Только не сейчас, только не сейчас...»– взмолилась угасающему свету внутри и задрожала от ледяной тьмы, накрывшей меня.

Я выбежала из дома Саманти... Спустя какое-то время поняла, что бреду под ливнем по улице, которая очень далеко от дома. Я даже не помню, как оказалась здесь. Остановившись, подняла лицо вверх и взмолилась всему сущему:

«Пожалуйста, помоги мне не сломаться...»

¹⁷ Гоу ту хэлл, Джон! – Иди ты к черту, Джон! (от англ. – Go to hell).

Глава 9

Ссора с Джоном и ночь принесли мне не только головную боль наутро и апатию ко всему сущему. Я потеряла контроль над собой вчера, оказавшись под сезонным ливнем, и теперь моя учебная форма выглядела отвратительно, как и лицо, волосы и руки... Все было в желтых пятнах.

«Меня убьют», – с какой-то странной смиренностью подумала я, вспомнив о стоимости новой формы. О том, что услышу о себе в колледже, даже представлять не хотела.

Тщательно расчесав и закрепив волосы в тугий хвост на затылке, не позавтракав, я сбегала из дома раньше, чем проснулись отец с братом.

Колледж встретил меня сочувствующими взглядами и усмешками, которые я прекрасно слышала за спиной. Но мне было все равно: я давно была выше этого. Пятна с кожи сойдут через полфазиса, но вот форма... Явиться не в форме нельзя – зафиксируют нарушение. Купить не на что, а отец все равно узнает от администрации колледжа. Так что нужно было только найти серьезную причину, чтобы оправдаться перед отцом.

Войдя в зал на первое занятие, заметила еще одного парня в желтую крапинку. Видно, не одна я пострадала. Но тот хотя бы сохранил форму. Он смущался, но когда увидел меня, то храбро выпрямился и улыбнулся, будто теперь он был не одинок. Я равнодушно перевела взгляд на свободные места и села подальше от подиума преподавателя.

– Хи-и-и, – раздался знакомый смешок Кьени. – Теперь ты желто-рыжая?

«Интересно, кто-то смеется от ее тупого юмора?» – всерьез задумалась я, включая визор.

В полной безучастности я провела четыре разных занятия по специальности и кое-как собиралась выдержать последнее.

«Если все предметы по специальности такие же нудные, то я умру от скуки раньше, чем убьют дома. Нет ничего хуже бессмысленно потерянного времени...»

– Приветствую вас! Меня зовут Пол Адриано, – вошел в зал последний на сегодня наставник. – Я буду вести один из важных курсов по вашей специальности «Нанотехнологии в микробиологии». Я практик, поэтому лабораторных занятий у вас будет много. И первое правило на моих занятиях – это смотреть в глаза, когда вы говорите со мной. Так я буду знать, понимаем ли мы друг друга. Договорились?

Я со скукой перевела глаза на наставника и окинула его сверху вниз. Это был человек лет тридцати. Высокий и слишком симпатичный для преподавателя такой нудной специальности. Да, на него приятно посмотреть, но это все. Программа курса, которую он озвучил, не всколыхнула во мне ни капли интереса.

«Как я буду заставлять себя учиться? Как буду сдавать экзамены и итоговый тест?» – подумала и с гнетущей безысходностью отвернулась к окну.

– А какие еще у вас правила, наставник? – осмелела Кьени, и я не удержалась от того, чтобы не закатить глаза, правда, прикрыла лицо ладонью.

– Инициатива, трудолюбие и равнодушие, – ответил Адриано.

От этих слов захотелось смеяться, если бы не было так горько. Я уронила голову на стол и выдохнула с такой обреченностью, что с расстройства не заметила, как громко это получилось.

– Что, уже тяжело? – неожиданно прозвучал вопрос рядом.

Я подняла голову и увидела светло-карие глаза наставника прямо перед собой. Он склонился надо мной, а на его неожиданно красивых губах играла ироничная улыбка. Я выпрямилась и прищурилась, но не сказала ни слова. Адриано тоже выпрямился и взглянул на свой визор.

– Саша Малых, вам, кажется, неинтересно?

Не хотела говорить, но слова вырвались сами собой:

– А что, если я не люблю микробиологию и медицину?

Группа замерла, но не Кьени. Она сморщилась, как вяленый фрукт, и покосилась на меня.

– Тогда меня удивляет, как вы распорядились своим выбором, – спокойно отнесся наставник к моей дерзости.

– Просто рыжую на психиатрию не взяли, и она от злости пожелтела, – хихикнула Кьени.

– А вы состоите в комиссии распределительного центра... Кьени Бер Хезсо? – снисходительно обернулся Адриано к мерзавке.

Та хоть и была глуповата, но намек и тон поняла сразу: опустила глаза и тихо извинилась (кому хотелось получать замечание в историю гражданина?). От этого во мне промелькнуло уважение к наставнику.

– Так что с вашим выбором? – вернулся тот ко мне.

Не отводя глаз от него, я ровно ответила:

– Иногда выбора нет.

Ироничная улыбка не исчезла, но взгляд посерьезнел. Некоторое время Адриано смотрел на меня изучающе, затем пролистал визор и вновь обратился:

– Не знаю, как вы, Саша, но уверен в том, что если быть лучшим во всем, то можно удивиться тому, что предложит жизнь. А вы, учитывая вашу учебную историю, явно имеете все возможности добиться этого, – потом он оглянулся на всех и добавил: – Ваши способности помогут не только успешно работать на родной планете, но и выйти далеко за рамки медицины. А особо успешные, – и он взглянул на меня, – смогут отправиться на Космическую научно-исследовательскую станцию или даже на Межгалактическую исследовательскую станцию.

– КНИС – это круто! – слышалось от кого-то сзади.

– А МИС – это же так далеко...

– Что такое МИС? – спросила Кьени, и тот парень в желтую крапинку скривил губы, усмехаясь ее безграмотности. Даже я, не интересующаяся естественными науками, знала, что Межгалактическая исследовательская станция находилась в свободной зоне¹⁸. Стало вдруг совершенно ясно, что разрешение на обучение Кьени оплатили родители, надеясь на чудо.

– Там работают исследователи из разных галактик? – восхищенно спросил другой парень.

– Именно! Колоссальный опыт и потрясающие открытия, которые помогают многим расам в самых разных областях естественных наук. Уверен, что вы не знали, что с вирусом хомони помогли справиться именно ученые МИС.

– Вот это да! – мечтательно вздохнуло несколько девчонок.

Внутри все словно ожило и заработало. От адреналина защипало щеки. Мысли закружились с невероятной скоростью. Я могла не просто стать лучшей в учебе, но и разом решить жизненно важные вопросы. Свобода – это там, где не действовали законы хомони и не было Андрея и Игната Малых.

В размышлениях о возможных перспективах будущей специальности я вышла с занятия и собралась в парк, но на одном из лестничных пролетов увидела Кьени с компанией девчонок. Решив избежать встречи с ней и обойти через этаж по параллельной лестнице, я стала подниматься вверх. Иначе может выйти так, что в ответ на очередную насмешку я потеряю контроль и придушу ее на месте. И не только ее... И не только придушу...

Не помню, когда это началось, но заметила, что мои фантазии перестали быть светлыми и наивными. Я уже не загоняла брата на дерево в образе грызуна, а получала странное удовольствие от того, что воображаю, как убиваю его или отца. Однако теперь не только их. Я осознала, что больше не превращаю всех своих обидчиков в предметы мебели, в насекомых или животных, больше никаких цветов внутри меня или бесполезных крылышек... а мысленно

¹⁸ Свободная зона – космическое пространство вне звездной системы хомони, на которую не распространяется свод законов и кодекс хомони.

истребляю их самыми жестокими способами. При этом совершенно не помню, как это начинается, что делаю в это время... Только после полного отмщения прихожу в себя и понимаю, что зависла, замерла на одном месте.

Я остановилась, когда ступени закончились, и посмотрела на свои ладони: «В кого я превращаюсь?»

И все же пока это было всего лишь дурное воображение. Если бы это было не так, то меня давно казнили бы... сотни тысяч раз. Но ведь я не могла никому навредить...

«Не могла?»— засомневалась я и оглянулась.

Я оказалась на последнем этаже колледжа, совершенно забыв, куда бреду, или потому что показываться на улице и тем более дома, совсем не хотела. Это не учебный этаж. Передо мной широкая дверь, за которой, очевидно, крыша или что-то еще, и доступ туда, конечно же, ограничен. Однако сенсор горел белым огоньком, что означало, доступ открыт. Из любопытства я открыла дверь и заглянула внутрь.

Это оказалась терраса с небольшим садом под прозрачной крышей, но без стен и окон. И здесь, похоже, нечасто бывали: на полу успел образоваться тонкий слой пыли.

Я прошла к перилам и посмотрела вниз. Терраса выходила на парк и часть двора колледжа. Я улыбнулась и села, подогнув под себя ноги. Здесь было уютно и тихо. И мне нравилась такая заброшенность, словно здесь я могла не бояться себя и никого другого...

«Вчера так разозлилась на Джона, потеряла контроль... И ведь понимаю, что из-за такой ерунды: воровство, его торги... Что я хотела доказать? Просто было так больно... и до сих пор... А все эти разговоры по душам... И кому они нужны? Ведь ничего не изменится...»

Неожиданно резкий порыв ветра заиграл с волосами из хвоста на затылке и бросил их мне в лицо. Я выплонула несколько волосков и оглянулась. В дверь кто-то вошел, и по силуэту он был похож на мужчину. Я напряженно расправила плечи и прищурилась от яркого света.

— Привет...

Узнав в мужчине Пола Адриано, я собралась подняться и уйти, чтобы не вызвать лишних вопросов, но тот непринужденно подошел к поручням, облокотился на них и поинтересовался:

— Любишь вид сверху?

Я решила остаться и посмотреть, что из этого получится. Когда он оглянулся, просто кивнула.

— Я читал твою характеристику, Саша. Ты не любишь общаться?

«И что я должна тебе сказать?»— слегка нахмурилась и отвернулась к парку.

— Но знаешь, для микробиолога это ценное качество. Умение сосредоточиться на задаче, отвлечься от всего лишнего... Тут не до болтовни.

«Как и для инженера-программиста»,— проворчало мое самолюбие.

— Как думаешь, мы поладим?— не оставлял попыток разговаривать меня наставник.

Я неопределенно пожала плечами: еще не успела все обдумать. А Адриано неожиданно скрестил ноги и сел на расстоянии шага. И так мы просидели несколько минут молча. Я ни о чем не думала, просто сидела в режиме ожидания и напряженно переводила взгляд с одной точки парка на другую. А потом наставник нарушил тишину:

— Знаешь, Саша, природа очень мудра, и она ничего не дает просто так. Тебе она дала внутреннюю силу. Распорядись ею правильно...

От этих слов я смутилась: «Почему он мне это говорит?»

Адриано поднялся на ноги и внимательно осмотрел меня.

— Думаю, тебе требуется помощь...

— Не требуется,— тут же заговорила я и поднялась.

— А я думаю, что ты будешь мне благодарна за это,— мягко усмехнулся Адриано и протянул руку вперед, намекая пройти с ним.

Я недоуменно окинула мужчину с головы до ног и недоверчиво последовала к выходу.

Я не понимала, куда мы идем и чего он хочет, до тех пор, пока не вошли в лабораторию колледжа и Адриано, покопавшись в шкафчике с растворами, не принес мне капсулу с густо-красной жидкостью.

– Природа дала тебе и красоту, – с улыбкой проговорил он, – поэтому давай ее поддерживай... Дома натри кожу в местах поражения этим раствором.

Я озадаченно перевела взгляд на капсулу и сказала:

– Вы хотите, чтобы я из желтой превратилась в красную?

Адриано весело улыбнулся, и от его улыбки что-то дрогнуло внутри.

– Ты помнишь, на какую специальность поступила, Саша?

Я сдвинула брови.

– Будем считать – это «да»? – подмигнул он. – Так вот, если поверишь в себя и в эту «ужасно» красную жидкость, то обещаю, что ты узнаешь жизнь с той стороны, которая не видна невооруженному глазу. Это даст тебе огромные преимущества...

«Этот мужчина всегда такой странный? Или он помешан на науке?» – я взяла капсулу и с сомнением повертела ее в руках.

– С волос желтизна скоро смывается. Ну а с формой я бессилен, – пожал плечом он. – Придется заказать новую...

– Могу я попросить вас сообщить моему отцу, что на лабораторном занятии на меня пролили реагент? – неожиданно пришло в голову.

Адриано задумчиво сузил уголки глаз и так долго смотрел на меня, что засомневалась в том, что он поможет избежать упреков отца. Однако наставник с заговорщическим видом подмигнул и кивнул на капсулу:

– Давай рискнем.

* * *

Домой я вернулась в странно-задумчивом настроении и даже нигде не задержалась. Никого еще не было. Я долго смотрела на капсулу с красной жидкостью, на себя в зеркало и поняла, что хуже уже не будет.

Обильно смочив салфетку, натерла маленький участок кожи на руке. Там, где было желто, вдруг стало безумно красным, даже с фиолетовым оттенком. Я округлила глаза и вздохнула от облегчения, что хватило ума не натереть лицо. Но спустя минуту пятно начало светлеть и постепенно исчезло. Совсем.

Вечером отец вернулся из мастерской и потребовал показаться на глаза вместе с формой. Недовольно нахмурившись, он посмотрел на мои волосы, обозвал моих однокурсников ублюдками и, чтобы не потратила лишних кредитов, неохотно велел заказать новую форму при нем, иначе администрация колледжа сразу подала бы прошение на расследование: почему родитель не может обеспечить дочь новой формой. Но я была в таком восторге оттого, что наставник Адриано рискнул своим положением, что уже не слышала ворчания и унижительных слов отца.

Поздним вечером Сара, доставив карту памяти нашим тайным способом, попросила об очередной услуге. Я, несмотря на ссору с Джоном, с удовольствием и позабытым вдохновением почти до утра писала программу для обхода уровней защиты медбазы.

Впереди был выходной, отец и брат снова куда-то собирались, поэтому я могла отоспаться и позже. Но настало утро, и, на удивление, захотелось посвятить время изучению сильных сторон медицинской микробиологии, чтобы понять, с чем имею дело, попутно тестируя готовый алгоритм взлома медбазы.

Глава 10

Сегодня я должна отнести карту памяти Джону, но все больше находила поводов заняться чем-то другим, а не закончить с алгоритмами. И все же осознав, что от чувства вины не избавлюсь, пока не поговорю с Джоном, я собралась и завершила работу.

Как часто бывало, в это время Джон готовил ужин. Я не извинялась. Наверное, никогда и не умела. Но Джон все понял без слов. Он крепко обнял, как только дверь дома захлопнулась за мной, и молча мы простояли в холле несколько минут. А потом завел меня в столовую и усадил за стол, подал фаршированные овощи, и мы вкусно поужинали.

– Я был не прав, извини,– неожиданно первым начал он. Я удивленно подняла голову.– Ты ведь давно это делаешь, верно?

Я сразу догадалась, о чем он, и отвела глаза. Не хотелось затрагивать эту тему, но поговорить все равно придется.

– Понимаю, что ты серьезно просчитывала свои действия. Ты очень наблюдательная и ловкая. Это хорошо,– Джон медленно сложил столовые приборы и отставил тарелку, будто беря паузу и обдумывая каждое слово.– Но ты же понимаешь, что нельзя исключить все риски. Для этого нужно обладать конкретными знаниями и всегда помнить, что датчики контроля фиксируют всю твою историю...

– Это не удача, Джон,– перебила я, решив признаться.– Я не рассказала ни тебе, ни Саре. Просто как-то не было повода, что ли...

Джон выпрямился в ожидании пояснения.

– Я использую оборудование Сары, чтобы корректировать свою историю,– проговорила я и посмотрела в глаза Джону.

– Ты... что?..

Он, похоже, не поверил своим ушам. Да, такому он меня точно не учил. Но я не могла топтаться на месте, изучая только устройства связи.

Джон задумчиво поводит взглядом по столовой и снова вернулся ко мне.

– И давно ты это делаешь?

– С четырнадцати,– улыбнулась я.

– Да-а... Когда ты успела так повзрослеть?– выдохнул он, откинувшись на спинку стула и завел пальцы в волосы на висках.– Так вот почему ты так шустро помогла Саре с историей на нулевых чипах?

– Там совсем было просто. Защита же еще не стояла.

– И весь процесс полностью под контролем? Но ведь вмешательство такого рода серьезное, и автономные защитные алгоритмы отслеживают вторжение...

– Нет, потому что я их блокирую...

– Блокируешь?

Я поднялась и стала убирать посуду со стола.

– Ну... это не то чтобы прямая блокировка. Моя программка-код становится как бы призраком и обтекает алгоритмы защиты,– растопырив пальцы, будто показывая, как управляю своим кодом, с азартом объяснила я.– Ее хватает всего лишь на пару минут, но, пока она не видима, я меняю данные. Я не стираю события – я корректирую временные точки.

Джон изумленно вскинул брови, поднялся и обошел вокруг стола, а остановившись рядом, заглянул в лицо и произнес:

– Мне жаль, что ты не поступила в колледж Тазира, ведь ты так хотела...– я было начала сердиться, что он напомнил об этом, однако Джон гордо продолжил:– Но сомневаюсь, что там научили бы тебя чему-то новому.

– Может, все не так и плохо,– признательно заключила я.– По крайней мере, форма моего любимого цвета.

Джон подошел ближе и чуть коснулся плечом моего. И я чувствовала, что он разделяет мою обиду и злость на отца и брата, на обстоятельства, на кодекс и законы хомони и хотел бы помочь, как помогал другим... Но такие, как он и Сара, рисковали не просто, чтобы другим веселее жилось, а буквально спасали их жизни, потому что тем грозили суровые наказания. А моя жизнь в семье и в обществе не была под угрозой. Я не была той, кого следовало спасать в прямом смысле. Границы недопустимого не пересекались (кто смотрел на моральные стороны?). Да и возможности Джона все же ограничены. Куда можно меня спрятать от семьи и от этого мира? Да и как жить, не зная другого?

– Почему люди такие жестокие?– склонив голову на плечо Джона, спросила я.

– Не все такие. А Борис Хворостов? А Тадеско Дворжак? А тот араб... забыл, как его зовут... Он больше Сарин знакомый...

– Али,– вспомнила того, кто учил меня арабскому языку.

– Да, Али и Пьер...

– О-о, этот француз! Он мне никогда не нравился, только его картавый язык,– грустно усмехнулась я, а Джон рассмеялся. Я сначала тоже улыбнулась, а потом снова помрачнела.– И все-таки люди злые...

– От человеческой природы не уйти,– с сожалением согласился Джон.– Хемани и гамони тоже имеют свои недостатки, но они слишком чтут порядок хомони, поэтому более лояльны и дисциплинированы.

«Не Къени Бер Хезсо!»– поморщилась я.

– На Земле давно воцарился хаос. Главным было выжить. Люди принесли с собой багаж земных проблем и установок, и в условиях новых ограничений это выливается не в лучшие поступки. В новых семьях они воспитывают себе подобных детей, и еще не скоро это поколение перерастет земной менталитет... Поэтому я прошу тебя, Саша, сохраняй в себе свет всеми силами. Нельзя становиться жестоким только потому, что таково окружение.

– Свет? Откуда ему взяться?– горько усмехнулась я.– С детства я наблюдала за матерями и отцами, которые вели детей в школу. Они держали их за руки, обнимали и целовали при расставании у ворот, смеялись и ласкали их взглядами, и я не понимала, почему лишена этого. За что? А когда возвращалась домой, всё будто так и должно быть. Но ведь не должно! Почему я никогда не была нужна собственному отцу? И почему мой брат так ненавидит меня? Кто сделал их такими? Люди на Земле? Хомони здесь? Отец всегда клянет хомони и другие расы, называет их «проклятыми ублюдками», а сам боится до ужаса что-то нарушить...

«Но вот не знаю, чего боится Игнат... И от этого он непредсказуем...»– вдруг задумалась я.

– Страх творит странные вещи со всеми. Но разве ты не замечаешь и хороших людей?

Я задумчиво пожевала нижнюю губу и ответила:

– Я верю тебе и продолжу помогать. Только теперь хороших я буду определять сама.

– Хочешь начать принимать заказы самостоятельно?

– Джон, мне не семь лет,– отстранилась я.– Я буду тщательно проверять историю заказчиков и, если засомневаюсь, – откажу.

– Может, по дружбе, позволишь мне быть посредником?– с улыбкой заглянул в глаза Джон.

Он все еще хотел уберечь меня. И я не стала выпускать колючки и согласно улыбнулась. А потом Джон взял меня за руку и сказал:

– Я не успел при прошлой встрече кое-что сделать, поэтому сделаю сейчас...

Я вопросительно подняла брови и пошла вслед за ним.

Мы вошли в его маленький кабинет. Джон оставил меня у порога, сам прошел к столу, а когда обернулся, то держал в руках красивую цветную коробочку. От нетерпения я прикусила нижнюю губу.

– Я не уверен, не думаю и не предполагаю, – серьезным тоном начал Джон, – а точно знаю, что ты справишься с любой задачей в своей жизни. И ты станешь самой успешной девочкой на курсе! Даю гарантию!

И Джон протянул коробку. Я распечатала ее и увидела самую новую модель визора.

– Несмотря на то, что это новая модель, я встроил туда дополнительный модуль памяти и мощный процессор, теперь ты сможешь писать сложные программы самостоятельно, а не кусочками на своем старом визоре и затем соединять, где придется. А корпус я состарил до внешнего вида твоего. Отец не узнает...

Внутри все заплескало от радости и трогательной заботы, но я только благодарно улыбнулась и слегка обняла Джона.

– И как зовут твою будущую жену? – выдохнула ему в плечо.

– Лиира...

– Пригласишь меня на брачную церемонию?

– Конечно, малышка! – улыбнулся мой друг.

* * *

На следующий день я шла в колледж с ощущением, будто именно сегодня должен произойти какой-то невероятный скачок в моей жизни.

– Эй, рыжая, как ты избавилась от желтизны? – удивленно спросил тот самый парень в пятнах, в которых была я два дня назад.

– Учись – не ленись! – впервые заговорила я с однокурсником и повернулась к намеченному месту.

И наткнулась взглядом на Пола Адриано. Он явно слышал, что я ответила парню и открыто одобрительно улыбался. А я отчего-то развеселилась и, опустив глаза, улыбнулась.

Сегодня из колледжа я уходила в абсолютной убежденности в своих трудолюбии, неравнодушии и инициативности, которые помогут мне открыть новые горизонты.

Я осознала одну простую вещь: не микробиология пугала и угнетала, а то, что я вышла из себя и потеряла ориентир. И при подробном анализе эта специальность могла дать мне то же, что и программирование, только учиться будет сложнее, потому что интересы лежали в другой области. И много времени придется тратить на скучную науку вместо того, чтобы учиться любимому делу.

Глава 11

С того дня, как я приняла новую реальность, жизнь завертелась, набирая немислимые обороты. Я выбросила из головы все лишнее и определила новую цель.

Я перестала рисковать, оставила воровские развлечения. Разработала четкий режим после учебного дня и установила обязательную программу: три часа активной учебы по специальности и пять часов самостоятельной работы в изучении программирования.

Жена Джона – Лиира, с которой я познакомилась на брачной церемонии, была милой скромной женщиной и не лезла в дела мужа, а меня принимала с охотой. Джон расширил рамки нашего сотрудничества и каждый выходной, справившись с обязанностями по дому и задачами курьера, я изучала разные электронные устройства у него дома. Училась создавать фальшивые данные, шифровать их и забрасывать в А-сеть, открывать скрытые базы данных и искать информацию, обходить ловушки системы безопасности, выстраивая новые алгоритмы призрачного проникновения...

Начинала с малого и выходила на более высокие уровни. Понемногу, по чуть-чуть мои навыки в программировании росли и удивляли Джона и Сару. Периодически наш общий знакомый Тадеско Дворжак подкидывал интересные задачи. И конечно, я продолжала искать уязвимость защитных алгоритмов системы, чтобы не зависеть от своего чипа и истории.

Все стало налаживаться очень быстро. Я втянулась в напряженный ритм, и каждый новый шаг и результат подстегивали волю и придавали вполне ощутимый смысл жизни.

Я с детства сильная и выносливая. И сейчас могла не спать несколько ночей подряд и выучить всю программу фазиса, чтобы потом не тратить время на теорию, а больше запросить лабораторных занятий. Практика привлекала больше: я видела реальные плоды своих стараний и уверялась, что способна на большее.

Кое-кто посмеивался за спиной, что я и курса не протяну в микробиологии, но уже через полгода на первых контрольных тестах мой балл был выше всех девушек в группе. И конечно же, это безумно взбесило Кьени Бер Хезсо. Она не смогла сдержаться и проявила свою гнилую натуру во всей красе, когда я с однокурсниками решила отметить первые успехи в чайной колледжа. При всей моей любви к уединению нужно было начинать налаживать отношения внутри группы. Это даст мне некоторые преимущества в будущем.

Велар Тодо Берк – тот самый парень в желтую крапинку, который теперь всегда садился рядом со мной на занятиях и наблюдал за тем, что я делаю, весело усмехнулся:

– Любопытно, кто из нашей группы заработает место на КНИС? Ставлю на Малых и на Ходоро...

Ходоро Хас Гейг – один из сильных студентов на нашем курсе, который практически влюблен в медицинскую микробиологию. Мой балл оказался ниже его всего на единицу. Он очень симпатичный парень, но на девушек совсем не заглядывается, как остальные, и меня воспринимает как достойного будущего коллегу. И только поэтому я испытываю к нему что-то похожее на уважение.

– Ну, некоторым здесь и сейчас не место, – ехидно заметила Кьени и будто случайно покосилась на меня.

Все ребята, в том числе и Ходоро, недоуменно посмотрели на девчонку. Я же мягко улыбнулась и, чуть склонившись к Велару, непринужденно спросила:

– Кажется, у тебя дядя работает в центре распределения?

– Угу, – выпятил грудь Велар, довольный моим вниманием.

– Интересно, а сколько стоит разрешение на обучение тем, кому здесь не место?

Кьени заметно напряглась: вытянулась, словно струнка, и с ненавистью метнула взгляд в мою сторону.

Велар, как и ожидалось, был простоват и наивен, и со смешком обратился к мерзавке гамони:

– Къени, а сколько заплатили твои родители?

– Что?– кто-то прыснул от смеха.

– Ты поступила на микробиологию платно?– оскорбился Ходоро.

Къени нервно сглотнула, заметив удивленный взгляд парня: с самого первого дня она была без ума от Ходоро, и теперь он был так разочарован в ней.

– Къени, серьезно?..– забросали ее удивленными вопросами однокурсники.

Мне оставалось лишь скромно опустить глаза и наслаждаться тем, как та беспомощно пыхтит и оправдывается перед всеми. Парни и девчонки беззлобно усмехались, но я видела, как Къени краснеет от злости. И только перед самым ее побегом из чайной, я сочувственно проговорила:

– Ребят, ну хватит, в конце концов не нам решать, кому здесь место, а кому нет. Способности имеют свойство раскрываться неожиданно.

Эту унижительную ситуацию мерзавка запомнит надолго. Отвадит ли это ее от провокационных выбросов в мою сторону, неизвестно, но на сегодня я была удовлетворена поражением Къени.

«И чего ей не хватает в жизни? Любящая семья, сестра и брат, возможности... а яда, как у ползучих тварей! Но чего бы тебе ни доставало, я позабочусь, чтобы ты это не получила!»– пообещала я.

Я больше не была добренькой и всепрощающей... То, что Къени регулярно не сдавала тесты или опаздывала на важные лабораторные, или неожиданно теряла все свои записи с лекций, – всему виной незащищенные каналы ее коммуникатора и визора, через которые рыжий призрак и устраивал маленькие диверсии...

Все, что я могла делать в открытую, это будто невзначай занимать место рядом с Ходоро и непринужденно, задумчиво перебирать свои волосы, слушая преподавателя. Если чего-то не могла понять своим умом не медицинской направленности, то всякий раз обращалась к нему, как к авторитетному источнику знаний. Ходоро и сам, к огромной досаде Къени, стал садиться со мной на лекциях, заговаривать на научные темы, помогать с лабораторными. Я видела в его глазах и другое желание, которое ему никак не удавалось облечь в слова или поступки, и всячески подогревала этот интерес благодарностью, безумным любопытством к его теориям, не забывая о скрытом кокетстве и мимолетных смущенных взглядах. Он даже стал провожать меня домой после занятий, а иногда и по городу, когда я разносила заказы отца.

Къени съедала бессильная зависть. А когда его же по счастливой случайности назначили мне в партнеры по лабораторным, мерзавка едва не расплакалась прямо на занятии.

На самом деле девчонку недолюбливали все, даже преподаватели, поэтому легко удавалось свести на нет все ее попытки выбиться в успевающие.

У меня же с преподавателями складывались довольно неплохие отношения. Они уважали серьезность в поведении, искреннюю увлеченность их предметами и абсолютную отдачу, которые я успешно и демонстрировала.

* * *

Пол Адриано как-то застал меня на той же террасе под стеклянной крышей, которую я все чаще посещала. Это место стало для меня уютным коконом, чтобы расслабиться и поразмышлять. Тихо и отстраненно.

Я не ожидала увидеть его здесь вновь. Поднялась с пола и скромно кивнула ему. Он не смотрел на меня, но внимательно и задумчиво вглядывался в даль парка. Я посчитала нужным уйти, но преподаватель неожиданно мягко заговорил со мной, и я захотела остаться.

– Твои успехи впечатляют, Саша. Ты старательная и...– он мельком окинул мое лицо и снова отвернулся.– Упрямая... Что заставило тебя иначе посмотреть на микробиологию? Не

важно, какие высокие результаты ты демонстрировала на протяжении первых фазисов обучения, но глаза у тебя не горели интересом... Уж это я различаю. А теперь тебя не узнать.

– Почувствовала, что могу совершить чудо,– улыбнулась лукаво, но он не отреагировал на юмор, и тогда призналась:– Захотела всерьез добиться успеха и заслужить КНИС как минимум.

Это была правда, и почему-то от него мне не хотелось ее скрывать.

– Туда попадают лучшие,– с вызовом прищурился он.

– Сомневаетесь во мне?– с тем же вызовом вздернула подбородок.

Но через несколько секунд изучающего взгляда Адриано повел одной бровью и усмехнулся:

– Докажи на что способна, и я отвечу на вопрос.

Я никогда не притворялась с Полом Адриано, не демонстрировала ложной заинтересованности в его предмете. Я видела в нем чувство собственного достоинства и отсутствие всякой низости и подлости, поэтому и уважала с первого дня. Его предмет давался мне легче остальных, на удивление, понимала все, что он говорил, и с азартом решала любые задачи, не всё сразу получалось, но Ходоро подсказывал. Все контрольные темы защищала с оправданной гордостью за свои старания. И сейчас впервые я ощутила непреодолимое желание стать ученицей именно Адриано. Но это право тоже надо заслужить: преподаватель может отказать студенту в наставничестве.

– У меня еще есть время,– улыбнулась и кивнула в небо.– А вы почему не там?

– Я работал на КНИС, и периодически посещаю свои лаборатории. Но хочу передавать полученные знания, поэтому преподаю в нескольких колледжах,– прямо ответил он.

– Где еще?– с уважительным интересом оглянулась на него.

– На Микере и в военной академии на Зоруне.

«Ух ты!»

Военная академия для человеческих женщин – недостижимая мечта. Но если кто-то туда и попадал, то получал выгодные преимущества. Военный кодекс имеет свои особенности, и первая, привлекательная из них, – равенство с мужчинами, а значит, можно смотреть им в глаза, заговаривать без представления и быть более свободной в проявлении себя и выборе условий жизни. К тому же можно говорить на древнем хомони без опаски. Я знала несколько языков, редко удавалось их тренировать, но на древнем я размышляла и видела сны, методично продолжая его присваивать. Он помогал мне изучать систему хомони изнутри.

– Вам было легко?– спросила я.

– Когда ты без труда понимаешь, что делаешь, удается всё,– многозначительно ответил Адриано.

«На микробиологию у меня уходит масса усилий,– с досадой отвела взгляд.– Но я знаю, для чего это делаю!»

– А тебе легко?– неожиданно спросил он.

Я повернула голову к мужчине и поймала его открытый теплый взгляд. Внутри задрожало от смешанных чувств, и я чуть не шагнула ему навстречу, сама не зная для чего. Но мы и так стояли близко – мой поступок мог вызвать ненужные последствия. Я едва удержала себя от этой ошибки, будто кого-то чужого пришлось скрутить за руки и отбросить назад. С внутренним смятением опустила глаза и тихо проговорила:

– Мне ничего не дается легко, но я знаю, что делаю...

– Красота, ум и воля – мощное сочетание,– заметил он.– Ты многого можешь достичь. Не дай своим обидчикам сломать тебя.

Я оторопела от этих слов и уставилась на него широко раскрытыми глазами. Мы не были близки, но откуда он чувствовал, как мне нужна такая поддержка?

Адриано молчал, продолжая рассматривать меня. Я чувствовала, как напряжение спускается от шеи по позвоночнику к ногам, но не шевелилась, утопая в его светло-карих глазах.

– Будут трудности, обращайся, – наконец произнес он, отвернувшись и спокойной походкой вышел с террасы.

«А что нужно тебе, Пол, чтобы стать моим проводником?» – неожиданно осознала я, что этот мужчина очень важен для меня.

Но для начала нужно заполучить его в наставники. А он редко брал себе учеников, и в следующем году выделил в своей лаборатории только одно место. Я не могла не заметить, что Адриано интересуется идеями Ходоро. И теперь этот факт мог помешать моим планам.

До выбора наставника было еще полгода, поэтому я отбросила все волнующие мысли о странном поведении Пола Адриано и моей реакции на него и сосредоточилась на учебе.

К моему облегчению, отец и брат все меньше досаждали. Я была занята учебой, меньше попадалась на глаза, а обязанности по дому выполняла машинально под зубрежку химических формул, поэтому не вызвала особых недовольств.

Игнату хоть и не дали желаемого повышения, но перевели в службу перевозок грузов. Теперь он имел право в выходные воспользоваться бесплатным местом перелета для всей семьи на любую из планет альянса, кроме Ганы. Конечно, меня это не коснулось. Зато с отцом они часто бывали на Кетаре – планете развлечений, и потом вечерами на русском обсуждали свои увеселительные прогулки. В основном это были попойки с подобными себе и игорные забавы.

Я слышала их, и только одна мысль крутилась в голове: «Еще два с половиной года, и я заслужу самое высокое назначение, чтобы потом перестать быть игрушкой этих узколобых тиранов!»

А мир кишел возможностями. И они мелькали на горизонте яркими огнями...

Глава 12

К концу первого курса что-то, видимо, сбилось во вселенской программе, и у меня появился еще один «доброжелатель», от чего моя тьма яростно заплескалась в крови и потребовала заполнить пустоту...

– Эй, рыжая... – неожиданно окликнули, когда я выходила из ворот колледжа.

Волосы на затылке встали дыбом: меня давно так перестали называть, но этот оклик прошелся ледяным ознобом по спине. Я сжала свободную руку в кулак и неспешно оглянулась.

Передо мной стояла Джада Бер Хезсо.

– Не знаю, что ты о себе возомнила, но перестань доставать мою сестру!

– И вам добрый день, нори Хезсо, – как и положено, обратилась я к среднему сословию.

– Не строй из себя благовоспитанную! – возмутилась та. – Я знаю, что ты весь год издеваешься над Кьени.

– Даже не представляю, о чем вы говорите, нори... – ответила, невинно моргнув, но договорить мне не позволили.

– Если будешь продолжать оскорблять ее, я заявлю стражам о нарушении! – прошипела Джада прямо в лицо и, мазнув по мне презрительным взглядом, отстранилась.

«Оскорбление? Стражи?» – нахмурилась я. Никаких доказательств, что я оскорбляла, Кьени и быть не могло. Даже ни разу криво не усмехнулась в ее сторону. Все мои приемы были гораздо тоньше, и уличить меня в них невозможно.

– И отстань от Ходоро Хас Гейга, – напоследок проговорила Джада и отвернулась.

«Так вот в чем причина: Кьени одолела ревность, – заключила я. – Постоянное невезение в учебе, маленькие неприятности вывели ее из себя, и она натравила на меня свою сестру? Зависть заела!» – немного поразмыслив, я усмехнулась: – Если нас обеих вызовут для разбирательства по жалобе, перед сканером чипа контроля Кьени не сумеет соврать, в отличие от меня. Никто даже свидетелей не сможет найти, которые смогут подтвердить, что я хотя бы намеревалась ее оскорбить. В итоге она подставит саму себя. Раньше казалось, что Джада благоразумнее сестры. Но, очевидно, в роду Хезсо гены интеллекта и нравственности отсутствуют в принципе».

Поводов для особого волнения не было, но захотелось вдруг побыть вдалеке от всего мира... на высоте нескольких этажей.

Я хмуро глянула по сторонам и у входа в здание колледжа поймала на себе внимательный взгляд черноволосого парня. Собиралась опустить глаза, чтобы не попасться на нарушении кодекса, но узнала его. Я неоднократно видела этого гамони на перерывах между занятиями и в чайной. Парень был на третьем курсе колледжа, учился на специальности «Аналитика баз данных». Я нередко ловила на себе его взгляд, хотя он так никогда и не подошел ко мне.

«Наверное, он всегда ждал инициативы от меня, но я не собиралась ни с кем дружить... И сейчас не собираюсь», – подумала и прошла мимо него, не поднимая глаз.

Парень проводил меня взглядом внутрь здания и не сказал ни слова.

Я поднялась в свое тайное местечко под стеклянной крышей и села у перил, рассматривая парк с высоты. Хотелось тишины в голове...

«Вот почти и закончился первый год учебы. Столько всего, чего я могла и не знать, не оказавшись в медицине. Все в жизни идет по своим законам, даже если сопротивляться этому...»

– А ты молчунья, – раздалось за спиной.

Я напряженно выпрямилась: покой был нарушен. Помедлив, чуть оглянулась через плечо.

Это был тот парень. Он немного постоял у входа, огляделся и медленно направился ко мне. Я подняла голову, когда он оказался у перил в шаге от меня, и вопросительно сдвинула брови.

– Можно я посижу с тобой?– попросил он.

Я неопределенно пожала плечами, не прогоняя, но и не выражая особой радости.

– Меня зовут Паур Улитэ Лодаро,– представился он, а не дождавшись ответа, сел в той же позе, что и я, и, поставив локти на колени, подпер голову костяшками пальцев.

Я безучастно отвернулась к перилам, и так мы просидели минут десять. И, похоже, никто друг другу не мешал. Но потом я снова посмотрела на парня и поймала себя на том, что мне нравится на него смотреть. Совсем незнакомый парень, но он привлекательный: широкоплечий, уверенный в себе, с милой ямочкой на подбородке, а от неожиданно внимательного взгляда светло-карих глаз захватило дыхание.

«Светло-карие, как у Пола...»

И тьма во мне всколыхнулась. Я ощутила нестерпимое желание утолить необъяснимую жажду... чего-то запретного, ранее неизведанного...

«Кажется, я его больше не увижу... сегодня аналитики сдавали итоговый тест...»– в согласии с кем-то внутри меня пронеслись мысли.

– Расстроилась из-за этой Хезсо?– вдруг спросил Паур.

– Не думала, что мы так громко разговаривали,– решила ответить.

На его лице тут же просияла обаятельная улыбка.

– У тебя приятный голос...

Я вернула взгляд к его глазам и будто потеряла контроль над телом, потому что кто-то другой улыбнулся вместо меня завлекающей смущенной улыбкой. И вдруг я ощутила спокойствие, подчинив себя этому порыву.

– Не расстраивайся. У них и брат скандалист. Собьет коленки на тренировке и потом обвиняет соперников в нечестной игре...

– Нахал,– иронично поморщила нос.

– Та еще семейка,– засмеялся Паур, и от его бархатного смеха у меня в животе стали лопаться разноцветные пузырьки. Давно забытые ощущения из детства.

Паур неожиданно разговорился о пустяках, как старый знакомый, и я поддержала парой фраз обсуждение нескольких скандальных и истеричных однокурсников, о которых в колледже знали все, всё больше слушала и кивала, рассматривая его лицо, плечи руки... И не заметила, что уже стемнело. Внизу зажегся мягкий свет уличных ламп, небо стало поблескивать звездами.

– В этом фазисе рано темнеет,– выдохнула я, глядя на яркий шар ближайшей к нам планеты Кетара.

– Мечтаешь попасть в космос?– спросил Паур, и по звуку его голоса поняла, что сейчас он смотрит на меня.

После того разговора с Адриано, я часто думала о поцелуе с мужчиной и о том, чтобы на меня посмотрели, как на объект вожделения, а не просто как на умницу-девчонку.

«Ведь мне не показалось тогда? Пол смотрел на меня с затаенным желанием... Или я совсем не разглядела его? Мне нужно знать, что это такое...»

Под стеклянной крышей света не было. Наши лица освещали звезды и свет снизу. Поэтому я без опаски и с нескрываемым интересом повернула голову к парню.

Его глаза сверкнули, когда он моргнул. Я открыто улыбнулась и, совсем не ожидая от себя такой откровенности, перевела взгляд на его красивые губы. Вдруг так захотелось ощутить их вкус... От страха и предвкушения внутри все затрепетало.

«Поцелуюсь ли я когда-нибудь с мужчиной, который мне нравится? Или первым будет тот незнакомец, что выиграет меня на торгах? А захочу ли я, чтобы он целовал меня?»— внутри сжалось от брезгливости.

Непроизвольно я прикусила нижнюю губу, а потом облизала ее. Показалось, что Паур сбился с дыхания. Уголки его глаз сузились, губы чуть дрогнули и приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но передумал. Не скрывая своего желания, я посмотрела в глаза и замерла. Паур не отвел взгляда и, не моргая, смотрел на меня. Время будто остановилось...

— Здесь так темно...— откровенным тоном прошептала я.

И вдруг Паур наклонился и невесомо коснулся моих губ своими. Наше дыхание перемешалось. А его запах стал таким терпким, что даже вызвал жжение в легких.

Такое со мной впервые. Что-то нетерпеливое вспыхнуло внутри и разлилось по венам огнем. Я несмело отстранилась, но Паур нет. Просто глубоко и взволнованно дышал и продолжал жадно смотреть на мои губы. И я потеряла всякий стыд, повернулась к нему полностью и выдохнула:

— Ты вкусно пахнешь...

Паур вздрогнул и положил ладонь на мое колено. От его горячей руки и решительно сдвливающих кожу пальцев у меня защемило щеки, и огненные мурашки пронеслись по телу. Я не удержала равновесия и наклонилась к нему. Одновременно и он коснулся моей щеки другой рукой и прижался упругими губами к моим...

Это странное тягучее ощущение тепла внутри, горячими волнами расходящееся по телу и сворачивающееся тугим комком внизу живота, было таким сладким и опьяняющим, что хотелось усилить его и продлить...

Сама не ведая, что творю, я подняла руки и притянула Паура ближе за воротник рубашки. Он тут же крепко ухватил меня за волосы на затылке и не дал отстраниться от его безумно сладко терзающих губ. Тяжело дыша, я раскрыла рот, и его горячий влажный язык проник внутрь, сначала робко, а потом все смелее лаская мой. Я зарылась руками в его густые волосы на висках и прижалась к нему всем телом. Из груди вырвался глухой стон, когда он обнял меня за талию и посадил к себе на бедра. Юбка высоко задралась, и внутренней стороной бедра я ощутила, как горячо у него в паху и словно пульсирует...

Я нетерпеливо потерялась об эту горячую упругость, будто знала, что именно в этой точке скрывается невероятное блаженство, а Паур вдруг со стоном отстранился и взволнованно отвел мои руки от себя. Я растеряннo заморгала, облизывая припухшие от поцелуя губы, и сползла с его бедер. Паур в замешательстве тряхнул головой и опустил глаза.

— Извини, я не должен был...

— Я этого сама хотела...— призналась, ощущая недовольную пустоту в груди.

Он снова внимательно посмотрел на меня и, не сдержавшись, быстро привлек к себе. Сейчас поцелуй стал требовательным и откровенным. Я едва дышала от сильного возбуждения и невероятных ощущений в теле. Лицо горело, руки и ноги не слушались, будто жили своей жизнью. А внутри разгоралось пламя, от которого не было спасения. Я чувствовала, как это сейчас мне необходимо, как это заполняет меня и делает такой живой...

И вдруг раздался звук его коммуникатора, и Паур словно отрезвел. Он спешно отодвинулся и вскочил на ноги.

— Прости... прости меня, пожалуйста... Ведь я даже не знаю твоего имени... Так не должно быть...

Дыхание заблудилось в легких, парализовав связки.

«Действительно, я ведь не назвалась. Но он не заявит о нарушении...»— то ли убеждала себя, то ли чувствовала.

Я еще не успела прийти в себя, когда он широкими шагами покинул террасу.

Отдышавшись и умыв лицо ладонями, я размяла затекшие от напряжения плечи и выдохнула:

– Что на меня нашло?

После острых впечатлений я не спала всю ночь. Всякие мысли посещали: и о тьме, что периодически накрывала меня, и о кодексе, который нарушила, да и этот парень тоже, и о том, что ждет меня впереди, вернее, кто... Но, вспоминая каждую секунду произошедшего, ощущения в теле, я не думала о Пауре, я представляла другого мужчину и как это могло быть с ним...

«Если такие ощущения вызывает только поцелуй, что происходит, когда ты полностью принадлежишь мужчине?» – с любопытством думала я. И к утру точно знала, что, кроме свободы от семьи, хочу получить мужчину, который станет дарить мне такие ощущения. И это должен быть кто-то особенный, кто будет смотреть на меня, как на совершенство...

* * *

На следующий день я случайно столкнулась с Пауром в холле у чайной. Я и не думала его искать, но, похоже, он сам нашел меня.

– Привет... Ты не хочешь узнать мое имя? – прямо посмотрев на него, спросила я.

Его глаза так забежали, что я уже знала, чем закончится разговор.

– Извини, но я не должен был тогда... Это нарушение... Не хочу, чтобы это как-то повлияло на нас обоих... – пробормотал что-то нелепое он и, смущенно тряхнул головой. – Ты же никому не расскажешь?

«Трус!» – молча усмехнулась я, отступила и подарила ему на прощание самую разочарованную улыбку.

Больше мы не встречались. Он подарил мне новый опыт, только и всего. Да и Паур после выпуска, кажется, улетел в другой город на стажировку.

Глава 13

После первого курса нам дали фазис на отдых. На втором курсе предстояло окунуться в индивидуальную работу с выбранным наставником, поэтому в это свободное время нужно было определиться со спецификой своей научной темы. Понятия не имела, что может заинтересовать настолько, чтобы я захотела углубиться в эту тему и посвятить ей оставшиеся два курса. Я, конечно, знала химию наизусть и прочие ее производные в области медицинской микробиологии, но это не вызывало такого вдохновения, как программирование.

В очередном походе по заказчикам мастерской отца пришла мысль обратиться к Ходоро за идеей. Контрольные тесты на лабораторных мы сдали удачно, хотя я немного и хитрила за его счет, выставя себя на первые позиции. Но Ходоро был только рад помочь, и даже предлагал подтянуть по сложным темам, пока отдыхали. Я была не против: слабые места соперника следовало хорошенько изучить, перед тем как дать ему отставку. К тому же время было.

Решив уладить все домашние дела на сегодня, чтобы потом плотно заняться выбором научной темы с Ходоро, я отправилась за продуктами в лавку Чин Ли.

Немного поболтав с дружелюбным китайцем, я подкинула пакет с рыбным филе, чтобы охватить его удобнее, и вышла из лавки.

– Саша, ты забыла соус к филе, – окликнул Чин Ли.

Я оглянулась и благодарно улыбнулась.

– Спасибо, но у меня не осталось кредитов...

– За большую покупку тебе в подарок, – подмигнул парень и вдруг как-то скис.

Я перехватила направление его взгляда и неожиданно увидела, как из чайной на углу улицы выходит Игнат, а с ним очень знакомая девушка – Джада Бер Хезсо.

«Что они делают вместе?! – настороженно прищурилась я. – Неужели она нашла способ отомстить мне через брата?»

От грозящих неприятностей зазвенело в груди. Громко вздохнув, я оглянулась на Чин Ли. Тот перевел на меня потухшие глаза и, вяло кивнув на прощание, ушел внутрь лавки. Он все еще влюблен в нее.

Я снова повернулась в сторону Игната и Джады. Они остановились под деревом. Он не отводил от нее глаз и, склонив голову набок, что-то говорил. А она вежливо улыбалась и кивала.

На сговор это не похоже. Показывать публично свои симпатии осуждалось кодексом, поэтому распознать, какого рода отношения связывали двоих, не всегда удавалось. Я прижалась плечом к стене лавки и замерла, сосредоточенно наблюдая за ними. Несмотря на то, что они соблюдали положенную дистанцию, я заметила явный интерес Игната к Джаде: едва уловимый наклон головы, движения плеч, рук, ужимки... Я знаю брата.

Немного постояв под деревом, они прогулочным шагом пошли в сторону парка. Я подобралась и тенью проследила за парой. Но ничего провокационного не увидела. Они просто общались.

Сомневаюсь, что со стороны Джады к Игнату может быть что-то серьезное. Девушки из среднего сословия не вешаются на человеческих парней, если те не симпатичнее столба. А мой брат вовсе не красавец, весь в отца: с бесцветными узкими глазами, русский не русский, с жидкими волосами и уже проявляющимися залысинами на лбу. Слишком острые скулы и подбородок. Был бы рыжим – без слез не взглянуть. Хоть зубы ровные. Но высокий и крепкий, что всегда было для меня угнетающим обстоятельством.

Все бы ничего, но их знакомство могло обернуться против меня. Из-за Кьени Джада могла натравить на меня Игната, сказать, что я веду себя непристойно, связавшись с одним из однокурсников, или он мог узнать о моих успехах в колледже, ведь теперь никто не присы-

лал отчеты об учебе детей родителям. Никто не будет разбираться в справедливости обвинений... Но предпринимать что-либо без ясного понимания ситуации не стала – приняла решение выдержать паузу, даже если последуют удары противника, иначе спешка погубит надежду на победу, и в итоге будет проиграно сразу два боя.

Я стала просто наблюдать и собирать информацию. Но от плана позаниматься микробиологией с Ходоро я на всякий случай отказалась, сославшись, что буду занята семейными делами. Только поэтому решила напрямую обратиться за консультацией к Полу Адриано, которого видела своим будущим наставником.

Адриано не только не оправдал моих надежд, но и разозлил. Он отказался консультировать и даже не дал намека на тему. Серьезный голос в коммуникатор произнес только одно:

– Саша, если ты до сих пор не знаешь, какую выбрать тему для научного исследования, то, вероятно, у меня сложилось ошибочное мнение на твой счет.

«Он сам предлагал помощь тогда, на террасе! Смотрел так тепло... Он что – играл со мной?! Красота... ум... воля – что это был за бред?!»

Я не ожидала такого равнодушия и разочарования во мне. Это задело гордость и подстегнуло к кардинальным решениям. Я дала себе четкую установку, что за день до выбора наставника буду знать не только тему, но и подготовлю тезисы к ее разработке. А Пол Адриано еще пожалеет, что первый не предложил себя в наставники!

* * *

Новый курс начался с новых предметов, сложнее, чем предыдущие. К некоторым я испытывала жуткое сопротивление, и ничего не усваивалось. Пришлось пересмотреть свой режим: теперь программированием я занималась по ночам, а все свободное время посвящала микробиологии.

Было трудно, но я выдерживала нагрузку, несмотря на то, что и работа с Джоном становилась все сложнее. После того как Сара родила дочь и отошла от серьезных заказов, от Тадеско Дворжака все чаще поступали задачи, которым приходилось уделять много времени и ресурсов. Многое менялось в системе безопасности хомони, иногда я не успевала за их обновлениями. Приходилось разбираться всю ночь, а на утро идти на лабораторное занятие и на препарировании трупов не перепутать правую почку с левой. И если ночь пролетала быстро, то одно лабораторное занятие длилось вечность. В такие дни я понимала, что все-таки ненавижу свою специальность. Но приходил новый день, я наступала себе на горло и снова пробивалась вперед.

Понимая, что с каждым фазисом учебы одних стараний мало, мне потребовались более эффективные способы достижения высоких результатов. Незабытые обида и злость на Пола Адриано напомнили его слова о красоте, уме и воле. И сейчас я восприняла их инструкцией к действию.

Философия, история, психология и законы альянса хомони, а кроме всего этого и сама жизнь, давали ясное понимание того, что власть была у сильнейших. Но если смотреть в корень, то не одно положение играло важную роль.

Да, власть была у хомони, у мужчин... Но и женщины могли добиваться серьезных успехов. Умный мужчина – это сильный мужчина, а вот сила женщины не только в уме, его, как правило, не видно за оболочкой, красота была мощью, которая двигала горы. А красота, помноженная на ум и волю, – и вовсе могла сдвинуть целые миры.

Я не была красавицей хомони, вездесущие веснушки и горбатый нос все же хотелось исключить из уравнения, но Сара, ее муж Басил и Джон часто говорили, что моя внешность, и особенно волосы, многих высокопоставленных мужчин заставят побороться за меня на торгах, если я научусь правильно преподносить себя и выгодно предстану на балу невест.

С женой Джона – Лиирой – мы нашли общую тему для дружеского общения: она женский мастер и умеет любую превратить в красотку. Лиира дала несколько советов несложного ухода

за волосами, отчего я почти слышала скрежет зубов у завистницы Къени, когда та видела мою новую прическу, особенно когда Велар и Ходоро делали комплименты, как, впрочем, и другие однокурсники.

Я и раньше замечала, какое могу оказывать влияние на окружающих, но это были способности по части хитрости. Теперь же я начала активно использовать не только мозги, но и внешность с той степенью непринужденности, что никто не мог прямо заявить о каком-либо нарушении кодекса.

Моя улыбка и взгляд «прилежной скромницы», вовремя сказанная умная фраза открывали двери в новые возможности. Я предпочитала решать все вопросы только с мужским полом, они легко поддавались на внешность и ум, но на ум и волю с удовольствием откликались и женщины преподаватели.

Девчонки с курса завидовали и тайно ненавидели меня, но держались ближе, словно под аурой моего успеха могло и им что-то перепасть.

Однако я училась... училась, как проклятая, используя весь свой потенциал и возможности других, широко шагая вперед, не оглядываясь, не замечая помех, продираясь сквозь косые взгляды и смешки семьи и верных себе «доброжелателей». Я верила в свою цель, а все остальное, как шелуха, осыпалось, не успев приклеиться.

* * *

В первый фазис обучения я получила семь предложений о наставничестве от преподавателей. Всем хотелось иметь такую увлеченную и успешную ученицу, но деликатно держала паузу до самого дня обозначения темы исследования и назначения наставника.

Я просчитала всех, но только у Пола Адриано все студенты без исключения получали назначение на КНИС. Его рекомендации были самыми надежными для достижения моей цели. Несмотря на то, что он человек, его положение в научных кругах было высоко.

Конечно, мои шансы заполучить Пола Адриано в наставники упали, после того как я заявила о своей несостоятельности в выборе темы. А Адриано вел себя так, будто и не было того разговора на крыше, будто и не собирался меня поддерживать.

Меня мог заменить только Ходоро. А когда узнала о знакомстве Игната и Джады Бер Хезсо, я осторожничала с ним общаться и уже не могла повлиять на его статус успешного студента.

Но поскольку с Веларом у меня сложились довольно забавные отношения (он ходил за мной следом, как подружка, и был самым полезным источником информации), то намекнула ему, что готова подтянуть его уровень, если уговорить Ходоро подтянуть другого неуспевающего. Велар загорелся этой мыслью и сделал все, как и было задумано. И конечно же в партнеры Ходоро назначили Къени. Ход был удачным: она успокоилась, и самолюбие Ходоро не было задето. Ведь он мог мне еще пригодиться...

И вот наступил день, когда все учащиеся должны были подать свои научные темы на согласование совету наставников. Я металась между двумя направлениями и все еще размышляла, что принесет больший успех. Ведь в конечном итоге мне все равно, чем заниматься, главное – вывести себя на первую линию и заслужить назначение на КНИС, а там и до МИС недалеко.

Я устала после бессонной ночи, потому что вечером Игнат заставил отмывать бассейн перед прилетом дяди Ивана, а мне нужно было как-то успеть исправить истории двух детей. Неизвестно, что могло грозить семье человеческого мальчишки, как и ему самому, – наказание или смерть, из-за того что он столкнул малыша хемани с моста в порту Тазира, и тот повредил плечо. Кто прав или виноват, некогда было разбираться, но Тадеско умолял помочь, так как родители мальчика были его друзьями.

Джон и Сара сделали все зависящее от них, чтобы я получила доступ к обоим чипам контроля и скорректировала их истории: человеческого мальчишку семья привезла в гости к Лефарам, а хемани – обследовали в медцентре Тазира.

Мне нужно было проанализировать и учесть множество пересечений временных точек и событий. Это требовало тишины, сосредоточенности и высокой точности при уклонении от защитных алгоритмов системы безопасности альянса. Я выжала из себя всё, на что была способна. И, кажется, сработала эффективно, судя по кодовому сообщению Джона в чат: «Малышка, тебя ждет отмененный ужин». Но учеба за день окончательно выбила из колеи, и я хотела немного побыть наедине со своими мыслями, чтобы принять решение перед посещением совета наставников.

И снова неожиданно встретила Пола Адриано под стеклянной крышей колледжа. Мне совсем не хотелось говорить. Он был разочарован во мне, я – в нем. Конечно, я не имела права ожидать от него чего-то другого: кто я ему? Он выше по статусу, но мог бы и проявить человеческую солидарность, а не быть похожим на хомони... Но обида сжигала разумные доводы. Тьма требовала мести, и только усталость помогла сдержать эмоции.

Я сосредоточилась на мертвой точке в глубине парка и молчала все то время, пока Адриано находился рядом.

– Ты выглядишь уставшей, Саша, – заметил он, когда я так и не обратила на него внимания.

«Не забота, а издевательство, – бесстрастно подумала я, прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Два ключевых слова крутились в мыслях, из которых нужно было выбрать: – Кожа или кровь?»

– Ты выбрала тему? – поинтересовался Адриано.

Я медленно повернула голову... Он стоял рядом в той же позе, что и я, и внимательно смотрел в глаза. И вдруг мысли стали такими спокойными и чистыми, что сомнения в теме отпали. Я почувствовала, что сейчас тот момент, когда могу получить все или ничего. И утвердительно кивнула. А потом, уперев локоть в перила, подперла ладонью подбородок.

– И по какому из твоих жестов мне догадаться о ее названии? – серьезным голосом спросил Адриано, но в глазах искрилась усмешка.

Я недовольно прищурилась. Взыгравшее самолюбие пронеслось по коже ледяными иголками. Надоело доказывать, что я не «странная рыжая», и повела себя совершенно провокационно... Только дошло до меня это не сразу, а когда уже не было возможности исправить досадный поступок...

Я смело сделала шаг навстречу наставнику, сократив расстояние на непозволительное между нашими статусами, и, заведя руки за спину, высоко подняла голову, так, что теперь Адриано мог видеть мое лицо полностью.

Он не сдвинулся с места, лишь сузив уголки глаз, пристально смотрел на меня сверху вниз. Я была ему до подбородка. Широко раскрыв глаза, я чуть выгнула брови в немом вопросе: «А теперь?..»

На лице наставника дрогнули желваки. Он медленно обвел мое лицо невозмутимым взглядом, может быть, чуть дольше задержавшись на горбинке носа, и напряженно сжал губы перед тем, как окунуть меня в смущение и досаду всего лишь несколькими словами:

– Красивые глаза не помогут...

Я тут же сердито выдохнула и отступила на шаг, но, быстро взяв себя в руки, строго научно проговорила:

– Ни один орган на моем лице тут ни при чем... Нанотехнологии в лечении пигментации кожных покровов – тема моего исследования. Тезисы к разработке уже готовы.

Адриано несколько не изменился в лице, лишь чуть склонил голову набок и, не отводя глаз от меня, спросил:

– Трудно живется с веснушками?

«Он еще и смеется!»

– Тема, на первый взгляд, несерьезная, но как такового лечения нет. Веснушки – только один из видов проблемы. Как насчет пигментации после нанесения фамильной печати? Многие женщины жалуются, – со спокойной рассудительностью ответила я.

Адриано чуть приподнял подбородок. Так он делал, когда серьезно задумывался.

– Кого выбрала в наставники? – невозмутимо продолжил он. Но в едва уловимом движении взгляда почувствовала скрытое опасение, что предпочту не его.

Пропасть внутри захлопнулась. Я медленно прищурилась и отразила его же наклон головы.

«Теперь тебе от меня не отделаться! Если ты меня не выберешь...»

– Что ж, я направлю тебя в нужно русло, – заключил он, кажется, только что приняв это решение.

– Ну вот. Теперь вам все понятно без слов, – заметила я, отвернувшись и, не сдерживая счастливой улыбки, поспешила к выходу с террасы.

– Учти, я не читаю мысли, – вдогонку проговорил Адриано, но по голосу поняла, что он смеется.

– А только что?.. – весело пожала плечами, выходя за порог.

Может, такое поведение и было спонтанным, но кто-то очень хитрый и взрослый внутри диктовал, что делать, чтобы все складывалось как нужно. Я строила свое будущее с упоением, расчетливо и аккуратно.

Теперь я знала, кто мой наставник и как заслужить отличные рекомендации на КНИС. Я не могла просчитаться, поэтому направила усилия не только на научную работу, но и лично на него.

На занятиях Адриано я продолжала быть лучшей, хотя больше не дискутировала вслух, как раньше. Могла лишь смотреть на него в упор, кивать или еще как-то выражать свое мнение, но никаких нарушений не было, ведь я сдавала все тесты на отлично и вовремя. Мы практически не общались лично по научной теме. Я присылала ему тезисы, он исправлял. Я дорабатывала, он принимал. Однако так или иначе я подбрасывала ему невольные поводы не забывать обо мне.

Разговор на террасе дал важные зацепки, чтобы оплести его душу незаметно и нежно... как ветви тиды... и расцвести там... Ведь мне нужен сильный союзник. И Адриано был уже на пути к этому.

Сложно не было, даже приятно. В отличие от других с Адриано мне не приходилось играть. Он всегда вызывал симпатию не только человеческими качествами, но и потому, что очень привлекательный мужчина: высокий, широкоплечий, в хорошей физической форме. Темно-русые волосы, которые густыми волнами лежали на макушке, вызвали желание запустить в них пальцы... оттянуть голову назад и коснуться его чуть полных губ своими... Я уже знала, как это может быть приятно... Светло-карие глаза глубокие и задумчивые... Но когда Адриано смотрел на меня, я точно знала, что в этот момент он не думает о нанотехнологиях и каком-либо другом предмете. Ему не нравилось мое молчание, но я невозмутимо отводила взгляд, чувствуя, как он отреагирует на это, даже если и не проявит внешне.

Да, наверное, я ему немножечко мстила...

Глава 14

Немного оттаяла я только в день своего восемнадцатилетия. Это был выходной. Отец и Игнат улетели на Кетару. Курьер традиционно доставил коробку от незнакомца. И я, в платье невероятной красоты, собиралась отметить день рождения с семьей Саманти. К ним приехали Сара с семьей и Тадеско Дворжак.

Распустив волосы по плечам и надев новые туфли, на которые расщедрился отец после замечания дяди Ивана, что дочь не должна выглядеть как оборванка, я со счастливой улыбкой распахнула дверь дома и... буквально упала в объятия наставника.

– О-ох!– удивленно округлила глаза я и отпрянула от него на вытянутых руках.– Что вы здесь делаете?

Пол Адриано вернул мне равновесие и отошел на шаг. А потом медленным взглядом обвел меня сверху вниз и обратно.

Все это время я смотрела на него и чувствовала, как губы расползаются в глупой улыбке, а где-то в животе плавится от этого восхищенного... изумленного... растерянного взгляда.

– Наставник?– осторожно окликнула его.

– Я был... рядом...– тут же посерьезнел Адриано.– Твой коммуникатор не отвечал... Испытания твоих препаратов показали положительную динамику на опытных образцах. Вчера вечером пришли результаты... Думаю, тебе будет приятно узнать, что завтра мы приступаем к стадии активных экспериментов. Теперь часть учебного дня ты будешь работать в лаборатории в другом корпусе колледжа.

– У меня сегодня день рождения!– ответила совершенно невпопад, продолжая улыбаться, и почему-то предложила:– Хотите отпраздновать в приятной компании?

Наставник растерялся, словно мальчишка.

– Это вроде бы не запрещено кодексом,– с сомнением свела брови, надеясь, что он согласится.

– С днем рождения, Саша!– искренне выдохнул он и отвел взгляд.– Я не знал... Иначе прихватил бы подарок...

– Ваше сообщение – самый лучший подарок!– довольно воскликнула я, закрыла дверь и спустилась на дорожку.– Вы со мной?

Адриано еще немного помедлил, но потом охотно кивнул.

* * *

С одобрения Адриано добровольцев для испытания двух экспериментальных препаратов для лечения кожи я не искала: одним выступила сама, другой была администратор лаборатории, у которой после нанесения фамильной печати кожа плеча и части спины покрылась крапинками в цвет красящего пигмента.

За три фазиса удалось стабилизировать препарат для устранения приобретенной пигментации. К концу пятого фазиса при помощи и личном наблюдении наставника пигментация моей кожи стала едва различима. Адриано немало удивлялся моей высокой регенерации, ведь препарат с нанитами оказывал сильное химическое воздействие. А к третьему курсу я окончательно попрощалась с веснушками.

Отношения с наставником радовали: мы хорошо сработались. Хотя я и заметила его излишнюю напряженность, когда мы оставались наедине. Трудно не понять молодого мужчину, которому часто приходилось видеть меня полуобнаженной: он лично проверял реакцию моей кожи на воздействие нанитов. Я и сама чувствовала необъяснимое притяжение к этому мужчине, но не давала повода перейти грань ни себе, ни ему. Он – наставник, я – старательная студентка. Моя цель оправдывала подавление неразумных и опасных желаний.

Я так и не завела друзей на курсе и по-прежнему не любила откровенничать ни с кем. Но всегда была учтива, благодарна и подчеркнуто одержима учебой. На меня обращали внимание все больше и не только, как на успешную студентку, но и как на привлекательную девушку. Результатами моих исследований заинтересовался научный совет хомони. Это укрепило веру в себя и свои методы достижения целей. Моя воля крепла, ум оттачивался, внешность расцветала...

* * *

День, когда я узнала о том, что вошла в состав научной студенческой группы Адриано для представления результатов исследований в области кожных покровов научному совету, стал самым головокружительным и в то же время оскорбительно-разочаровывающим.

Еще вчера наставник попросил зайти в лабораторию перед занятиями. Я ждала курьера, который все восемнадцать лет приходил в одно и то же время, но сегодня опаздывал. Дома никого, а я не могла пропустить свой подарок. И вот, наконец, увидела нос знакомого аэромобиля и сама выбежала на дорожку у дома.

– Простите, вы Саша Малых?– спеша навстречу, спросил курьер.

– Да, я так тороплюсь, а вас все нет,– протягивая руки за коробкой и радостно улыбаясь, крикнула я.

– С днем рождения вас!– вручая подарок, сказал парень и протянул визор.– Отметьте получение отпечатком пальца... А куда вам нужно? Я еду в сторону колледжа...

– Спасибо, вы меня очень выручите! Я только отнесу платье,– нетерпеливо кивнула и убежала в дом.

Некогда было примерить наряд, я только коротко взглянула на сказочный микерский шелк, спрятала коробку в шкаф и выбежала.

В лабораторию успела раньше рабочего дня, но до колледжа еще нужно было добираться минут пятнадцать пешком. Я подбежала к кабинету наставника и, отдышавшись, со спокойным видом вошла внутрь. Он сидел спиной к двери и над чем-то работал в визоре. Я тихо подошла и встала сбоку в нескольких шагах.

Мне так нравился его профиль, неспешные и целенаправленные движения рук, вздрагивание губ, когда он что-то проговаривал себе под нос... Я любила находиться с ним рядом, хотя и продолжала молчать.

«Что если я приглашу его и на этот день рождения? Интересно, вспомнит ли он? В прошлый раз он был таким тихим, немного растерянным, но внимательным...»

– Доброе утро, Саша,– неожиданно оглянулся Адриано. У меня даже сердце подпрыгнуло от его светлой улыбки. Внутри радостно заворочалась пустота, желая получить что-то мощное и сладкое на завтрак.

Я крепче сжала лямку рюкзака на плече и приветственно кивнула, а потом с серьезным выражением лица проследила, как он взял визор и поднялся навстречу.

– Сегодня кому-то полагается подарок?– мягко произнес он и замер в одном шаге напротив.

Я вскинула взгляд, мельком посмотрела на его пальцы, сжимающие края визора, и снова ему в глаза. Внутри вспыхнуло дикое желание получить не какой-то подарок, а его самого. Эта мысль так понравилась, что в животе задрожало от нетерпения.

«А почему нет?– пронесся в голове чей-то голос, и мне нетрудно было ему подчиниться.– Я так хочу тебя поцеловать... Только один раз... Или, может, чуточку больше...»

– Я включил тебя в научную группу для представления первичных результатов по проблемам кожных покровов. Скоро мы полетим на Зорун. Там же я намерен подать список стажеров на КНИС,– выдержав паузу, сказал наставник.

Я ощутила, как кровь побежала быстрее, как по коже пронесся вихрь мурашек, от которых захотелось почесаться. Я широко раскрыла глаза, не веря своей удаче. Она так много раз подводила меня...

– Я в этом списке?– прошептала и судорожно сглотнула.

Адриано опустил взгляд на мои губы и тоже судорожно сглотнул. Я приоткрыла рот, чтобы продолжить, но забыла слова, рассматривая его губы.

Он медленно кивнул и едва качнулся в мою сторону.

– С днем рождения, Саша...

Внутренности вспыхнули огнем от осознания, как я близка к цели и от такой будоражащей близости мужчины. От радости и нетерпения я стремительно обняла Адриано за шею и прижалась к нему всем телом.

«О-о, как же от тебя пахнет!– зажмурилась, уткнувшись носом в ключицу мужчины.– Обними меня, пожалуйста!...»

И так сладко было прижиматься к его сильному телу, так тепло рядом с ним... Но Адриано замер с первой секунды объятий и не шелохнулся. Я поняла, что он не нарушит границы.

«Я для него девчонка. Привлекательная, но девчонка,– разочарованно нахмурилась я, но не винила наставника.– Он меня не тронет. Ладно!– уверенно решила я.– Пусть пока это станет недоразумением, неловко проявленным дружелюбием...»

– Простите,– проговорила, медленно отстраняясь и стараясь не смотреть в глаза мужчине.– Я от радости...

– Я понимаю,– нетвердым голосом ответил Адриано.

Несложно догадаться, что его взволновало мое поведение. Знаю, он хотел прикоснуться ко мне, но умело держал себя в руках. Можно было бы довести ситуацию до откровенной, но желание рисковать поутихло: кто-то внутри нашептывал, что нужно потерпеть, хоть и очень желал обратного.

Я расправила плечи, непринужденно улыбнулась и сказала:

– Спасибо, наставник Адриано! Это лучший подарок! Можно, я пойду? Опоздаю на занятия...

От меня не укрылось, как тяжело вздохнул Адриано, но постарался скрыть это, вновь подняв взор и сосредоточившись на нем.

– Проблем с вылетом не будет? Отец разрешит?– спросил он.

Я уверенно кивнула «да». Не важно, что отец может запретить, но я не собиралась допускать этого.

Адриано мельком взглянул на меня и добавил:

– Я не буду оглашать список группы до отлета...

Наверное, на лице просияла благодарность или еще что-то, я не смогла отследить, но наставник посерьезнел, отвернулся и, уходя к рабочему столу, строго произнес:

– Подведи все необходимые итоги по своим экспериментам. И... захвати самое красивое платье... После научного совета Кард Гейшел Бон Сновард приглашает всех участников на прием.

Я молча кивнула и сразу беззвучно выскользнула за дверь.

Занятия прошли, как в тумане. Я что-то фиксировала в визор, но мысли были уже на Зоруне...

* * *

Слушая очередные новостные излияния Велара, который решил угостить меня глазированными булочками после занятий, я смотрела в окно чайной и размышляла, как теперь все будет в моей жизни. Через несколько фазисов экзамены, а сразу после них бал невест, на который приглашали всех девушек, кому в ближайшие полгода должно исполниться двадцать, чтобы семьи, чьи сыновья захотели взять себе жену, могли познакомиться с кандидатками и

их родителями. В завершении учебного года – итоговый тест на получение специальности. А там двадцатилетие, комиссия и торги...

Вся эта суета с торгами и предвещающим их балом вызывала досаду. Если раньше вариант положительного брачного статуса привлекал, то теперь я не видела необходимости так ущемлять свою свободу.

Мои возможности расширились, появились перспективы, я стала сильнее: защита другой семьи от нынешней – всего лишь иллюзия. Тем более, зачем нужен неизвестный мужчина, если я могу быть с тем, кого выберу сама? Я нацелилась на свободную зону, и мне есть, что терять...

При упоминании Веларом имени моего наставника, я отодвинула далекое будущее и вспомнила о ближайшем, а слова Адриано вызвали улыбку.

«Я лечу на Зорун! И самое красивое платье у меня уже есть!»

Эта радостная мысль была последней, что промелькнула в голове перед тем, как я заметила то самое красивое платье... И оно было не в моем шкафу...

Я чуть шею не свернула, увидев, как в чайную входит Джада, а следом за ней Игнат. Велар затих, по моему примеру тоже вытянувшись в сторону входа.

На сестре Къени было то самое платье, которое я даже примерить не успела. И вряд ли это было совпадение: такие платья не продавали на Тоули.

Игнат заметил меня сразу: рыжие волосы бросались в глаза, и недобро прищурился. Я тут же отвернулась и сжала пальцы в кулаки под столом. В глазах зареяло, а по венам поплыл лед.

«Только не сейчас!» – взмолилась я, потому что боялась допустить кровопролития наяву.

Но тьма диктовала свои правила: повсюду вспыхнул огонь, крики Джады и невинных посетителей оглушали... Велар передо мной превращался в обуглившийся столб. А я словно покрывалась инеем и каменела от холода...

Из ледяного ступора вывел резкий толчок в плечо. Я подняла голову и увидела над собой лицо Игната.

– Вот как ты тратишь кредиты, которые отец дал тебе на детали для коммуникаторов? – ехидно произнес он.

– Привет, я Велар, – добродушно представился однокурсник. – Саша ничего не потратит, не волнуйтесь. Я ее угощаю. У нее же сегодня день рождения!

Я перевела мертвый взгляд на Велара и сжала кулаки еще сильнее, до боли, до хруста в костяшках.

Игнат хмыкнул что-то, а рядом показалась Джада и окинула меня самодовольным взглядом, мол, ты никто и всегда будешь уступать таким, как я.

«И платье на ней сидит отвратительно!»

– Привет, Джада, – натянуто улыбнулся Велар.

– Добрый день, нори Хезсо, – с внутренним сопротивлением проронила я.

Но гамони не ответила ни парню, ни мне. Лишь выдавила подобие вежливой улыбки. Скорее, ее перекосило.

– Джада, пойдем в другую чайную, – сказал Игнат и кивнул на выход. – Эта уже занята...

«Какой елейный тон!»

Ему Джада охотно улыбнулась и отошла. А Игнат так быстро наклонился, что от неожиданности я вцепилась спиной в спинку дивана, и прошипел на ухо:

– Скажешь хоть слово Джаде, и горб на твоём носу увеличится!

Вкрадчивый тон был, как удар под дых: от воспоминаний о хрусте в черепе дыхание перехватило. И я поняла: Джада не знала, что это мое платье.

Я даже не возразила, просто опустила глаза. Игнат довольно усмехнулся моему молчанию, в очередной раз почувствовав себя победителем. Но уверена, что он когда-нибудь рухнет со своего пьедестала, а за ним рухнет и его дворец вместе с отцом...

После ухода брата, любопытный Велар попытался выпросить, что между нами не так, но я непринужденно улыбнулась и ответила:

– Спасибо за угощение, ты меня всегда так радуешь! Но мне пора бежать за покупками для отца. Увидимся завтра на занятиях...

Бежать никуда не требовалось: я купила все необходимое для мастерской еще утром по пути из лаборатории в колледж, но мне нужно было подумать о том, что происходит.

Похоже, отношения Игната и Джады бурно развивались. В том году я пару раз видела их вместе, случайно, из окна аэробуса, когда ехала из Тазира в Кан, но никогда ничего явно указывающего на то, что они встречаются, не наблюдала. Но платье! Оно выдало причину их встреч.

Иногда слышала тихие разговоры брата с кем-то ночью, и все чаще он отсутствовал дома, что не могло не радовать, а иной раз так был занят своими мыслями, что даже не обращал на меня внимания, забывая поддеть или унизить, как обычно. Теперь такое поведение обрело конкретную причину в лице сестры Кьени.

«Выходит, и она увлечена Игнатом, раз приняла подарок от него?– размышляла я уже на подоконнике своей комнаты.– Только как отнесется отец к его чувствам к чужачке или, как он любит выражаться при дяде, «проклятому ублюдку»? Ведь он ненавидит не только хомони. Знает ли он? Могу ли я выдать брата?..»

Мысли прервало уведомление на коммуникатор о том, что нужно явиться на очередное медицинское обследование.

– Сколько можно? Я ведь здорова!– проворчала недовольно.

И вдруг в открытое окно услышала странные шорохи. Высунув голову, увидела внизу за высоким густым кустом двоих. Это были Игнат и Джада. Они шептались и прижимались друг к другу, словно терпения не хватило найти подходящее место для такого откровенного прощания. Семья Хезсо жила на параллельной улице.

Как бы ни было противно наблюдать за ними, но удивило, что между этими двумя буквально искрило. Это было в жестах, во взгляде, даже в дыхании, которые оба задерживали, когда обращались друг к другу. Их нескромные ласки руками, жадные поцелуи, пламенные взгляды – всё говорило о страстной влюбленности. А между шумными поцелуями, я услышала и кое-что еще: они говорили о торгах.

Джаде уже двадцать три. За все время ее ни разу не выбрали на торгах. Уже второй раз, когда ее мог выиграть первый, кто подаст заявку. И теперь, похоже, это будет Игнат.

«Неужели Игнат способен любить кого-то?– изумленно вздохнула я.– Я не верю в это! Он ненавидит собственную сестру, как же может любить совершенно чужую женщину – гамони?!»

Не от любопытства, а чтобы быть во всеоружии, я пробралась в комнату Игната, когда тот вернулся в дом и пошел в душ. Я вошла в его коммуникатор. Войдя в чаты, увидела переписку с Джадой Бер Хезсо. И обнаружила, что их отношения не ограничивались поцелуями в кустах: переписка была слишком откровенной.

«Как она могла влюбиться в Игната?– не могла понять я.– Он-то понятно, такой же самец, как и все мужчины, среагировал на мордашку... Но Джада?.. Неужели и впрямь настолько слепа?»

Видимо, я все же недостаточно понимала отношения мужчин и женщин, несмотря на то, что основательно изучала эту тему в закрытой базе А-сети.

«Не хватало мне еще одной мерзавки!– устало уронила голову на подушку после того, как проанализировала все варианты событий.– Жаль, что обоим уже за двадцать один: за секс не накажут».

Мысль о раскрытии отцу с кем встречается Игнат, я отбросила как бесполезную: только разозлю обоих. Но если брат заключит брачное соглашение – ведь все равно придется следовать

закону смешанных браков, – тут уж и отец не указ. Игнату предоставят свое жилье. Это может, наконец, избавить меня от одного диктатора в доме. С другим будет полегче...

Глава 15

Красивого платья я не взяла, а то, что предусмотрительно сохранила у Лиры Саманти с восемнадцатилетия, оставила на бал невест (ведь никто не собирался покупать мне нового), но на прием научного совета надела скромное прямое темно-синее платье длиной до колен и единственные туфли на маленьком каблучке. И все равно получила массу заинтересованных взглядов ото всех. Даже некоторые хомони неотрывно следили за мной. Стройных и хрупких девушек было не мало, но я с густыми рыжими волосами, шелковой гладью покрывающих спину до поясницы, и большими зелеными глазами – буквально притягивала взгляды. Едва успевала отводить взгляд, чтобы не наткнуться на любопытных мужчин.

Все это льстило, но главное, что мою работу с наставником, ту, что касалась приобретенной пигментации кожи, посчитали интересной и перспективной.

– Значит, меня утвердят стажером на КНИС?– осторожно полюбопытствовала у Адриано, когда мы выходили из зала научного совета после защиты своих работ.

– Окончательный список утвердят после результатов итогового теста.

Наставник казался уверенным, но каким-то задумчивым и отстраненным. Он весь прием смотрел на меня издалека, но так и не подошел. Я старательно делала вид, что интересуюсь исследованиями своих будущих коллег из других колледжей и не смотрела в его сторону. Однако, только заметив рядом с Адриано пышногрудую русоволосую женщину – человека, с которой он разговаривал очень дружелюбно и слишком долго задерживал взгляд на ее глазах, я перестала улавливать, что говорят коллеги и стала перемещаться по залу от одного к другому, чтобы оказаться ближе к паре. Они смеялись и шутили...

На челнок я садилась раздраженная, но молчаливая. Адриано завел с группой научную беседу на какую-то спорную тему, звучало много новых гипотез и смеха, он и от меня ждал участия, но я лишь равнодушно отводила взгляд к иллюминатору.

«Ненавижу космос... Пустой, холодный, бездонный... Как можно в нем жить и работать? Когда-нибудь у меня будет маленький уютный дом и тидовый сад... И никого лишнего вокруг».

* * *

– Ну и как слетали на Зорун? Всех очаровала?– колко прозвучало в мой адрес, когда появилась на занятиях.

Счастливо улыбнувшись вечной завистнице Кьени, я не удержалась, чтобы не подразнить ее:

– Сам хорд Кард Гейшел Бон Сновард был поражен результатами всей группы наставника Адриано...

А Велар добавил яда:

– А еще он восхищался твоими роскошным волосами, Саша,– затем повернулся к мерзавке и непринужденно заметил:– Жаль, тебя там не было. Ах да, тебя же не пригласили... Ты бы не отлипала от Ходоро, а то и экзамены не сдашь...

Кьени чуть не вспыхнула от ненависти к нам обоим.

– Велар, как ты можешь так говорить?– возмутилась я.– Кьени старается...

– Угу, все соки из меня выжимает,– беззлобно заметил проходящий мимо Ходоро и театрально горестно вздохнул:– Почему ты меня бросила, Саша? Мы идеальные партнеры на лабораторных...

– Разве не ты сам запросил смену партнера у администратора курса?– удивленно ответила я.

Ходоро скептически скосил глаза на краснеющую девчонку и выдохнул с едва сдерживаемым мучением:

– Ты хоть готовилась к лабораторной по генетике?

– Я... я... лекции потеряла,– растерялась та и сжала свой визор пальцами, будто желая его «придушить».

Несчастные глаза Ходоро были красноречивее слов. Я едва подавила ухмылку, но сухо кашлянула и села рядом с Веларом за другой стол.

«Думаешь, избавилась от веснушек и стала красавицей?»– написала мне Кьени через минуту, как началось занятие.

«Как же ты мне надоела, мошка назойливая»,– но злиться на нее уже не могла – смешно. И написала в ответ:

«Честное слово, Кьени, я не понимаю, почему мы с тобой не подруги?»– а обернувшись к ней, выдала сожаляющий вздох.

Что-то вспыхнуло в ее глазах, но я не придала этому значения.

* * *

Период экзаменов для меня оказался напряженным, но не потому, что были сложности с материалом: Джада улетела куда-то с родителями, и Игнат в свободные от смен вечера проводил дома. У меня практически не было личного времени, только когда работала курьером.

Лекции и лабораторные меня уже не беспокоили. Я лениво повторяла и без того от зубов отскакивающие формулы, спокойно сдала кодекс и основные законы хомони, историю альянса, генетику и все больше занималась изучением новых способов программирования. Но не хватало свободного пространства, где мне в затылок не дышали бы ни отец, ни брат.

Перед одним из экзаменов в холле меня поймал Пол Адриано.

– Саша, я никак не могу с тобой поговорить. Это даже странно,– посетовал он.

– Извините, но я не могу уделить вам много времени, наставник,– ответила сухо, не глядя на него. Он не любил, когда я игнорировала его взгляд. Но я помнила его флирт с русоволосой на Зоруне. И мне не хотелось быть вежливой с ним. Не сейчас.– Вы можете написать мне...

Адриано сдержанно вздохнул и завел руки за спину. Волновался.

– Ты совсем не заходишь в лабораторию. Потеряла интерес?

Я оглянулась на него и, не мигая, медленно, с расстановкой проговорила:

– Моя научная работа завершена. Начинать новую пока некогда: я работаю у отца, у меня экзамены. Да и вы мне показались слишком занятым, чтобы отвлекать вас...

Он даже тряхнул головой в несогласии, но сдержал эмоции и тихо проговорил:

– Саша, я всего лишь хотел сообщить, что предварительный список стажеров на КНИС утвержден.

Я даже перестала дышать. В его взгляде не читалось то, что я жаждала услышать. Но мысленно посчитав до пяти, спокойно опустила глаза и отстраненно заметила:

– Вероятно, вы сообщили мне это не просто из вежливости?

И тут Адриано не выдержал и сделал шаг ближе, чуть склонил голову ко мне и объявил:

– Ты в списках стажеров на КНИС,– и я расслышала нотки гордости в его голосе.– Но есть условие: ты должна сдать итоговый тест на максимальное количество баллов.

– Это всего лишь сто,– невозмутимо вздернула одну бровь я, а внутри заплесало и заискрилось.– Вы во мне сомневаетесь?

– Нет,– уверенно качнул головой наставник и отступил, так как в пустой до этого момента холл сразу из нескольких тестовых кабинетов вышли однокурсники.– Только ставлю тебя в известность об условиях. Не расслабляйся, Саша. Это важно...

«Ты даже не представляешь, как!»– вздохнула я, отворачиваясь и спеша в один из кабинетов.

У двери коротко оглянулась и поймала взгляд наставника. Теплый и взволнованный. Я быстро кивнула ему и захлопнула дверь за собой.

«Сто баллов? Мой предел выше!»

Я запретила думать себе обо всем: о КНИС, о программировании, даже о незнакомой женщине, кокетничавшей с моим Полом Адриано. Все силы были направлены на медицинскую микробиологию.

Каждый последующий экзамен я сдала ровно на сто баллов, всего лишь тренируясь перед главным испытанием.

В вечер перед выходным, за которым следовал мой последний экзамен, Игнат и отец улетели на Кетару. Я вздохнула спокойно и завтра собиралась поехать к Лефарам, а потом заглянуть к Саманти, чтобы подготовить платье к предстоящему балу невест.

Ни то, ни другое не получилось. Отец через служащего своей мастерской оставил много заказов на доставку. Весь выходной я потратила на поездки по соседним городам. А вечером, когда вернулась домой, чтобы, наконец, поесть, то застала в столовой Игната и Джаду. Явно отца не было дома. И, вероятно, не будет.

Ужинать в их компании сразу перехотелось, хоть и выглядели они странно веселыми. Глаза ошалелые какие-то. Но Игнат великодушно разрешил взять, что нужно, и убраться к себе, чтобы не шарил по шкафам ночью.

«Только бы после торгов Джады не видеть их обоих», – я спокойно отвела глаза от неестественного взгляда гамони: она смотрела будто сквозь меня.

Но Джада вдруг заговорила очень мягким, дружелюбным голосом:

– Я принесла вкусный напиток, – и, налив в чистый стакан жидкость приятно зеленого цвета, подвинула его мне.

Я мельком взглянула в ее лицо и вежливо сказала:

– Спасибо. Не хочу перебивать аппетит, – и, взяв контейнер с запеканкой, повернулась к выходу.

– Пе-ей, когда-а тебя-а угоща-а-ют, – протягивая гласные, не своим голосом велел Игнат, и привстал, но, не устояв на ногах, снова сел.

Такой мелочи не было смысла сопротивляться, чтобы не злить его при Джаде. Я снова взглянула на повеселевшую гамони, повернулась лицом к брату и демонстративно отпила из стакана ровно три глотка. Напиток был и впрямь вкусным. Я смягчилась и под непрерывным, но каким-то стеклянным взглядом брата выпила до половины.

– Спасибо, вкусно, – произнесла тихо и отнесла стакан в мойку.

– А теперь вали-и к себе-е и не мешай на-ам, – удовлетворенно откинувшись на спинку стула, засмеялся Игнат. Джада тоже захихикала.

Что-то не давало покоя, когда поднималась к себе: то ли их стеклянные взгляды, то ли зловещие смешки Игната...

«Напились они чего, что ли?»

Но после душа отлегло. Я села на кровать и, прислонившись спиной к изголовью, стала просматривать настройки своей программы для входа в закрытую А-сеть на балу. Не то чтобы так уж хотела на бал невест, я переросла мысль, что от мужа будет польза. Но торгов не избежать, а значит, нужно было проработать запасной вариант укрепить свое будущее. Самых женихов на бал не приглашают, но мне достаточно проявить себя для тех семей, союз с которыми был бы наиболее выгоден. КНИС уже впереди, но нельзя пускать на самотек то, что определено системой хомони.

«Если меня кто-то и выберет, то пусть он будет не с Тоули!» – пожелала я, постепенно уплывая в сон.

Глава 16

Что-то было не так. Я долго лежала, глядя, как по потолку играют утренние лучи света, и не могла понять, что изменилось. Определенно я не слышала будильника, а по ощущению время было уже выходить из дома.

Когда подняла голову с подушки, замерла. Когда поднялась на локтях, ощутила прилив жара к щекам. Когда спустила ноги с кровати – ледяные мурашки пробежали по телу. Я медленно повернулась на носочках и пошла к шкафу. Предстоящий взгляд в зеркало пугал.

Увидев себя, задрожала всем телом...

У меня была густая челка, а теперь вместо нее торчали неровные пеньки. С макушки спускались пряди разной длины и едва доставали до ушей, неровные виски топорщились в разные стороны... Затылок был... словно птицу выщипали...

Я выглядела ужасно! Слишком светлые корни обесцветили лицо. Уши непривычно топорщились. Горбинка на носу казалась объемной, скулы заострились, и глаза стали просто огромными. И я опаздывала на первое занятие, после которого назначен тот самый последний экзамен.

Я зажмурилась, замедляя дыхание, чтобы не дать воли просыпающейся ярости. Грудь сдавило от жалости: «Мои длинные густые волосы! Они были моим богатством!»

Но появиться такой в колледже я не могла. В пижаме, на негнувшихся ногах вышла из комнаты.

– Ой!– неожиданно вскрикнул кто-то рядом.

Это была Джада, которая полуодетая стояла в проеме двери комнаты Игната и, вытаращив глаза, разглядывала меня.

– Что ты с собой сделала?!– заплетающимся языком спросила она.

– По-моему, это мы вчера повеселились,– хохотнул поднимающийся по лестнице Игнат, и сам немало удивленный моей прической.

Мои челюсти сжались помимо воли.

– Вроде ты мне сказала, что Кьени терпеть не может ее рыжие волосы...– покачиваясь, пробормотал Игнат и прислонился плечом к стене напротив.

Он был невменяем. А Джада бледна и, похоже, даже не помнила о содеянном. Но когда услышала о Кьени, тут же приосанилась и кивнула:

– Сестричке понравится... Ну ты не расстраивайся... ик, ой... отрастут же...

Она начала зеленеть и тут же умчалась в сторону душевой Игната. Звуки рвоты раздались слишком явственно, что у меня самой слюна стала какой-то горькой. Но я не поморщилась, а холодно перевела взгляд на брата.

Он смотрел на меня, кривя губы и морщась, будто его сейчас тоже стошнит. Я не отводила глаз и ждала, когда же он скажет то самое, что сорвет оковы с меня, и я вырву его кадык голыми руками...

– Ну что, пойдешь жаловаться?– гаденько усмехнулся тот и икнул.– У тебя вроде там экзамены...

Уже развернувшаяся внутри черная пропасть тут же захлопнулась. Все мысли закружились вокруг одного: экзамены, итоговый тест, КНИС – свобода.

– Я рада, что вам было весело,– произнесла бесстрастно, намеренно спокойно поворачиваясь к своей двери и медленно закрывая ее.

«Уродливые души притягиваются. Гамони такая же безжалостная тварь, как и Игнат... Повеселились? Что ж, придет и мое время веселиться...»

Последний экзамен через два часа. Нужно срочно что-то делать с головой. Я не могла показаться в таком виде в колледже... и на балу...

«Бал!– эхом пронеслось в голове.– Кто же на меня теперь взглянет? Я выгляжу, как мальчишка... Рыжее пугало!»

Мельком взглянув в зеркало, поняла, что мне нужно к Лиуре Саманти. Отыскав воздушный шарф среди старых вещей, намотала его на голову, закрепив концы декоративным узлом, и выбежала из дома.

«А я ведь даже не проснулась! Как? Я сплю очень чутко!– думала по дороге к дому Саманти. А вспомнив поведение Игната и Джады, на секунду замедлила шаг.– Напиток!»

В лабораторию наставника идти не решилась: нужные реактивы без учета не выдадут, и о проведенном исследовании кто-нибудь да узнает. Поэтому изменила маршрут и направилась в медцентр к Джону.

– Джон, сделай анализ крови!– я буквально ввалилась в его кабинет.

Джон был шокирован, когда я рассказала о своих подозрениях и сняла шарф с головы. Он тут же взял необходимые анализы. Через несколько минут анализатор показал наличие в крови остатков сильнодействующего вещества, которое в сочетании с определенными продуктами оказывает мощное наркотическое воздействие.

«Вот почему Джада и Игнат были зеленые утром!»– поняла я, с облегчением отмечая, что на меня напиток подействовал всего лишь как снотворное. Никаких других эффектов не обнаружила ни утром, ни сейчас.

Вне себя от злости, но, сжав челюсти и крепко схватившись за края кресла, я сосредоточенно смотрела перед собой. Перед глазами клубилась тьма, и лишь голос Джона держал на границе реальности.

– Это значимое нарушение, Саша,– заключил огорченный Джон.– Давай заявим об этом? Я могу свидетельствовать...

«Не время! Это может нарушить все планы с КНИС... Наркотическое вещество... Разбирательства... Сомнения в моей адекватности... А уж если Игнат узнает, то постарается первым утопить меня...»

– Нет, Джон,– тихо ответила, остывая и превращаясь в средоточие силы и стратегии.– Лиура поможет привести волосы в порядок... С остальным я разберусь позже...

– Как, Саша?!– возмущенно развел руки Джон.

– Джон,– поднялась я и с ледяным спокойствием посмотрела ему в глаза,– это не важно! Поверь мне сейчас.

Джон недовольно сжал губы. Он не поддерживал такого решения. Но я не собираюсь рисковать. Неизвестно, как пройдут торги, но КНИС – это шанс, который не могу упустить из-за того, что среагирую на очередное унижение! Сейчас ничто не должно бросить тень на мою репутацию и на репутацию семьи тоже, чтобы убедить научный совет в достоинстве моей кандидатуры.

– Сделай только одно,– хладнокровно попросила я, достав визор и призраком входя в базу медцентра,– внеси в медицинскую историю, что у меня из-за стресса и переутомления поднялась высокая температура.

Джон напряженно выпрямился и замер.

– Джон,– спокойно окликнула я, готовясь удалить информацию о результатах анализа,– мне это нужно для администратора колледжа. У меня нет времени.

Джон выполнил все безупречно. И дал рекомендации перенести экзамен. Но я подтвердила отказ и поспешила в мастерскую к Лиуре.

Волосы пришлось остричь еще короче, так как иначе придать хоть сколько-нибудь приличный вид моей прическе было невозможно. Но Лиуре удалось из безобразия сотворить нечто стильное и терпимое. Она предложила нарастить волосы, и все бы обошлось, но тогда я могу вызвать бешенство у Игната, и неизвестно, чем все это закончится. Сейчас не стоит привлекать лишнего внимания. Переживу.

* * *

– Вот это красота! Как на балу-то появишься?– нарочито удивленно воскликнула Кьени, когда я сбегала по лестнице из административного холла колледжа за несколько минут до моей очереди на экзамен. Явно Джада уже похвастала сестре своим подвигом.

Яростно оглянувшись на тощую фигуру, я резко повернулась, схватила мерзавку за край юбки и дернула на себя. Та не успела сделать шаг, как потеряла равновесие и, падая вперед, ударилась носом о край ступени. Послышался премерзкий хруст, кровь начала хлестать в разные стороны...

– Ну теперь-то ты тоже «красивая»!– прошипела я чужим голосом, отстраняясь по стенке лестницы вниз.

Руки похолодели, и грудь стянуло ледяным обручем. А в глазах опять потемнело. Глубоко вдохнув, я моргнула, и яростное настроение рассеялось. Кьени, хихикая, продолжала подниматься по лестнице, а я с пульсирующей кровью в ушах подпирала стену.

Сев за интерактивный стол, я еще некоторое время не могла полностью сосредоточиться на экзамене. Но заметив, что пропустила несколько вопросов, взяла себя в руки и стала быстро давать ответы, чтобы успеть вернуться к пропущенным.

Из колледжа выходила, словно из меня выжали все соки. Но уведомление на коммуникатор об успешном завершении экзаменов отключило от всего. Я просто шла вперед, передвигая ноги, как бездушный механизм.

Весь оставшийся день я проспала, даже не раздевшись.

* * *

За завтраком отец кричал, что не смог меня добудиться вчера, а ему нужно было сделать несколько срочных доставок. Что я безответственная эгоистка, непонятно что сотворила со своей головой, что никакого платья на бал мне не купит и вообще, что доставляю ему сплошные неприятности.

Я водила ложкой по каше, которую пришлось варить отцу, так как и утром мне не удалось подняться вовремя, и с мстительным весельем представляла, как привязываю этого зажившего лысоватого человека к стулу и вливаю это недоваренное горячее месиво прямо в его глотку. А он мычит... сопротивляется... закатывает глаза... и, наконец, задыхается и падает замертво...

– Ты вообще слышишь, когда с тобой говорят?!– взорвался отец, не получив от меня никакой реакции.

– Конечно я тебя слышу, отец,– произнесла ровно, поднимая голову.– Ты прав, я была невнимательна. Извини...

– Не нужны мне твои извинения!– снизил тон он, но не успокоился. А потом его понесло:– Со дня на день должно прийти приглашение на бал невест. Я узнавал по своим каналам: в этот раз там будет много не местных. Запомни, Сашка, я никогда не позволю тебе улететь с Тоули, а уж если найдется идиот, который захочет взять тебя в жены... такую,– и он окинул меня пренебрежительным взглядом,– то сам найду самого поганого гамони или хемани, который только отыщется в альянсе...

«Интересно, как это у тебя получится, трепло трусливое!»

– И за что же ты мне так мстишь?– совершенно невозмутимо проговорила я.

От вопроса отец выпучил глаза и покраснел так, будто я и в самом деле начала душить его.

– За то,– прошипел он, брызгая слюной,– что ты всю свою жизнь напоминаешь мне о своей матери!

– А за что ты так ненавидишь ее?– прищурилась я.

– Я любил ее больше жизни!– сквозь зубы выпалил он.

«Сколько ложной страсти...»— устало вздохнула и опустила глаза, иначе отец уже начал выходить из себя, а это грозило полной изоляцией вплоть до бала или итогового теста.

— Но она...

Он злобно сжал пальцы в кулаки и отвернулся с таким презрением, будто и я сделала нечто омерзительное.

— Марш к себе!

Когда я поднималась в комнату, в столовой что-то прогремело, как если бы со стола смахнули всю посуду на пол. Но слова отца на русском разобрала хорошо:

— *Слава богу, что больше нет этой рыжей гривы, как у этой дряни!*

Это была словно пощечина. Лучше бы он ударил, чем так...

«Что же такого сделала мама, что он отрекся от нее?»— не давал покоя вопрос, пока бессмысленно перекладывала предметы на своем столе до самого обеда.

Вечером я пошла выносить мусор после длительной уборки, которую велел сделать отец, и встретила Игната, возвращающегося с работы.

— Что, рыжая, не видать тебе платья на бал,— усмехнулся он, довольным взглядом окидывая меня с головы до ног.

Я вопросительно подняла брови и замерла. Ответ осознала раньше, чем его произнес брат.

— Хорошо, что отец решил не тратить кредиты на платье. Видно, хомони решили, что тебе там не место.

Это значило, что отец не получил приглашения на бал. Я не получила!

— Можешь гулять всю ночь, отпразднуй,— криво улыбнулся Игнат и запер дверь дома перед моим лицом.

Я осталась стоять перед дверью в домашней пижаме, размышляя лишь о том, что пошло не так. Одернув рукава, я повернулась в сторону улицы и медленно сосчитала поочередно включающиеся фонари. А потом медленно пошла в сторону дома Саманти. Я могла переночевать у Джона, ведь у него положительный брачный статус. И это ни у кого не вызовет подозрений или осуждения.

По дороге одна мысль сменяла другую. И мне не нравилось то, что чувствую. Стрижка, вероятно, тоже спланирована. Долго они готовились к этому? Отец, Игнат, Джада, даже Кьени. Выбрали удачный момент, когда это ударит сильнее. Но ошиблись... Да, я потратила массу времени на подготовку своего коммуникатора к балу, даже написала программу, считывающую часть истории любого гражданина, но теперь рада, что не придется играть перед хемани и гамони. Полет на Зорун показал, чего я достойна. Я практически прыгнула выше своей головы — я в списках на КНИС! И если постараюсь, то прыгну еще выше...

Но не оставляло ощущение, что все в моей жизни происходит по чьему-то плану-заговору. Изнутри грыз вопрос: «По какой причине меня могли не пригласить на бал? Вряд ли регистратору не понравилась моя стрижка. Значит, дело в чем-то другом?..»

Вот это другое и тревожило тем, что могло повлиять на стажировку на КНИС. Ведь вся моя жизнь учит, что за каждым радужным ожиданием ждет неприятный сюрприз. Поэтому учусь не ожидать, а только подготавливать почву для разных возможностей.

Через несколько дней, когда при получении электронного допуска на итоговый тест Пол Адриано ободряюще сказал, что еще чуть-чуть и могу начинать собирать вещи на КНИС, я лишь вежливо кивнула в ответ и исчезла раньше, чем он мог снова вызвать меня на разговор. А он очень хотел: его немало удивил и взволновал мой внешний вид. И я хотела... Но сейчас стоило сосредоточиться совсем на другом и поискать слабое звено...

Глава 17

Через девятнадцать дней назначен итоговый тест. И я считала дни, чтобы переступить рубеж, за которым меня ждет КНИС. Я была тиха и послушна: завтраки и ужины всегда были готовы вовремя, поручения выполнены, ни одно правило «альянса Малых» не нарушено.

С трудом достигнутое внутреннее спокойствие все же пошатнулось за пару дней до теста.

– Сегодня летим на Кетару?– услышала отца, спускаясь к завтраку.

– Выходной только завтра. Но я и не собирался,– отказался Игнат. И мне это тоже показалось странным: отец не пропускал работу днем.

– Тогда лечу без тебя,– тон был решительный.

Я вошла в столовую, прошла к холодильному шкафу и достала контейнеры с завтраком, чтобы разогреть. Отец и Игнат недовольно покосились на меня, будто я им помешала, и тут же заговорили на русском. Это показалось еще более странным.

– Ты же сказал, что после того раза не полетишь? Тебе что, не хватило предупреждения?– отговаривал Игнат.

– Я и лечу разобраться. Кстати, по твоей милости. Самоуверенный! Полез со своей остроумной шуткой. А этот урод и ухватился за нее...

– Думаешь, будут последствия?

– Здесь последствия всегда есть. Но у нас нет особого выбора. Хорошо, что он еще торгуется: есть надежда договориться. А то гореть нам всем после суда...

Мне неинтересно, что происходит в их жизни, лишь бы это не касалось меня. Но когда услышала «гореть нам всем после суда», огнем прожгло горло до самого желудка – прислушалась.

Отец заметно нервничал. Больше того, он злился, потому что боялся.

– Ничего с нами не сделают... Штрафом обойдется,– уверенно заявил Игнат.

– Да?! А где такие кредиты взять? У тебя не завалились?

– Взяли бы из наших накоплений... Ой, да чего ты суетишься?– начал злиться Игнат.– Хватит уже, дадим, что он просит.

А потом он злобно прищурился на меня и крикнул:

– Чего так долго возишься? Накрывай скорее, и иди есть к себе!

«Накопления? У них есть свободные кредиты?»– пропуская мимо ушей недовольство брата, задумалась я и, выставив на стол тарелки, выложила в них готовые завтраки.

– Ты не сможешь полететь без моего допуска бесплатно,– продолжил Игнат.

– Значит, оплачу! Надо переиграть условия. Не хочу рисковать... и не хочу дурной истории. Все, я сказал!

«И что было на той Кетаре, что он готов даже заплатить за полет? Что такого они оба натворили?»– нахмурилась я, желая как можно скорее оказаться в кабинете тестирования и сдать долгожданный итоговый тест. Тревога набирала силу.

Отец повернулся к своей тарелке и стал нервно мять вилкой тушеный овощ. Я разлила сок по стаканам и, взяв свою порцию, медленно обошла стол.

– А ты чего тут прокисать будешь? Полетели со мной?– вернулся к насущному отец.

– У меня здесь дела,– отмахнулся Игнат.– Кстати, давно хотел тебе сказать: я решил заключить брачное соглашение...

Я замерла у другого края стола, но вовремя опомнилась и ровной походкой направилась к выходу из столовой, делая вид, что не понимаю, о чем они говорят.

– Чего ты там решил?– вскрикнул отец, что я слишком резко сделала шаг и чуть не уронила стакан. Быстро найдя равновесие, завернула за угол и замерла на первой ступеньке лестницы.

– Я не собираюсь спрашивать твоего разрешения, папа, но тебе придется подтвердить заявку на торги в следующем фазисе,– тверже сказал Игнат.

Похоже, в жизни Малых грядут перемены. И пока я не понимала, в какую сторону.

– И кого ты намерен выбрать?– мрачно спросил отец после долгого молчания.

– База невест всегда полна,– увернулся от ответа тот.

«Ну да, как же!»– скривила губы я.

– Это твой выбор, тебе с ним и жить,– смиренно вздохнул отец.

Я поморщилась от досады: не ожидала, что тот будет так спокоен. Все же с сыном у него крепкий тандем.

* * *

Выходной подошел к концу. Отец вернулся из полета почти утром. Сквозь сон услышала громкие напряженные голоса внизу. За всю жизнь отец никогда так не кричал на Игната. Удивление пробудило меня окончательно, и потом еще несколько часов лежала без сна, строя предположения, что между ними произошло и чего стоит опасаться мне.

Когда вышла из комнаты, полностью собранная на итоговый тест, за завтраком никого не обнаружила. В доме стояла тишина. Я быстро перекусила и выскользнула из дома, чтобы никто не успел высказать мне «добрых» пожеланий.

Только войдя в кабинет тестирования и сев за интерактивный стол, я узнала, что следить за прохождением теста будет не мой наставник, а некий Маку Райбон Суф со смежного курса – космической микробиологии. Но так было даже лучше: Адриано отвлекал лишними мыслями.

Но первым, кого увидела, выйдя из кабинета, был именно Адриано. Он стоял с Ходоро и якобы что-то пояснял ему. Уверена, что Пол не для того тут задержался: его выдали чуть дрогнувшие уголки глаз и заметно спавшее напряжение с плеч, когда я с чувством полного удовлетворения от уверенности в результате теста появилась в холле. Внутри разлилось приятное ощущение превосходства. Все же он был ко мне более чем неравнодушен.

Все это стало еще приятнее осознавать, когда услышала обрывки фраз и других присутствующих: Кьени обнимала Джаду и истерично рыдала на ее плече. Она не ответила и на треть вопросов теста, и теперь будет пересдавать только через год за кредиты. Но учитывая, что и допуск на итоговый Кьени получила чудом, то и потом может не сдать и остаться без профессии. А уж если ее кто-то выиграет на торгах в этом году (что сомнительно, потому что с торгами их семье не везет), то будущий муж может и не выделить кредиты на еще один итоговый тест.

«Тут Вселенная сама расставила все по местам,– мысленно усмехнулась я.– Разве что я – небольшое подспорье...»

Мягко кивнув на приветствие наставника, я покинула холл, так и не подойдя к нему. Он только проводил меня взглядом, а сообщением на коммуникатор известил, что завтра ждет в лаборатории для обсуждения стажировки на КНИС. А я была так взбудоражена успехом, что решила поделиться радостью с Джоном.

Не успела выйти за пределы колледжа, как из мастерской отца от его помощника Карла пришло сообщение о срочной доставке заказа в Тоусэл.

Я всегда могла договориться с Карлом об отсрочке задания, он часто прикрывал меня перед отцом, но сейчас настаивал на его выполнении. Значит, заказчик был важный. Я согласилась.

К коробке с заказом, как ни странно, прилагалась карта с кредитами на дорогу туда-обратно и на обед в любой чайной.

«Отец необычайно щедр сегодня. Или это Карл постарался?»

Но я с удовольствием собиралась потратить все кредиты. На обратном пути заеду к Саре и малышке Элен. Очень соскучилась по этой черноволосой девчужке, которая из-за выпавших передних зубов умилительно называла меня «Саса».

Глава 18

На коробке не стояло ни имени, ни адреса заказчика. Это я поняла, только когда вышла из аэробуса в Тоусэле: от радости за итоговый тест не обратила внимания.

– Да уж, сама виновата, – проворчала себе под нос и связалась с Карлом. – Карл, на коробке нет координат заказчика. Как я должна доставить заказ?

– Нет? – удивился тот. – Как такое может быть? Наверное, Андрей упаковывал и забыл нанести маркер. Он в последнее время такой рассеянный...

«Голову оторвать!»

– Ох, погоди, это же коробка не наша. Ее принесли от заказчика и сказали, что после починки будут ждать в апартаментах на центральной площади.

– А имя?

– Сложное какое-то... Но номер комнаты помню точно – пятьдесят семь.

– Спасибо, Карл.

В апартаментах такого типа всегда останавливалось высшее сословие или очень известные хемани и гамони.

«Что, мастерской коммуникаторов в Тоусэле не нашлось?» – нахмурилась я и вошла в холл.

Комната располагалась на самом верхнем этаже. Я остановилась перед ней, сняла рюкзак, чтобы достать коробку, но не успела даже расстегнуть его, как дверь распахнулась.

Я мигом опустила голову, краем зрения заведя, что передо мной хомони: его светящиеся глаза опалили, словно огнем. По кодексу заговорить первой не могла, только коротко кивнула и, не поднимая глаз, расстегнула рюкзак.

– Наконец-то рад с тобой познакомиться, Саша, – неожиданно сказал хомони, и от этой странной фразы внутри тревожно запульсировало.

«Я не знакома ни с одним хомони. А он меня откуда?..» – замерла я.

– Что же ты сделала со своими волосами? – удивился он.

Уставившись под ноги мужчины, ощутила, как по спине пробежал острый холодок. Стало неприятно от его фамильярности. Но я быстро пришла в себя и снова попыталась достать коробку с заказом, однако руки предательски не слушались.

– Я принесла ваш заказ, хорд, – заговорила тихо, усилием воли заставляя себя не пугаться.

– Безар Ила Хог Логард, – представился тот и отошел, шире открывая дверь. Он явно собирался пригласить меня внутрь.

Я снова коротко кивнула и вопреки его ожиданиям сделала шаг назад. Но мужчина выступил вперед и, ловко обогнув меня, крепко ухватил за талию и втянул в комнату.

– Но ты можешь называть меня Безар, – вкрадчиво продолжил он. – Не бойся, входи...

Хомони закрыл дверь и остановился за моей спиной, шумно дыша в затылок. От этого стало совсем не по себе.

– Простите, но у меня еще несколько заказов, – солгала я, повернулась и потянулась к дверной ручке, но в ту же секунду была схвачена за руку.

От неожиданности выронила рюкзак и посмотрела на подбородок мужчины. Хомони не сводил с меня глаз, и от его пылающего взгляда хотелось укрыться: до того он пробирал.

– Куда же ты спешишь, девочка? – проговорил хомони и, несмотря на мягкость в голосе, так властно притянул к себе, что даже не успела воспротивиться. – Я заметил тебя на Зоруне... Еще никогда не видел таких чудесных волос... Жаль, что ты их остригла...

– Простите, хорд, но мне надо идти, – настойчиво, но не громко сказала я, упираясь ногами в пол.

Он протянул другую руку и коснулся моих коротких прядей на висках. Я попыталась отклониться назад, но его стальная хватка на запястье не дала шевельнуться. А потом хомони и вовсе крепко ухватил за шею, и пригнул так, что я не смогла даже вскрикнуть.

– А как ты пахнешь... – выдохнул он и уткнулся носом мне за ухо. – Уверен, другие подождают...

В желудке перевернулось. Все вокруг стало расплываться. Я потеряла ощущение реальности...

Инстинктивно я стала вырываться решительнее, но сил не хватило. Я даже не поняла, как в следующее мгновение оказалась лежащей на спине, придавленная этим мужчиной. Ерзая ногами по чему-то мягкому, я пыталась найти точку опоры, чтобы подняться, но ощутила, что горло стянуло, будто ледяной удавкой: не могла ни крикнуть, ни вздохнуть. В глазах стало стремительно темнеть, пока я полностью не ослепла...

Теперь я вся была окружена темнотой. Тихо вокруг... Спокойно...

Я глубоко вздохнула, открыла глаза... А передо мной висит лицо с двумя горящими глазницами. Хомони что-то говорит, смеется... Его губы кривятся и замирают в мерзкой гримасе...

Звуков я не различаю... Но смотрю в пылающие глаза и чувствую, как печет ладони и чешутся пальцы, что их сводит от желания вонзиться в это лицо...

В какой-то момент я понимаю, что руки свободны, и, недолго думая, вскидываю их к голове хомони. Пальцы настолько напряжены, а ногти остры, что легко впиваются в его голову, разрывая морщинистую кожу на висках. Кровь капает мне на щеки и губы, но я сжимаю зубы и вдавливаю пальцы в его голову еще сильнее. От боли хомони выпучивает глаза, а я резко отнимаю пальцы от висков и продавливаю глазницы до самого черепа...

Радужка перестает пылать... Белые глазные яблоки вываливаются наружу на ниточках сосудов. Я начинаю смеяться от дикого удовольствия... и сплевываю кровь хомони... И вижу, как гаснут миллионы глаз... И снова темнота...

Когда голова мужчины упала мне на грудь, и сам он больше не шевельнулся, я резко выдохнула и зажмурилась.

Сколько прошло времени, не знаю. Было трудно дышать. Голова тяжелая, и поднять ее, казалось, невозможно.

«Что со мной? Почему болит все тело? Почему так тяжело дышать?..»

Открыв глаза, еще долго лежала, глядя в потолок. Темная дымка постепенно рассеивалась, стали проявляться контуры предметов. Похоже, я лежала на полу...

Я едва подняла онемевшую руку и коснулась горла, будто оно было перевязано чем-то, но ничего не ощутила пальцами, кроме того, что кожа стала очень чувствительной, будто там один сплошной синяк.

«Как же болит живот...»

Кое-как я повернула голову набок, поводила глазами по комнате и, будто сквозь мутное стекло, увидела полуголого мужчину... Он сидел на диване и медленно застегивал... ширинку...

– Что со мной? – просипела я, и резкая боль пронзила нижнюю губу. Машинально облизала ее и поняла, что та прокушена до крови.

Что-то тяжелое и горькое подкатило к горлу.

Взывая к силе воли, я заставила себя подняться, села, опираясь руками о пол, и трянула головой. Никогда еще не испытывала такого головокружения, будто пьяна. Сквозь шум в ушах и черные мошки перед глазами толком ничего не разобрать.

Спустя минуту зрение прояснилось, и взгляд упал вниз... на мои ноги... Бедра расцарапаны. Ни юбки, ни блузки... ни нижнего белья... На животе и груди – кровоподтеки... На левом соске запеклась кровь... Четко отпечатались...

«Зубы?!»

В ужасе я раскрыла рот, пытаюсь вдохнуть, но что-то стало поперек горла...

Откуда-то из глубины сознания пришло смутное понимание случившегося. Я задрожала всем телом и согнулась пополам. Меня стошнило прямо в чьи-то туфли.

– Эй, что ты сделала?– хрипло рассмеялся хомони.– Будто в первый раз с женщиной была...

От его голоса позыв только усилился, и я снова изрыгнула остатки завтрака. От горечи на языке захотелось сплюнуть, но сухость во рту не дала этого сделать... Я не могла поверить в произошедшее и... не могла пошевелиться. Мышцы окаменели, кровь заледенела, а вокруг все вспыхнуло синим пламенем, замерцало и рассыпалось инеем... А потом и я сама оказалась за ледяной стеной... Все стало незначительным. Чувства будто заморозило, и все происходящее наблюдала, как со стороны...

Я спокойно поднялась на ноги, нашла свою одежду, оделась. Только не хватало одной туфли.

– Вы не видели мою обувь?– сипло спросила, медленно водя взглядом по полу комнаты.

– Посмотри на кровати,– непринужденно ответил хомони.

Найдя взглядом кровать, я нахмурилась, заметив на ней скомканное покрывало и разбросанные подушки, и отстраненно подумала:

«Почему я оказалась на полу, ведь все началось здесь?..»

– Сколько прошло времени?

– Слишком мало,– улыбнулся хомони.– Ты мне понравилась. Я ожидал, что ты невинна...

Но я не расстроился: у тебя там все так горячо и узко...

Взгляд замер на моей туфле, запутавшейся в простыне, потому что прорвала ту каблук. Я потянулась и взяла ее. Обувшись, выпрямилась, повернулась и смело взглянула хомони в глаза. Они, как и прежде, пылали, но уже слабее.

– Я была невинна,– ответила отрешенно.

Мужчина насмешливо вскинул одну бровь и спросил:

– Решила посмотреть мне в глаза? Не боишься, что обвиню в нарушении кодекса?

– Я ведь вам понравилась... Вы не заявите,– уверенно выговорил кто-то за меня.

Хомони долго смотрел в ответ, одновременно надевая рубашку и жакет, лениво вальяжно поправляя манжеты и воротничок. И я не сводила глаз. А внутри холодная пустота.

– Это точно подмечено,– наконец рассмеялся он и похлопал по дивану рядом с собой.– Иди сюда, Саша... Я совсем не против, чтобы ты смотрела на меня... Глаза не пугают?

– Все равно они выпадут,– бесстрастно произнесла я и присела, чтобы поднять рюкзак.

– Что?– недоуменно прищурился хомони.

А я снова видела, как выцарапываю эти пылающие яблоки из глазниц, как сочится кровь, как хомони корчится от боли... Я почти ощущала эту вязкость на своих пальцах и слышала, как рвутся сосуды и нервы...

– Я видела, как они выпадают и гаснут... Это забавно,– ответила я.

– Что ты несешь? Забирай вещи и убирайся!– разозлился вдруг он: с чего бы это?

– Я видела, как ваше время вышло,– отвернулась и медленно пошла к двери.– Любуйтесь миром, пока это еще возможно...

– Сумасшедшая!– насмешливо крикнул хомони, когда я уже была за порогом.– Скажи своим, что долг выплачен... Больше не смей появляться передо мной!

«Конечно! Ведь тогда я по-настоящему вырву твои глаза!»– и я с шипением выдохнула воздух из легких.

Механически переставляя непослушные ноги, я спустилась в общий холл апартаментов и наткнулась взглядом на худую девчонку с огромными глазами непонятного цвета, в которых застыл лед. Нижняя губа была припухшей, на открытой шее виднелись темные следы, похожие на отпечатки пальцев...

Я потянулась рукой и к своей шее: в горле саднило... И девчонка тоже...

Не сразу поняла, что вижу свое отражение в зеркальной стене. И поняла, что хомони сдавливал шею, чтобы не кричала. Но я и не кричала, ведь меня там не было...

«Это была не я...» – проплывала одна и та же мысль, когда я выходила из здания, шла по улице, останавливалась, чтобы понять, где вообще нахожусь.

Руки дрожали, я не могла ни на чем сосредоточиться, но только и делала, что оглядывалась, будто меня кто-то преследовал.

Не знаю, какой дорогой пришла к остановке аэробуса, но, кажется, шла целую вечность... Не помню, как оказалась стоящей на остановке в Кане, куда шла дальше... Но поняла, что стою перед своим домом, только когда на улице зажглись фонари.

Открыв дверь, я замерла на пороге. Никогда еще так быстро отец не выходил навстречу. Он окинул меня хмурым взглядом, а в бесцветных глазах сквозило ожидание оправдания, где я столько времени разгуливала... и что-то еще. Но я смотрела сквозь него. Не могла придумать, как оправдать разбитую губу и синяки на шее.

– Где шлялась? – недовольно спросил отец. – Кто должен ужин готовить?

И только услышав его голос, я поморщилась от резкой боли в виске. Стрелой врезалась фраза, которую хомони бросил мне напоследок: «Скажи своим, что долг выплачен». Сразу вспомнился разговор отца с Игнатом о каких-то долгах на Кетаре...

Дыхание перехватило тут же, в горле запершило, а пальцы рук заledenели так, что я сама не смогла оторвать их от двери, пока отец не втянул меня в холл. И то показалось, что хрустнули суставы.

– Иди к себе и не показывайся, пока не позову, – сухо велел он и подтолкнул к лестнице.

Я медленно дошла до своей комнаты. Рука замерла на дверной ручке. Я чувствовала, что не могу собой управлять: мысли кружились черным вихрем, тело не подчинялось. И лишь услышав шорох, оглянулась. Из конца коридора на меня выжидающе смотрел Игнат.

– Я относил заказ, – зачем-то прошептала запоздалый ответ на вопрос отца.

– Вали к себе, ненормальная, – бросил брат и ушел в комнату.

Последние силы потратила на то, чтобы толкнуть дверь и спрятаться за ней. Ввалившись в комнату, едва дошла до кровати и упала на нее, будто камень.

Голова чужая... Мысли не мои... Тело не послушно... Я отключилась через секунду.

Глава 19

Мощные толчки внутрь меня становятся ожесточенными, я задыхаюсь от тяжести его тела, чувствую себя хрупкой и беззащитной, будто крошусь на кусочки... А хомони все шепчет что-то на древнем, чего я никак не могу расслышать, и сдавливает горло потными пальцами... Я не могу двинуться с места, парализованная страхом и насквозь прожигающим взглядом. И просто послушно лежу под ним...

С криком я проснулась в своей постели и схватилась за горло. Куда ни посмотри в темноте вспыхивали огненно-алые глазницы... Воздуха в комнате стало не хватать. Я поднялась с кровати, чуть не упав, запутавшись в сбившемся у ног покрывале, и распахнула окно.

Прохладный ночной воздух окатил с головы до ног будто ледяной водой. Сознание прояснилось. Но я знала, что это не сон. Это то, что со мной уже произошло. Только я этого почему-то не помнила...

– Я не могу это так оставить... Джон мне поможет... – в отчаянии прошептала я.

Отойдя от окна к зеркалу, включила свет и взглянула на себя.

Губа зажила, синяков на шее не видно. Да, Джон и Адриано отмечали, что у меня быстрая регенерация тканей, но она стерла все свидетельства насилия!

Тогда я быстро сняла форму, в которой уснула, и изумленно округлила глаза. На мне не осталось ни одного следа: ни кровоподтеков, ни укусов, ни царапин. Словно и правда все это привиделось. Я и сама до сих пор не верила в произошедшее. Но уже никому ничего не предьявить. Пульсирующая внутри боль, едкая память – не доказательство.

В одну секунду ярая ненависть застелила все перед глазами. Кожа покрылась сотней ледяных мурашек, а пропасть внутри раскрыла зубастую пасть, задев острыми клыками еще живую плоть.

На дне живота начал бушевать черный вихрь, скручивая внутренности дикой болью. Он поднимался и поднимался, пока не перекрыл кислород... Задохнувшись, я упала на колени и схватилась за горло. Оно тут же вспомнило пальцы хомони. Я отдернула руку, словно обожглась, и закашлялась. Все мышцы сжались от бушующей ярости, разрывающей на части, и сковали тело... Я закричала во всю мощь, пока не охрипла... И потолок выжгло от черного огня, вырвавшегося из моих глаз...

– Заткнись, сумасшедшая! Мне завтра рано вставать... – услышала голос Игната за дверью.

Метнув черный взгляд на дверь, я выжгла дыру в ней и поднялась на четвереньки, рыча, как зверь, и готовясь к броску, чтобы разорвать горло этому ублюдку... Но воздух в легких закончился, и я забилась в бессильной судороге, поскуливая, припала лицом к полу.

Стало невыносимо жарко, кожа покрылась липкой пленкой, все пути в легкие будто закупорились, воздух не хотел проходить внутрь. Я захрипела в попытке позвать на помощь, но так и не смогла...

* * *

Я проснулась, оттого что кто-то щупал меня. С трудом приоткрыв один глаз, увидела женщину в белом комбинезоне, сфокусировав взгляд, узнала Сару. А за ее спиной стоял отец.

– Ну что там с ней? Она нас не заразит?

– У вашей дочери высокая температура, но вирусов в крови нет. Заражения можно не опасаться, – сухо проговорила Сара тому, но на меня смотрела с сочувствием и безмолвной поддержкой. – Мне надо еще осмотреть девушку. Я раздену ее. Вы не могли бы выйти?

Отец пожевал губами и вышел.

– Как ты, девочка моя? – склонилась Сара и погладила по влажному лбу. – Что с тобой случилось? Ты со вчерашнего обеда не отвечаешь на сообщения...

Я прикрыла глаз и уронила голову на другой бок. Сил разговаривать не было. Веки пекло от температуры, и внутри все выжжено.

Сара беспокойно вздохнула и бережно сжала мою руку.

– В крови ничего не обнаружила, но у тебя высокая температура, и я не знаю, чем тебя лечить. Джон сказал, ты не отвечаешь, а в дом его не пустили. Твой отец сказал, что вызовет другого врача. Когда вызов поступил в медцентр Джона, он привез меня.

Я снова приоткрыла один глаз, второй словно склеился. Лицо Сары и все вокруг было мутным. Язык по-прежнему не могла оторвать от неба. Но я все отчетливо слышала и понимала, будто мозг функционировал отдельно от всего остального тела.

– Я так волнуюсь, милая моя... Ну скажи же хоть что-нибудь...

Я едва приподнялась на локтях. Сара помогла присесть и опереться спиной на спинку кровати. Я вся была мокрая и липкая. Самой стало противно.

– Я переволновалась на итоговом тесте, – едва выговорила и от слабости закрыла глаза.

– С тобой давно что-то происходит, а мы не можем тебе помочь. Ты ничего не скрываешь? – с волнением спросила Сара. – Подстриглась так коротко... – она оглянулась на дверь и шепотом добавила: – Джон рассказал, кто тебя так... Он очень переживает. Сейчас вот это... Ты давно у нас не была. Басил спрашивал о тебе, и Элен тоже...

В памяти возникла сияющая улыбка дочери Сары, но сейчас она не откликнулась во мне теплом. Все чувства заморожены.

– Спасибо за волнение. Но у меня все хорошо. Я, наконец, специалист, меня ждет КНИС. Надеюсь, что торги не состоятся. Мне рано иметь мужа, – ровно проговорила я и пожала руку Сары в ответ. – Температура скоро пройдет. Я уверена. У меня так перед каждым экзаменом было...

Я сглотнула вязкую слюну. Лгать Саре и Джону всегда было сложно: не потому, что не умела, – не хотела. Но сейчас получилось легко, как никогда. Сара поверила.

Она обняла меня, поцеловала в шею и пригладила торчащую челку.

– Так непривычно видеть тебя с короткими волосами, – ласково вздохнула она. – Я навещу тебя завтра... А твоему отцу скажу, что требуется визит в медцентр. Джон очень хочет тебя увидеть...

Я согласно кивнула и растянула губы в благодарной улыбке. Но было тошно от этой заботы. Я не хотела ни сочувствия, ни жалости, ни доброты... И никаких разговоров. Моей тьме нужна была тишина – холодная, расчетливая и продуктивная. Сознание пыталось собрать кусочки из памяти в единую картину: что со мной произошло.

Сара ушла, когда поняла, что я больше не хочу говорить. Слова для меня всегда были лишними, пустое сотрясание воздуха, когда все вокруг спит, мерзко хрипит и зловонно дышит. Зачем слова, если я чувствую все это, а ничего не могу изменить?

* * *

Два странных дня я провела в одиночестве. Не ела, не пила, не выходила из дома... Не отвечала на сигналы и сообщения коммуникатора. Не разговаривала с отцом и Игнатом. А они после пары попыток и сами не трогали меня, даже в комнату не входили. Сару, очевидно, они тоже не пустили. Но и хорошо. Я не хотела ни с кем говорить, замкнулась на мощном распирающем чувстве, вытравливающем все живое и... слабое. Я будто подхватила какую-то заразу и не могла оправиться от нее...

Это тьма. Она накатывала волнами, пожирала любые чувства, не оставляя шанса на выздоровление. Я сидела в абсолютной пустоте, уставившись в мертвую точку: ни звука, ни запаха, ни света вокруг... Только отчетливый продирающий скрежет в груди – удары леденящего сердца. Ведь я все поняла. Память и логика все сложили в простую закономерность, как программный алгоритм.

До этого дня все поступки двух ненавистных мужчин в моей жизни были лишь жалостью, презрением, грубостью, отторжением – мелочами, с которыми я справлялась... Но отдать дочь и сестру в счет долга, как бездушную вещь, – откровенное предательство и хладнокровное унижение человеческого достоинства. В отсутствии какой-либо морали в системе хомони теперь я убедилась лично.

Я сглотнула и ощутила, как во мне сдвинулся огромный пласт установок и заблуждений, как стена отошла в сторону и открыла улей, откуда вырвалось нечто, наполнившее тело силой, взгляд остротой, а мысли четкостью и осознанностью.

Я выпрямилась, ясно ощутив, что все произошедшее, как шелуха, – всего лишь налет сверху, и моя Вселенная по-прежнему не тронута. Я выбрала сторону. Вернее, ее выбрала та незнакомка, которая все больше захватывала власть надо мной.

«Трусость – истинный порок, вирус для разумных существ. Легко проникает и поработает... Лечению не поддается... – усмехнулась я, впервые за два дня поднимаясь с кровати. – Если у человеческого достоинства двойные стандарты, то достоинство хомони – их полное отсутствие! Они не подвластны своим же законам! А значит, и я могу выбирать: подчиняться или нет... Я переверну этот свет! Уничтожу всех, кто стоит у меня на пути! Всех, кто предает из-за трусости... Их слабости станут моим оружием».

От такой клятвы я почувствовала себя всемогущей, что даже испугалась этой силы. Но сиюминутная слабость испарилась, потому что нечто темное обволакивало вены изнутри... отражалось в глазах и мыслях...

«Можно ли чувствовать себя мертвой, но такой всемогущей? – мысленно спросила свое отражение. Склонив голову набок, обвела пальцем овал лица в зеркале. – Я освобожусь от альянса и всех его гнилых законов... Ничто не удержит меня здесь. Моя жизнь – мои правила!»

Я прошлась по комнате, залитой утренним светом. Рюкзака нигде не было. Только коммуникатор и визор небрежно лежали на столе. Кто-то их туда положил. А значит, и в рюкзаке порылись... Прочитала все сообщения от Джона, Сары и... Пола Адриано. Он пытался связаться, но меня так надолго выключило.

– КНИС, – выдохнула я и набрала контакт Адриано.

– Саша, с тобой все в порядке? Почему не отвечала? – взволнованно заговорил наставник, не дав сказать мне и слова.

– Простите, наставник. Я приболела. Но теперь готова вас выслушать...

– Какой диагноз? – огорченно спросил он.

«Отмирание души вследствие отравления подлостью – устраивает?»

– Переохладилась после купания в озере Кана. Была высокая температура, – вежливо проговорила я.

– Саша, тебе нужно беречься...

Я поморщилась от такой заботы, но снова вежливо ответила:

– Спасибо. Я буду стараться... Вы хотели сообщить что-то важное?

– Да... Да, – несколько растерялся он, но потом собрался. – Хорошо, что ты, наконец, откликнулась. Завтра утром тебя на собеседование ждет научный совет. Это последняя проверка и уже утверждение даты отправки на КНИС. Мы так и не поговорили о стажировке. Нужно подготовиться... Я пришлю несколько тем. Почитай, пожалуйста. Если будут вопросы, пиши...

– Я буду готова, – ответила коротко.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся наставник, и перед глазами на секунду мелькнули его чувственные улыбающиеся губы.

– Могу я сегодня зайти в лабораторию? Хочу освежить некоторые тезисы нашей с вами работы...

– Меня не будет. Я целый день принимаю итоговые тесты. Но Ходоро составит тебе компанию. Он теперь работает в лаборатории.

– Спасибо, наставник.

«Ты-то мне там и не нужен, а вот Ходоро как раз пригодится...»

На завтрак спустились оба чудовища. Ни один не произнес ни слова. Так молча и ждали, когда я приготовлю на стол. А я и готовила: последовательно и безучастно.

Впервые за завтраком все ели молча. Я чувствовала, как их пожирают сомнения, страхи, растерянность... Мои эмоции пожирала несокрушимая уверенность в том, что я отомщу.

Никто не остановил, когда я вышла из дома. Саре и Джону написала, что со мной все в порядке, чтобы лишний раз не искали и не тревожились.

* * *

Ходоро, как и всегда, оказал мне большую услугу, сам того не подозревая, да еще и проводил через дикое поле у озера. Отпустив его на работу, я вернулась в центр Кана и купила несколько специй для чая.

Выйдя из лавки на Фруктовую площадь, подумала, что стоит вспомнить ловкость рук и кокетливую игру волосами, которые всегда отвлекали торговцев от их товара. Так захотелось какого-нибудь фрукта...

Подняв руку к виску, скривила губы от горечи: у меня больше не было густых длинных волос – сплошное недоразумение на голове. Терпеливо выдохнув, взглянула на кредитную карту... Пусто! И задумчиво пошла по узкой аллейке в сторону своего района.

На переходе к парку я замешкалась из-за треснувшей подошвы на одной туфле и остановилась у края пешеходной дорожки.

«Мои последние туфли... Другие смогу купить, только получив работу, – огорченно вздохнула я. – Но, в конце концов, у меня еще есть форменные конверсы и матерчатые тапочки. Продержусь...»

Не успела я до конца всунуть ногу в туфлю, как неожиданно почти коснувшись меня, рядом остановился шаттл с затененными окнами. В ту же секунду дверь раскрылась, и чья-то сильная рука втянула меня внутрь.

И хоть неизвестный был в балахоне с капюшоном, я поняла, что это мужчина: руки большие, плечи широкие, наверное, выше меня на две головы и голос... знакомый... с хрипотцой...

– Что ты со мной сделала, проклятая девчонка?! – зарычал он.

Я испуганно раскрыла глаза и вжалась спиной в корпус шаттла.

Когда поняла, кто это, внутри будто что-то взорвалось и рассыпалось ледяными осколками, заставив натянуться каждый нерв. Инстинктивно схватилась за лямки рюкзака на плечах и напряглась всем телом. Страх, смешанный с яростью, окутал с головы до ног. Но это не растеряло, а только сосредоточило.

«Если он прикоснется, я его убью!» – хладнокровно прошелестело в голове.

Хомони резко наклонился и схватил меня за запястья.

– Ты что-то сделала со мной?! – прохрипел тот снова.

– Что вам от меня нужно? – прошипела сквозь зубы и, вырвав руки из его липких пальцев, забилась в угол кресла.

– Кровь... всюду кровь... Я умираю!..

– Я не понимаю, о чем вы! – крикнула я, дернувшись в сторону, когда мужчина надвинулся и снял капюшон.

– Ты сказала, что мои глаза выпадут... – болезненно простонал хомони. – Они выпадают!

То, что увидела, напугало до ужаса: его лицо было изъедено глубокими ранками, а из уголков глаз пузырилась кровь. Они больше не светились огнем, но и белков с радужкой не видно – одни большие кровавые пузыри, которые вот-вот лопнут. Я брезгливо поморщилась и

отодвинулась в соседнее кресло, боясь, что кровь забрызгает платье. С такими следами неизвестно, во что я буду втянута...

Хомони поймал салфеткой тонкую струйку крови у подбородка и, оскалившись, зарычал не по-человечески:

– Что значили твои слова о моих глазах? Ты что-то сделала?!

«При чем тут я?!» – содрогнулась я от предчувствия беды.

– Я вижу – ты знаешь! – прохрипел он, надевая капюшон, и потом закашлялся.

И вдруг что-то брызнуло из-под капюшона прямо мне на платье...

Хомони в ужасе закричал и поднял лицо, а я увидела, что одного глаза больше нет – он лопнул и буквально вытек, смешавшись с кровью.

Крови я не боюсь: видела и мертвецов, и препарировала их... Но сейчас меня чуть не стошнило прямо в шаттле.

Я вскрикнула, забила руками по двери, и та открылась. Выбежав из салона, бросилась в кусты, споткнулась, упала на колени и, тяжело дыша, стала испуганно осматриваться по сторонам.

«Что это было?! Что это?» – кричало внутри, а руки отдельно от сознания отряхивали подол платья от крови. И сами стали липкими и мокрыми.

Я простояла на коленях не больше минуты. Паника прошла быстро. Что-то внутри заставило подняться, выпрямиться. Я вытерла ладони о траву и замерла. Глаза просканировали все вокруг. Никого! Мысли стали холодными и четкими...

«Я в крови... Свидетелей среди дня будет много. Я не могу допустить, чтобы меня поймали...»

Глаза сами нашли дерево с обломанной веткой, острый сук еще не успели срезать. Ноги сами повели вперед. Все произошло, как во сне: я видела, как поднимаю руку и с усилием натыкаюсь предплечьем на острый сук, а затем резко дергаю вниз. Кожа прорывается не сразу, теплая кровь начинает течь струйками, но я не чувствую боли. Зажимаю рану ладонью и неровными торопливыми шагами иду в медцентр к Джону.

Пока шокированный Джон суетится вокруг, зашивает рану и что-то там выпрашивает, другой рукой я пишу на визоре команды для последующей корректировки своей истории. Меда приносит мне новую пижаму для пациентов.

– Джон, могу я пойти к тебе на ужин, Лиира приглашала? – бесстрастно спрашиваю я.

Он понимает, что мне что-то нужно из его оборудования, и согласно кивает. Но беспокойство его не оставляет.

Только оказавшись одна в ванной Джона, я переоделась в запасную одежду, которую он всегда имел для меня, и словно вернулась в свое тело.

Увидев свое отражение в зеркале и заклеенную гелевой пленкой руку, я испуганно уткнулась спиной в стену и часто задышала, потому что показалось, что легкие сейчас лопнут от боли и нехватки кислорода. Перед глазами пронеслось всё, что я пережила днем. Собственные действия шокировали. И сознание словно повисло в непроглядной неопределенности. Я не понимала, что делать дальше.

После шока наступила мышечная гипотония. Она перешла в полную неспособность удерживать себя на ногах, и я сползла по стене на пол.

Какое-то время лежала на полу, словно труп из лаборатории. Появление Джона мгновенно привело в сознание. А после я и сама не поняла, как рассказала связную историю с ранением о сук, чтобы скрыть все, что случилось тремя днями ранее.

Убедить его в том, что мне нужно успеть затереть кое-какую историю на чипе, вышло легко. Конечно, нужно было это сделать еще в тот день, когда я вышла из апартаментов хомони, но из-за срока давности не была уверена в результате: любая история обрастает деталями – множеством пространственно-временных точек, которые не разведешь и не скорректируешь в

короткий срок. А последние три дня меня словно и не существовало. Но о моем присутствии в шаттле хомони сегодня уже никто не узнает.

Глава 20

Когда я вернулась домой, отец с Игнатом смотрели новости, где сообщали о смерти высокопоставленного стража Безара Ила Хог Логарда. Хомони был найден в порту Тоусэла в арендованном шаттле.

– *Был здоров, как бык, а тут вдруг умер – истек кровью,* – усмехнулся Игнат на русском. – Может, его убили?

– *Кто стража тронет? Хотя именно его и могли прирезать, раз он сам свои же законы нарушал,* – презрительно хмыкнул отец.

«Успел ли ты назвать кому-нибудь мое имя?» – тревожно забила жилка на виске.

Дослушав новости, я бесшумно поднялась к себе, а войдя в комнату, долго простояла перед раскрытым окном в полной темноте.

«Жаль, что не я тебя убила, хомони! Туда тебе и дорога!» – шипели мысли. – За то, что ты сделал со мной, мало истечь кровью... Я бы наживую вырезала твои внутренности и раскидала зверям на съедение, и чтобы ты смотрел на это, пока жив...»

Недавний кошмар замелькал яркими вспышками в голове. И снова отметила это странное ощущение, что все произошло как бы не со мной. Об этом знал мой разум – сопоставил факты. Но в своем сознании я осталась чиста... Я сочувствовала той, другой... Но, это было не со мной...

А ночью за мной пришли.

– Сашка, вставай! – разбудил голос отца, а чья-то большая рука трясла за раненое предплечье.

Я поморщилась от боли, прострелившей руку до плеча, и поднялась на одном локте. Надо мной и в правду нависал отец.

– Что случилось?

– Тебя вызывают на допрос в службу контроля! – прошипел он, и в слабом свете, лившемся из коридора, увидела его широко распахнутые испуганные глаза. – Ты что-то натворила?!

Я мгновенно проснулась. К горлу подкатила волна жара, но ее тут же погасила проснувшаяся пустота. Она не избавила от страха, но сохранила ясность рассудка.

«Значит, он кому-то рассказал... Быстро хомони работают!»

Непринужденно пожав плечами, будто и понятия не имею, о чем речь, я протерла лицо ладонями и поднялась с кровати. Но в теле дрожала каждая жилка. Я скрыла слишком много. Наказание неминуемо... Единственное, что может быть положительного, – накажут отца и брата. Но мне безумно хотелось избежать этого самой.

– Дай мне одеться, выйду через минуту, – зевая, попросила я.

– Меня поражает твое спокойствие! – возмутился отец, пытаясь сел на край кровати и нервно заломил руки перед собой.

– Тебя тоже однажды вызывали на допрос, но ведь ты был не виноват... И я не знаю, зачем меня вызывают. Я ничего не нарушала. Допросят и отпустят, – наивно заметила я.

– Не болтай лишнего! – пригрозил он: знал, о чем говорит.

Я чувствовала, как начинаю злиться. А это не приводит к хорошему. Когда ненависть закипает, не различить меня, мысли, чувства, воспоминания, картинки... Только тьма перед глазами, сила, ярость и четкая цель, которую нужно поразить...

Я ждала, когда потемнеет в глазах: это состояние все чаще накрывало волной и захватывало тело и разум одновременно... Но ничего не произошло.

«Если я не выкручусь – никого не пощажу!» – готовясь к неизбежности, сжала зубы я и медленно повернулась к отцу.

– О чем именно?

Тот аж захлебнулся воздухом: чувствовал, что я уже могла догадаться, кто всему виной, только не мог в это поверить. Ведь он умнее, хитрее, способнее никчемной дочери... а значит, уверен в своей безнаказанности. Только вот я чувствовала его страх, липкой лужей растекающийся вокруг.

– Просто не приплетай лишнего. А то у вас – женщин – язык без костей, – дернул плечами отец и резко кивнул, чтобы не задерживалась со сборами.

Спустившись в холл, увидела двух стражей. Женщину – хемани и мужчину – хомони: его взгляд издали опалил алым огнем. В легких сразу запекло, показалось, что горло сжимают чьи-то потные пальцы... Захотелось сорваться на бег и бежать куда угодно, только подальше от хомони... Но опустила глаза, кивнула и после процедуры идентификации проследовала за ними к аэромобиле.

По дороге в отдел расследования нарушений законов и кодекса, чтобы не потерять контроль над собой и забыть о глазах стража хомони, пристально рассматривающих, прожигаящих насквозь, я сосредоточенно размышляла о причинах вызова на допрос.

В то, что меня вызвали как свидетеля чьего-то нарушения именно после смерти Безара Логарда, верилось слабо. И вариант, что раскрылось мое вмешательство в разные базы данных, тоже отменяла. Система безопасности в А-сети работает эффективно: если бы я совершила ошибку, это обнаружилось бы гораздо раньше... Не оставляло ощущение, что причина именно в смерти хомони...

«Но при чем тут я?»

Перед допросом меня завели в комнату ожидания, взяли на анализ кровь, мазок из зева, волос и оставили одну.

Если кого-то и вызывали на допрос, то всегда делали это ночью и сажали в разные помещения, чтобы никто друг друга не видел. Так хомони соблюдали правила конфиденциальности. А уж если гражданин оказался виновен, то его больше не скрывали в назидание другим.

Металлические стены и пол. Ни окон, ни других дверей. Только в углу стоял мягкий стул без спинки. Я села, поджала ноги под стул, а взгляд замер на двери. Через время в спине стало покалывать от напряжения. А в голове звенел единственный вопрос: «Зачем меня вызвали?» Без ответа на него не могла выработать никакой стратегии. Но уже то, что я не была ограничена в движении, давало надежду справиться.

Я медленно выдохнула, прикрыла глаза и прислонилась спиной к стене. Просидев так еще минуту, обняла себя за плечи и склонила голову набок, делая вид, что задремала.

«До утра еще несколько часов. Главное, выпутаться и успеть на собеседование научного совета... Итак, отца не вызвали, как и Игната. Значит, связи с мастерской не обнаружено... Но все ловко подстроено: на коробке заказа не было маркера с координатами заказчика, а значит, в базе мастерской такой заказ не значится. Этой доставки, по сути, и не было, а что уж там случилось со мной в другом городе – никому не известно. Тут и лгать не надо...

Из рюкзака исчезла та самая коробка, значит, у меня ее и не было. Опять сама придумала... Отец не так умен, как думает, наверняка без Игната не обошлось... И оба были уверены, что я не стану болтать...

Если бы не смерть хомони, никто бы ни о чем не узнал... Сейчас они там, наверное, волосы на себе рвут...

А самое противное, что я не могу допустить, чтобы их обоих вызвали на допрос. Я даже не могу намекнуть на их причастность. Если задавать правильные вопросы, они не смогут солгать и подставят всех. Стажировку на КНИС могут отменить и за простое нарушение этики, а здесь нарушение закона первого порядка, да еще и смерть хомони... Кто же виноват, что он издох?!»

Все так зыбко... Я хотела выжить любой ценой. Но что делать и говорить – не представляла.

От звука отпирания двери живот пронзило острой болью. Я испуганно открыла глаза и увидела перед собой женщину стража. Она молча поманила меня пальцем. Ссутулившись и продолжая обнимать себя за плечи, я вышла из комнаты и пошла следом за ней.

Холл был длинный... пустой... Тишина не предвещала ничего хорошего. Внутри меня все замерло. Двигались только ноги и взгляд. Кажется, даже не дышала.

И пока меня куда-то вели, я усилием воли цеплялась за сознание: потеря контроля над собой всегда страшила... Но как только открылась новая дверь, я решила довериться тьме... Сила, что взрывалась внутри, всегда защищала от всего, что могло бы уже убить не единожды...

Меня ввели в новое просторное помещение. От зеленых стен и зеркально-черного пола, в котором отражался яркий свет с потолка, я прищурилась. В центре стоял продолговатый прозрачный стол, на котором лежал сканер чипа контроля и другие предметы, неизвестные мне. У стены напротив сидели двое. Даже бегло взглянув в ту сторону, я узнала их – Ила и Хог Логарды – родители Безара Логарда. Видела вчера в новостях.

Только завидев хомони, тут же опустила голову и увидела отражения в полу: свое и стража. Женщина смотрела точно на меня.

– Садитесь, Саша Малых, – прозвучал строгий мужской голос за спиной, и второй страж – хомони, который сопровождал меня от дома, появился из ниоткуда и сел за стол.

Покорно кивнув, я села на прозрачный стул перед стражами.

Сначала голову заполнили разные мысли обо всех своих шагах до, во время и после встречи с Логардом, вплоть до новости о его смерти, все алгоритмы по корректировке своей истории. Но спустя минуту, пока при свидетелях проходила процедуру идентификации и считывания моей актуальной истории, ощутила, как холод заволакивает все внутри, делая меня сосредоточеннее... Тьма уже была рядом...

«В любом случае я уже ничего не изменю. Действовать буду по обстоятельствам, – решила я. – Но не дам моим планам разлететься на куски!»

Стражи представились по очереди, и игра началась...

– Вы знаете, почему вас пригласили на допрос? – спросил мужчина.

– Нет, – слегка растерянно покачала головой.

– Догадываетесь?

Я поводила глазами по столу и коротко мотнула головой: «Нет».

Логарды сидели в стороне и тихо переговаривались на древнем, наблюдая за контрольным сканером чипа.

– Что с вашей рукой? – продолжила женщина страж.

На нее я подняла глаза и с сожалением ответила:

– Утром на пробежке поранилась...

«Даже если они проследят весь путь Логарда по Кану, то вряд ли найдут следы крови в кустарниках парка, – прикинула я, зная, где расположен каждый датчик контроля. – Слишком далеко от шаттла... Да и за день их уже смыло системой полива. А если и нашли, то я скорректировала свою историю на утро, как и появление в медцентре у Джона. А Логард поймал меня в обед. И умер еще на час позже...»

Я аккуратно погладила предплечье и вздохнула:

– Надеюсь, шрама не останется...

– Кто оказывал вам медицинскую помощь?

– Врач Джон Саманти...

Страж пролистала свой визор, что-то вписала в него, взглянула на коллегу, и обратилась ко мне:

– Саша Малых, вас пригласили для уточнения обстоятельств смерти одного из граждан Ганы.

Я удивленно вскинула брови.

– Но я никогда не была на Гане...

– Это нам известно. Но вы одна из последних, контактировавших с ним.

Я растерянно повела плечами и нахмурилась, будто вспоминая о чем-то.

– Как вы познакомились с хордом Безаром Ила Хог Логардом?– спросил другой страж.

Я и понятия не имела, что буду говорить, но как только прозвучал этот вопрос, мысли живо наполнились силой, и все известные факты его и моей жизни мгновенно сложились в связанную сеть событий. Я даже не обдумывала правдивость каждого из них: слова сами лились из меня.

– Я не знаю, кто это...

– Саша Малых, вам известно, что лгать – серьезное нарушение,– сказала женщина страж, но она не могла знать, что я лгу: ложь давно стала моим способом выжить, и по их мимике заметно, что сканер чипа молчит. Однако в моей истории записано посещение апартаментов Логарда, и ее возмущало несоответствие моих слов фактам.

– Вы не могли бы повторить имя?.. И почему вы говорите, что я с ним знакома?– я взволнованно прижала руки к груди.

– Хорд Безар Ила Хог Логард. Вы находились в его апартаментах четыре дня назад.

Я сразу выпрямилась и ярко изобразила узнавание, а следом – беспокойство.

– Вы говорите про того мужчину в апартаментах? Кажется, он назвал свою фамилию... А я даже не запомнила... честно сказать... Тогда... да, я была у хорда Логарда в апартаментах...

А потом я охнула и накрыла рот ладонью.

– Так это он умер?!

Страж прищурилась, как и ее коллега хомони. Боковым зрением отметила, что пылающие глаза, стали похожи на две узкие щелки на крупном лице.

– С какой целью вы встречались?– спросила женщина, но, похоже, что поверила, как и Логарды.

– Мы не знакомы... И я не встречалась с ним целенаправленно. Я поехала в Тоусэл. Хотела посмотреть платье... У меня ведь скоро комиссия... Когда вышла на остановке, заметила, что за мной кто-то идет. Этот мужчина... хорд Логард... догнал, представился стражем, хотя был не в форме, и просил поговорить с ним... Назначил время в апартаментах...

– И вы так просто вошли в его комнату?– недоуменно спросил хомони, вероятно, считая меня самой глупой девчонкой в альянсе.

Я виновато вжала голову в плечи.

– Да, вошла. Он был вежлив... И я не могла отказать стражу... Он попросил уделить ему несколько минут, дал понять, что это неофициальный разговор,– я жалобно свела брови и затараторила:– Конечно я испугалась! Но он же страж, что со мной могло случиться?

– И с какой целью он вас пригласил?

Мысли возникали так стихийно, что я практически верила во все, что говорю.

– Он хотел расспросить меня о Джаде...

– О ком?

– Джада Бер Хезсо. Ее сестра училась вместе со мной. Они мои соседи...

– Что хорд Логард хотел узнать?

Я смущенно отвела глаза от женщины и судорожно вздохнула:

– Встречается ли она с кем-то, является ли чистой...

– Он сказал, для чего ему эта информация?

– Он собирался подать заявку на торги и хотел выяснить подробности о ее жизни... Ведь прием заявок уже начался... У Джады день рождения на фазис раньше моего...

Родители Логарда выпрямились и замерли.

– Вы обладаете какой-то конкретной информацией об этой девушке?– активно записывая все, что слышит, спросила женщина страж.

– Я не общаюсь с ней близко... И слухи не поддерживаю...

– Саша Малых, отвечайте на вопрос!– строго прервал хомони.

Я виновато покосилась на стража женщину и нахмурилась.

– Не бойтесь, вы ничего не нарушаете, если не собираетесь скрыть важную информацию,– сказала она, искренне подбадривая меня.

Я часто задыхалась, усиливая сердцебиение. От этого и голос задрожал, как нужно:

– Я только однажды услышала в толпе, когда получала допуск на итоговый тест, что, начиная с третьей процедуры, торги легко выиграть, если в дату размещения заявок мужчина подаст ее первым, то есть в полночь. А у Джады уже четвертая процедура... Кто-то сказал, что это очень ее обрадовало.

– Вы сообщили об этом хорду Логарду?

– Нет... Я не считаю, что это правда, торги нельзя спланировать. Ведь так устроена система... Поэтому не стала вводить его в заблуждение...

– Вы правы, система работает безотказно!– твердо вставил страж хомони. Ему явно не понравилось даже предположение о возможности так схитрить.

Я лишь опустила глаза и медленно перебирала свои пальцы.

«Если они еще зададут вопросы о Джаде, то вся моя ложь вскроется».

– Что еще хотел от вас хорд Логард?– продолжил хомони.

Я едва не выдохнула от облегчения, но выдала это за волнение и растерянно пожала плечами.

– Ничего...

– Вы были там более часа,– настоял он.

«Только час?! А кажется, я пролежала на том полу целую вечность...»

– Да, потому что я не хотела рассказывать ему все это. Я очень испугалась, что меня накажут... Так разнервничалась, мы не были представлены официально... что мне стало плохо... и... в общем...

В памяти вспыхнула картина, в которой туфли хомони плавали в луже моего «завтрака».

–...меня стошнило... Все это так некрасиво получилось... Он рассердился, потом извинился... Предложил умыться, почистить свою форму... Потом сказала, что толком ничего не знаю о Джаде... И все...

Страж мужчина что-то пометил в своем визоре и кивнул коллеге. Та вежливо улыбнулась мне и проговорила:

– Вы свободны, Саша Малых. Спасибо за исполнение кодекса. За дверь вас встретят и проводят из здания.

Я неуверенно поднялась, потопталась на месте, поправила платье, несколько раз погладив подол, и молча вышла из помещения.

Выдохнула только на улице. Утро уже наступило. Я посмотрела на себя в отражение окна и несколько раз глубоко вдохнула.

Встреча была не из приятных, нервирующая, но при всей сумбужности моих слов, отчего-то я была уверена, что все прошло хорошо. Если бы у стражей возникли хоть малейшие подозрения, они не выпустили бы...

Поражало одно: я ли все это говорила да так складно? И отчего-то ловила себя на вспышках восторга от уверенности, что страж хомони не оставит мою информацию о Джаде без внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.